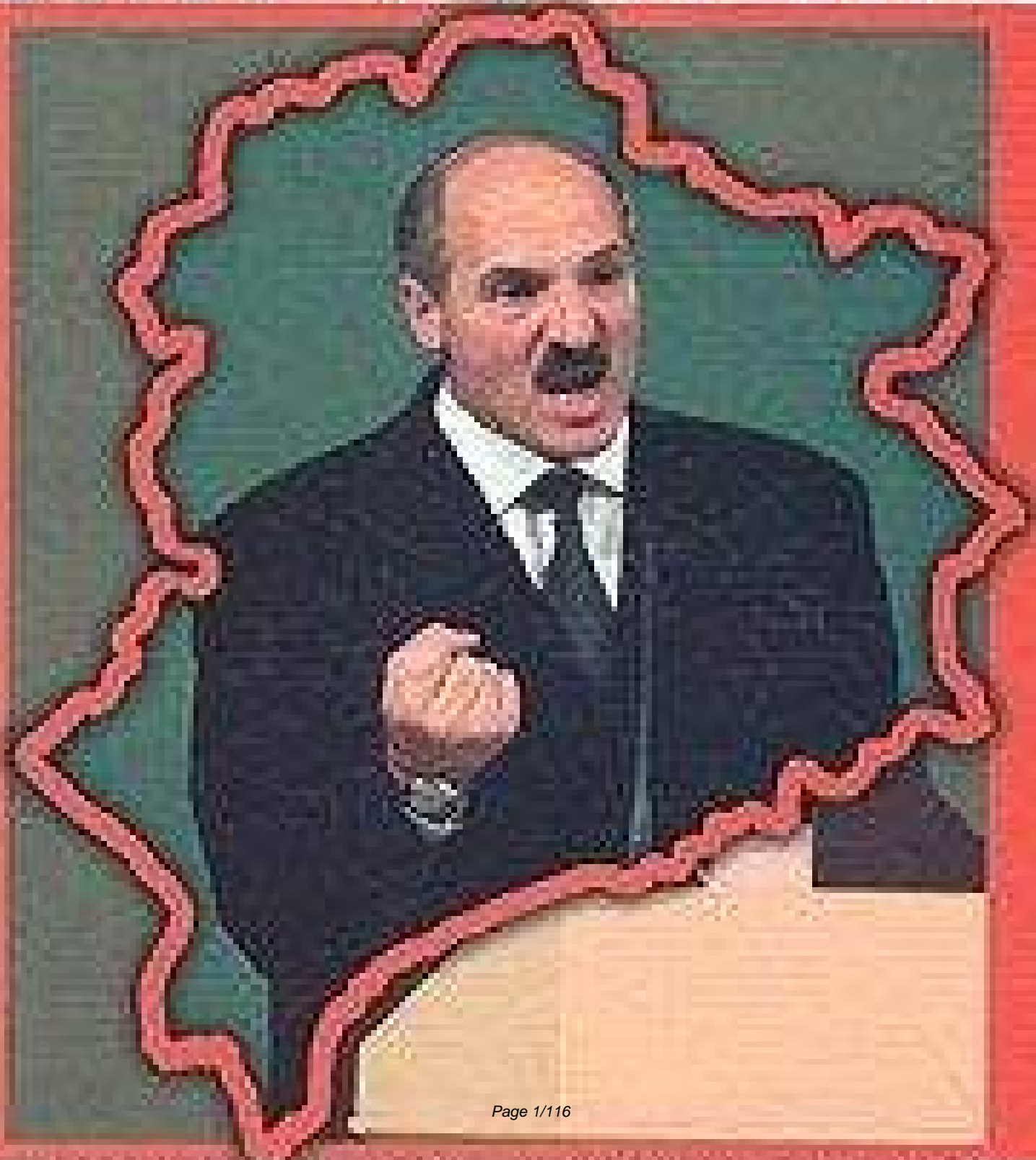

Брацкім Мінастрым

НАШЕ ЧАМІ

Владимир Матикевич

Нашествие. Неизвестная история известного президента.

«А на хрена я его из петли доставал?»

Стена возникла перед ним внезапно. Полуистлевшая, в трещинах... Как добраться до нее, не упасть, не споткнуться о корни деревьев? Тошнило, огромные ноги не слушались, слабея. Вдалеке – шум глухих голосов: то ли безумных, то ли пьяных... Вряд ли догонят... Он должен сделать это сегодня. Завтра мухи снова облепят его тело, уже неживое. Он рванул на себя дверь. В нос садануло смрадом. Дернул за ремень – солдатские штаны застряли на широких бабьих бедрах. Неуклюже подпрыгнул. Раз, другой. С потолка глянула петля, и голова, существуя как бы уже без огромного заледеневшего тела, полезла в нее. Туго... Выдержит. На минуту мир туманный и вонючий качнулся. В утробе вдруг ухнуло и затошнило. Руки царапнули балку. Назад? Уже поздно. Его потащило в темноту, смрадную, но уже нестрашную. Просто он не мог ее разглядеть.

Из дверей пахнуло холодом...

– Я говорил, что это дебил. Нельзя с ним водку пить. Для шизика стакан, что красный цвет для быка.

Неужели он снова в кошмаре под названием жизнь? Приоткрыв глаза, увидел сослуживцев по зоне. Ну все, теперь выпрут... Жаль места хлебного: можно было зеков обирать до портков и глумиться нещадно, а теперь сам в параше... Гады.

– Вставай, сука, сейчас разговор будет.

Кто-то плеснул в него из ведра. Вода отдавала помоями.

– А на хрена я его из петли доставал? Да я бы его сам в петлю засунул.

– Так ведь пил с кем – с нами. И кончится наша малина. Иди в колхоз колоски собирать. Начнутся разборки, комиссии... – Жили себе спокойно... И откуда он взялся?

Он с трудом различил голос начальника колонии.

– Ты смотри, я думал, такой уважительный, безропотный, честный. А у зеков воровать стал через два дня. Через пост стал таскать, сами знаете что. Понятно, мы тоже угощаемся, но без обид, по-братски. А этот... Пришлось поговорить с ним. Все на места расставить. И понял он меня вроде. А сегодня такую свинью всему нашему учреждению решил подложить. Неси-ка, Степан, по стакану. Смердит от него и на душе гадко...

– И как он в погранвойсках-то служил? Потом еще в чекисты метил. Как не заладилось, так к нам на зону подался.

– Товарищ начальник, да на хрена нам такие майсы? Увольнять его надо.

– А помните, как он меня...

– Да, точно, тебя... Выпил Саша стакан, побелел, потом красный стал. Глаза вылезли, и как засадит тебе... Никто ничего и не понял.

– Куда засадил-то? Надеюсь, его здесь к этому пока не приспособили.

Все захихикали.

– Тут бы я его порешил на месте, если бы не сослуживцы. А так пришлось по усам вмазать – больно противные.

Тело дернулось и рухнуло на живот. Какая-то слюна из крови и дерьма снова потекла из него.

На минуту голоса смолкли.

– А я еще на ту замочку начальство пригласил. Стыд духа. После он куда-то сбежал. Кинулись искать – а он в петле висит, морда уже синяя. Вытащили, дышалку восстановили. Ожил. Я спрашиваю: чего это с тобой? А он: «Ничего, гражданин начальник, не помню». Настолько дурья башка съехала, что товарища с гражданином перепутал.– А может, он сидел?

В ответ заржали.

– Кто такого в зеки возьмет? И плакал тогда, и клялся, что больше не будет... А сегодня вот снова.

– Надо гнать в шею, пока не поздно.

– Гнать... – мычали вокруг.

* * *

Пока ему все безразлично. Желанна – только темнота. Голоса уходят прочь... Ни одного голоса. Он – в пустоте. Завтра он снова будет жалеть себя, и ненавидеть других.

Холодная вода, несколько слабых ударов по деревянному телу.

– Просыпайся, сука... Тебе знаешь что пить...

– Хлопцы, так я ж ничего...

– Вставай! Что будем с тобой делать? Может, опять дать веревку?

– Я ничего, извините, не помню, никакой веревки.

– Чтобы вспомнил, так надо бы его в ту камеру, где очко уважают. Там сразу все вспомнит.

– Никакого очка не помню, ничего не помню.

– Вот заладил: помню, не помню. Гнать его надо в шею от греха подальше.

– Давайте ему сувенир подарим на прощание – конец от петли...

– Ага, и кликуху дадим – висельник.

Все дружно зареготали.

– Ты нам расскажи, чего в ЧК тебя не взяли? Может, и там голову с жопой перепутал, в ремень шеей полез?

– А вообще, кто ты, откуда, хотя нам на это наплевать... Проваливай, как говорят, по собственному желанию.

Последние слова начальника колонии застряли где-то посередине комнаты, словно повисли в его, Сашкином, помутненном разуме...

«Покушение» под Лиозно

На обочине сельской дороги, ведущей в районный центр Лиозно, стоял запыленный, старый «мерседес». Депутат Верховного Совета Шейман, передернув затвор автомата-пистолета Стечкина, заорал стоявшим поодаль Титенкову и Кучинскому:

– Отойдите, бляди, а то еще вас случайно грохну!

– Да хватит.

– А что скажет наш кандидат в Президенты? – хором обратились стоящие к Лукашенко.

– Одно скажу... Кончайте херню. Как бы эта сраная затея против нас не обернулась.

– Не обернется... После рваного костюма у входа в Совмин надо дальше идти... Понадобится – и жопу тебе подстрелим. Надо доверять специалистам.

– Да пошли вы... – сказал Лукашенко.

– Когда будем делать заявление о покушении на народного представителя?

– Завтра, а теперь поехали в баню, все уже накрыто.

По дороге он все не переставал думать: «Ясно, сейчас подключат ментов. Доказать, что не было никакого покушения, несложно: стреляли из „мерседеса“ такого-то, ни одной машины обнаружено не было, и так далее... Да хрен с ними! Авось все удастся. Прошла ведь утка с гвоздями для дачи Шушкевича. Быдло, или, как выражается умник Федута, белорусский народ, все проглотит. Интересно, что скажут лощеные Гончар и Булахов? Скорее всего: „Сработано топорно, правда всплывет в течение часа“. Черт с ними, есть проблемы и покруче».

Машина остановилась около покосившегося здания. Их встречал коротко остриженный, невысокий, с бегающими глазками человек. Услужливо взглядываясь в лицо кандидата, представился:

– Михаил Езубчик – будущий министр строительства.

– Будешь, если выиграем, – буркнул ему Лукашенко.

В предбаннике остро пахло сухими вениками и вареной колбасой. Выпили, залезли на полку.

– По-моему, все-таки херня, не поверят...

– Да ладно тебе, дело сделано, – сказал Шейман. – Завтра увидим...

Со скрипом, впуская холодный воздух, открылась дверь в парную. На пороге в чем мать родила, бледный, с пистолетом в руках, стоял Кучинский.

– Что, Виктор, что случилось? – прокричал Лукашенко.

– Ничего. А вдруг они сюда явятся – защищать тебя кто будет?

Лукашенко вытаращил глаза – член по соседству с пистолетом. Кучинский стоял, переминаясь с ноги на ногу, оглядывался по сторонам: что делать с «Макаровым»?

– Ты его в жопу засунь, – посоветовал Титенков.

Баня взорвалась от хохота. Все попадали с полка.

Слегка успокоившись, похлопывая тощий зад Кучинского, Лукашенко сказал:

– Стану Президентом, будешь ты у меня порученцем по особым делам. Решено... Ну все, хлопцы, еще выпьем и пора спать.

Спали вповалку, на банном полке. Утром их разбудили охранники. Надо подавать заявление о покушении. Могут нагрять менты. В машине Титенков, сидевший рядом на заднем сиденье, развеял сомнения друга:

– Саня, все нормально. Ты победишь. Только вот возникает вопрос: «Кто ты и откуда?»

– А знаешь откуда? – он вдруг вспыхнул – Откуда и ты! Из п...!

Как хотелось ему тогда вмазать по тупой Ваниной роже. Он едва себя сдержал: все-таки ехал в «мерседесе» Титенкова, ел его харчи, носил костюм, купленный его дружбаном Витькой Логвинцом. К тому же Шейман, пьяный в сиську, без конца твердил: «Проскочили, проскочили... Народ вздрогнет. Стреляли в кандидата... Покушение... На тебе, выкуси, Вячеслав Францевич. У тебя власть, а мозгов нет. Да я бы на твоём месте всех нас в один миг...».

– Ты чего это несешь... В какой такой один миг? Закон существует...

– Да я твой закон... Сам потом поймешь, как это делается.

– У тебя все же пуля в голове не зря сидит...

– У меня и в кармане кое-что есть. Обойма не пустая...

– Нажрались... Успокойтесь, – сказал Лукашенко. – Там разберемся, кто на что горазд... Государственная работа – эта не стрельба по крышам.

В машине стало тихо.

Непонятно почему, но и через много лет он вспоминал этот странный титенковский вопрос, и длинными бессонными ночами, когда оставался наедине с овчарками и охраной за стеной, его преследовал чей-то голос: «Кто ты и откуда ты?» Часто во сне он кричал: «А кто вы? Откуда вы? Вы все – дерьмо!» – и, просыпаясь в холодном поту, плакал навзрыд...

Байстрюк

Безрассудная ненависть постоянно жила в нем. Старые и новые обиды, словно кровоточащие раны, разъедали его мозг и волю...

...Колодец. Чернота внизу. Крепкая рука, сжимающая его горло.

– Сейчас ты будешь там... Удавил мою кошку!

Эхом отзывается бездна.

Били долго и часто. Он не мог сосчитать этих ударов. Все темнело в глазах, и боль пропадала сама по себе, будто тело улетало куда-то.

Но потом всегда чувствовал на себе теплые руки матери и что-то холодное на опухшем лице.

– Ну что ты опять натворил?

– Не знаю, они сами...

– Боязно мне, сынок, когда деревня ненавидит... Ох и боязно...

Он оправдывался:

– Не могу выносить этих людей, не могу... Ненавижу их!

И матери грешно думалось: «Может, лучше бы он задохнулся тогда при родах от травмы и перевязанной пуповины?!» Ей было страшно от того, кого произвела она на свет, и все чаще и чаще она, сгорбленная, застывала перед репродукцией иконы Богородицы, вырезанной из журнала.

Его мать Катерина была родом из деревни Александрия. Вроде бы всего несколько домов обозвали так в тридцать девятом. В колхоз тогда насильно согнали несколько хуторов. В деревне этой не по своей воле оказался и дед Катерины, основатель рода Трофим Лукашенко со своей женой. Деду не повезло – остался он бобылем перед самой войной да четверо детей. После войны деревня пьянствовала и голодала. Как-то Катерина, осмелившись, подошла к отцу:

– Батяка, прости меня...

– Чего? – отозвался тот, едва разлепив глаза от пьяной дремоты.

– Не могу я больше тут, в город подамся.

– Подавайся, мне все равно конец. И остальных забирай. Не выдержим мы тут, всем конец придет.

Катерина поехала в Оршу. Там на льнокомбинате набирали девчат. Стала учиться на ленточницу.

Он хорошо помнил этот невеселый рассказ матери. Он все помнил, даже то, что хочется поскорее забыть.

Вот их класс вывезли убирать картошку. Все в поле, а он на верхушке дерева воет по-волчьи. Обучил его этому вечно пьяный брат матери Трофим. Этот Трофим предрекал его будущее:

«Дебильный ты, Сашка, но настырный – всех нас в роду превзойдешь». Учитель немецкого языка Акминский картошку копал со всеми вместе: «Это хлеб наш белорусский, ему замены нет». Ненавидел он этого Акминского уже давно. С тех пор, как тот устроил выволочку ученику Саше Лукашенко за доносительство на товарищей по школе.

«На тебе, фашист поганый!» – схватил камень, и прямо в глаз. Эдуард Владимирович от боли и неожиданности на землю рухнул.

– Ты что делаешь? – накинулись на Сашу дети с ведрами. Кто-то вмазал ему в поддых.

– Байстрюк есть байстрюк!

– Отпустите его, не говорите так больше. – Акминский разнимал дерущихся.

До хаты пробирался чужими садами. Под ногами катились яблоки, мешали идти. Он их тоже ненавидел.

– Мама, я байстрюк?

– Да ты о чем, сынок?

– Я про батьку. Был он или нет?

Катерина погладила сына по голове:

– Был у тебя батька. Если б не был, то и тебя не было бы... Но не наш деревенский, не нашей крови... Кровь, сынок, не выбирают...

– А почему я байстрюк?

– Так глупости это все. Каждый ребенок байстрюк, если батьки не знает.

– А я почему не знаю?

– Немаулятка ты был. А батька Гриша – цыган он по роду, так тебя и не увидел. На льнокомбинате он очес вывозил. Нормальный батька, только с одним глазом... А цыгане, знай, сынок, не все воры да обманщики.

– Почему же он не с нами?

– Катерина задумалась, помолчала.

– Не один он был... С бабой, семьей большой... Да и без глаза... Цыган. Как такого в деревню нашу тащить? Да и он не захотел.

– Когда его встречу – убью.

– Катерина вздрогнула.

– Так нельзя про людей говорить, особенно про батьку.

Он насупился, схватил топориче и швырнул в стену.

– Я бы его, цыгана, вот так, вот так. Не называли бы меня байстрюком.

– Да опомнись ты. Мать я твоя, дом у тебя есть, веска, люди наши...

– Сволочи они все.

- Не слушаешь ты меня, сынок. Не знаю, как и объяснить тебе все.
- Да ладно, ну дурень я, ну отпетый дурень.
- Не надо так, поберегись ты, чума над тобой летает. Я сон видела: чума прямо над головой.
- А ты не бойсь, мать. Только я доберусь до них, уж доберусь.

«Курощуп»

Из воспоминаний С., соседа А.Г. Лукашенко:

«Деревня наша небольшая. Вся на виду. Мы его байстрюком не называли. Иногда за глаза, бывало, а так ни за что. Да не один он был таким. Придурковатый – это было. Особенно по малолетству. Рожала его Катька тяжело, отхаживала долго. Зато когда поднялся на ноги – черненький, вертлявый, чистый цыганенок, – настрадалась от него, на две жизни хватит. Злым рос, уж неизвестно отчего. Бывало, повадится в чужой сад – не отобьешься. Столько шкоды наробит... Сейчас он Президент, самый честный, говорить научился, а тогда? Всякое было... И кошку без причины придавит, и поленницу дров разнесет, особенно у того, кого невзлюбит. Не любили его в деревне, хотя и прощали его выкрутасы – безотцовщина. Были ли у него деревенские прозвища? Ну как без них. Звали курощупом, пока в школу не пошел. Блажь имел, любил курей щупать. Засунет свой неокрепший палец в задницу и, обнаружив там яичко, орет на всю улицу, мамку зовет. А как в школу пошел, Катька нарадоваться не могла – учился старательно. Пел, стихи про любовь рассказывал, активистом был. Как водится, любил шепнуть о непорядках в классе кому надо. Били его за это, да не шибко – свой и добра желает. У себя – ни кола, ни двора. Забор только недавно поставили, а порядка в чужом доме хотел. Вишь, как все пошло, куда его дорожка вывела – в Президенты... Раньше работу в деревне бросали, когда наш „Будулай“ выступал, бабы млели: крепкий, красивый мужик, артист, словом. Вот только палец с детства растопыренный выдает. По нему мы в нем своего признаем. Теперь шороху поубавилось. Успокоились. Привыкли, что ли. В деревне говорят – трепло наш Сашка. Проку от него, как от коровы яловки в голодный год. Вот рассказал вам, а сам думаю, что как признает меня Сашка. Со света сживет. Мстительный очень. Ничего не прощает».

«Или блядуешь, или людей избиваешь»

Дождь бил прямо в лицо. Дорога расползлась. Галина едва доплелась из детского сада до хаты. Мог бы и довести... Обещал ведь, звонил, а потом опять, кот помойный, пропал неведомо куда... Хотя вся деревня знает, куда. К Маськовой. Захотела бы, так выгребла бы его из Ларискиной хаты за облезлый, зачесанный по примеру дядьки Трофима, чуб... А что он там, так сомнений нет, только не хочется ей мараться о потную морду. А тут еще Алла Коноплева, подружка так называемая, жена участкового Володи Коноплева, когда голоса для регистрации кандидатом в Президенты собирали, подошла, обняла, спросила, как дела, да и рот кошельком раскрыла:

– Иду я , смотрю, автобусы для сборщиков голосов разъезжаются. Под командой, ясное дело, моего Володьки...

– И что?

– Да как что?! Лариска Маськова не одна, сука, приплыла, а с дочкой. Мол, в помощь, голоса для Сашки собирать... А машина его опять возле хаты ее стояла всю ночь.

– Ну молодец. Спасибо тебе огромное.

Галина не скрывала своего раздражения.

– Да не за что, ты прости, я это так, по доброте и открытости. Держи своего кобеля на цепи – сорвется, никакими коврижками не заманишь...

В доме стояла гнетущая тишина. Казалось, что остановились даже вечно спешащие часы-ходики.

– Дура я, дура, – горько вздыхала Галина, – куда мои глаза глядели? Не зря говорила свекровь, что он с малолетства под подол к девкам лазил. Видно, кровь цыганская бурлит. Да и дурень он отпетый. А у дурней, как говорят на деревне, стоит, как у быка-производителя.

Сейчас он ходит гоголем – а кем раньше был? Ни на одной работе не держался, поработает с полгода – и все, сидит дома, бумаги на бывших сослуживцев строчит.

Если б мама моя его в институт не пристроила – до сих пор бы мух ловил да к себе в штаны запускать. Об этом юношеском ротозействе как-то за чаркой рассказывал его школьный друг Колька Шебеко.

Шум за окном прервал ее тяжкие мысли. Возле ворот дома затарахтел Сашкин «уазик».

Он ввалился в дом, бухнулся на диван, раскинув толстые ляжки.

– Устал, мать. Заела работа. Учужали про меня, комиссий разных напустили.

– А Лариска Маськова в комиссию входит? Против тебя борется или нет?

Санька, мигом вскочив, заорал:

– Да какая еще Лариска?

– Возле хаты которой машина твоя ночует, а ты, кобель поганый, в кровати подчуешься... Пошли мы однажды в суд, так надо было дело и добивать.

– Вранье все да бабьи сплетни... А в суде ты сама струхнула. Теперь они нам не нужны. Скоро я съеду, совсем съеду. Не понимаешь? Сейчас уже все понимают, у кого мозги шевелятся...

Она вспомнила операцию после аварии в 1982 году. И когда у него начались припадки эпилепсии, лекарства горстями глотал. Предупреждали ее врачи, что может стать ненормальным...

– Да зачем я с тобой осталась, когда пластинку в голову вставили?! Была бы свободной и хлопцы счастливыми... Блядуюшь, жизни нет. Соседи надо мной смеются.

«Вот бы исчезнуть куда-нибудь, да надолго, чтобы глаза ее не видели», – со злорадством подумал он.

– Давай развод и лети на все четыре стороны...

– А дети куда пойдут?

– А хоть куда. Я такое еще всем устрою... Представить не можешь... А с этими бабами отвали от меня!

– А Надьку Горбузову помнишь? Мало ее раздирал? Не помнишь, как муж ее засаду на тебя устроил? Просадил жаканом машину насквозь, а ты, сука, спасся...

Он вскочил с дивана, натянул телогрейку:

– Ты много, много чего можешь вспомнить? Кто ты такая? Помолчала бы...

– А Надьку Вашкевич ты тоже не помнишь? Сильно вы с ней в обществе «Знание» общались... Весь райком партии на ушах стоял. Думаешь, я не знаю, чего ты «Знание» на сверхсрочку променял?! Я помню – пришла в райком с жалобой, а Надька Вашкевич следом за тобой уволилась по собственному желанию. И уехала в Молодечно.

Галину Родионовну понесло. Все, что копилось в ней годами, разом хлынуло: слова, слезы, старые и новые обиды...

– Нехорошо, позоришь ты меня. На работу стыдно ходить. Только и говорят о твоих похождениях – третьего сына Горбузики бабы Лукашом называют. Я его приделала ей или ты?

– Да ты вообще оборзела, – взвился Лукашенко, – деревенских сплетен наслушалась! Против меня заговор в совхозе зреет. И ты, я вижу, с ними заодно. Какой еще такой Лукашок? Да ты не п..., лучше сразу в прокуратуру на меня напиши.

Не владея собой, он рванул на себе рубаху. Его огромная ладонь перехватила горло Гали. Она стала задыхаться, тело обмякло...

– Да будь ты проклята!

Он выпустил ее. Галя рухнула на пол. Услышала только, как хлопнула дверь.

Машину трясло... Хорошо, что дорога свободная. Ну, достала дура, жизни нет. Кто вы такие, чтобы меня контролировать? Да я из этого, вами разведенного дерьма, всей вашей сраной жизни, в депутаты иду. Кому это в голову могло прийти? Только мне... Над костюмами, зачесом и перхотью смеялись... Да ладно в сельском совете, там умников немало развелось, а тут в родной хате... Да кто тебя, корову, еще трахать будет, вон бабы какие под меня ложатся... Куда ехать? К Лариске? Возьмет да подкараулит возле дома... Бутылку взять? Не идет ему это зелье. Мрак, темнота подступают со всех сторон, ударить кого-то хочется, морду в клочья разорвать, убить...

Возле деревни Кривель он притормозил машину. Стоящий одиноко колхозный трактор привлек его внимание. А вот и Васька Бондурков, тракторист х..в. Наверняка халтурил, используя государственное имущество... Ах ты сволочь! Схватив Бондуркова, он с размаху ударил его кулаком в лицо, швырнул его на землю, стал бить ногами...

– За что, Рыгорович, за что? Выпил я самую малость, домой еду...

Рядом возникли какие-то голоса, но он не различал их, никого не видел. Бил, попадая в какое-то кровавое месиво, будто себя самого от непонятно кого защищал. Его оттащили от Бондуркова, когда у того и другого пена изо рта пошла. У тракториста нога сломана, директор невменяемый. Кого куда везти? В больницу или милицию?

– Пошел, я пошел! – он замахал руками и побрел прочь от «уазика».

Утром, оледеневший, очнулся в стоге соломы. Оглядевшись по сторонам, побрел к хате... Опять разговор с Галей... Где был, что делал? А что он делал на самом деле? Куда он идет, к чему? Перед ним опять стена смерти, казалось, неизбежной. Его охватило чувство ненависти и страха. Кого ему бояться? Кого ненавидеть? Всех! До единого, кого подслала жизнь. Он не верил никому, даже самому себе...

Но он идет, он движется к какой-то непонятной еще цели. Далека она или близка? Неведомая сила над ним. Кем посланная? Может быть, дело все в каменном идоле, которого нашли недавно под Шкловом? Идол языческих времен. Высеченный из камня рукой неведомого автора. Может, он и есть тот самый оживший идол. Тогда нет ему границ, нет преград и все это дерьмо будет под ним.

Он ввалился в хату, произнес:

– Галя, мне хреново... Я чуть человека не забил до смерти...

Родионовна покачала головой:

– Или блядуешь, или людей избиваешь. Милиция уже приезжала. Доискаться тебя не может.

– Доищутся, обязательно доищутся, – ответил глухо. – Все вы меня доищетесь!

* * *

Из уголовного дела № 143. Заведено Шкловским РОВД:

«22 октября 1989 года директор совхоза „Городец“ А.Г.Лукашенко, применяя физическую силу, избил механизатора того же совхоза Бондуркова В.

В результате проведенной медицинской экспертизы выяснилось, что в результате хулиганских действий Лукашенко А.Г. пострадавшему Бондуркову были нанесены телесные повреждения средней тяжести в область шеи, головы, паха. Были выявлены многочисленные кровоподтеки на всем теле».

Из свидетельских показаний А.Подольского, жителя деревни Кривель:

«22 октября Бондурков помогал мне вспахать мой огород. После работы мы сидели на лавочке. Когда стемнело, к нам подъехал на УАЗе директор совхоза Лукашенко и стал кричать на нас. Затем ударил Бондуркова кулаком в лицо, а когда тот упал и стал подниматься, стал бить его ногами».

В ходе предварительного расследования на имя начальника РОВД поступило еще одно заявление от механизатора Ивана Богунова. На основании вышеизложенного, возбудить уголовное дело по статье и передать дело в производство».

* * *

Из показаний горничной гостиницы «Октябрьская» С.:

«– Наши источники сообщают, что между вами и народным депутатом А.Г.Лукашенко была интимная связь?»

– Я женщина одинокая, ребенка одна рашу. А тут народный депутат, обходительный такой, простой, наш мужик. Обещал картошки привезти, помочь деньгами. Наговорил, что разводной, один двоих детей поднимает на ноги. После всего, что было – противно говорить. Поимел и бросил, как у нас девки говорят. Ни картошки, ни денег. Сволочь, извращенец.

Белье мое спрятал. Говорит, на память. Бутерброды занюханые и рубашки грязные – вот и все мое мимолетное счастье. Бросила я его или он меня, бес его знает. Теперь уже и не помню. Когда говорят о женщинах Президента, так это про меня. Иногда выступает по телевизору, так девки на весь этаж кричат: «Беги, твой выступает». Меня как током прошибает. Ревом реветь хочется... Да что я? Теперь все такие. Страну жалеть больше надо...»

«Бейте сильнее – президент разрешает!»

Он протянул руку – горячее женское тело рядом. Неплохую подружку подобрали ему. Молодец Виктор, афганский опыт пригодился. И в постели женщина что надо, и докторша хорошая. Не хочется вставать. Закрывать бы глаза еще на несколько часов, но ничего не поделаешь. Еще нужна пробежка. Без этого он не может. Многие не понимают... Да и как объяснишь. Без этого черная стена надвигается на него, мысли теряются, исчезают, хочется бежать от этого, бежать... Он вскакивает с постели, натягивает спортивный костюм. Ирина повернулась во сне. Оголился розовый сосок ее пышной груди. Он выбежал на крыльцо и рванул по дорожке. Рядом пристроились две овчарки. Откуда-то смотрят глаза охраны. Чудное утро. Какая жизнь! Только бежать, бежать. Тогда ему становится легче. Сегодня он примет, может быть, главное решение в своей жизни...

Минут через сорок он уже стоял под душем. Надо срочно вызывать Бородича и Тесовца. Срочно! Распоясались вконец. Поиграть в демократию захотели. И это при его власти – власти Президента. Стадо говорильщиков. Узнаете вы у меня, как голодовки устраивать в Верховном Совете.

Ворвавшись в свой кабинет, он вызвал начальника охраны зданий майора Тесовца.

– Где Бородич и Аголец?

– Выехали.

– Сколько можно ехать, или им тоже нужен «зеленый коридор»?

Через несколько минут начальник Службы безопасности Президента Бородич и командующий внутренними войсками Аголец были в его кабинете.

– Значит, так. Необходимо положить конец этому бардаку. Голодают в Верховном Совете. Что задумали, твари! Переворот устроить?! Президента обмарать?! Не получится! Сегодня к утру надо вышвырнуть эту мразь из зала. Пусть ползут по своим любимым улицам, там, где

их уже никто не ждет.

Лицо Бородича стало бледным.

– Все понятно, когда начинаем операцию?

– Сегодня же. Только попозже... Лучше ночью, глаз посторонних поменьше.

– Какие силы задействуем? – спросил Аголец.

– Службу безопасности, внутренние войска, «Альфу». Можете быть свободны. Докладывать мне об обстановке каждые двадцать минут. А пока я должен тут позвонить одному козлу... Пока он сидит на своем стуле.

Он набрал номер.

– Добрый день, Мечеслав Иванович... Приятно, что рано на работе.

– Доброе утро, Александр Григорьевич.

– Ну что у тебя нового? Сессию будешь продолжать? Только что Рыбкин звонил, в Москве от тебя решения ждут, а ты молчишь, ждешь, отсидеться хочешь. Пойми, – продолжал Лукашенко, – мы не можем допустить прибалтийский вариант. Ты что, хочешь, чтобы у нас вышвыривали русских и коммунистов вешали? Не забудь, Мечеслав Иванович, что мы с тобой с одного гнезда, а они кто? Националисты, отщепенцы недоделанные. Я только что разговаривал с Кремлем. Москва возмущена шабашом, который наши националисты устроили в Верховном Совете. Барсуков готов отправить нам сюда команду на помощь... Только что звонил мне Примаков. Россия не может спокойно смотреть на все это.

– Мне это тоже не нравится... А что поделаешь? Общественное мнение, телевидение такое раздуют...

– Да ты не волнуйся, я все на себя беру. Я гарант, и ты здесь не при чем.

Трубка молчала.

– У нас что, связь прервалась?

– Я вас слушаю, Александр Григорьевич, – сказал Гриб. И после паузы добавил: – Вы Президент, поступайте как знаете. Полномочий у вас достаточно. Только об одном прошу, Григорьевич: чтобы обошлось без стрельбы и увечий.

– Спасибо, Мечислав Иванович. Иного ответа от тебя не ожидал. Кстати, только что подписал указ об обеспечении всем необходимым в работе Верховного Совета. Если будут какие-нибудь просьбы – звони, всегда буду рад.

Спать в эту ночь он не ложился. Бесперывно звонил телефон. Хриплый, вкрадчивый голос Примакова:

– Александр Григорьевич, вы, я понимаю, не спите. Бессонная ночь у нас, но что поделаешь... Вы молодой Президент, а я старый политик... Вы не суетитесь и не бойтесь... Мы рядом... Все будет нормально... Дума, Президент вас поддержат... Вы делаете благородное дело.

– Спасибо, Евгений Максимович. Большое спасибо... От меня лично, от людей, которые рядом со мной. Мы вас ни в чем не подведем.

Положив трубку, он слушал доклад дежурного офицера. Подготовка заканчивается. Операция

состоится в три часа ночи. Возьмут всех спящими. Потом сидел в кресле, глядя перед собой. Вдруг понял: он должен сам все видеть... Набрал Шеймана.

– Ты едешь со мной?

– Хорошо.

– Выезжаем через десять минут.

Перед выездом в темноте лично сам снял флажок с президентского «мерседеса». Приятное возбуждение делало его решительным. Наконец он доберется до них. Устроит темную, отомстит за все обиды.

Машины неспешно катили по спящему городу. Темные окна. Никто и не представляет, какое кино начнется сейчас. Все будет снято на пленку – он отдал команду. И не только для того, чтобы доказать Москве – он никого не убивал. Он будет крутить ее, наслаждаясь ярким зрелищем раз за разом, когда черная стена опять начнет давить на него.

Подъехав со стороны улицы Мясникова к дому Правительства, он поднялся с Шейманом и человеком в черной шляпе на второй этаж Совмина. Отсюда ему будет все хорошо видно.

– Начинаем, – сказал Аголец в трубку.

Депутаты сидели, тесно прижавшись на подиуме за столом председателя. В зал вошли Тесовец и Бородич.

– У вас три минуты, чтобы покинуть зал.

– Мы никуда не уйдем.

Яркий свет разом вспыхнул в огромном здании. В открывшиеся двери змейками, с оружием наперевес, рядами потекли и остановились в боевых порядках люди Наумова. Спецназовцы в черных спортивных костюмах и масках через эти живые коридоры бросились на сидящих. Депутатов по одному стали вырывать из-за стола и сбрасывать вниз. Там их встречали люди в шлемах, с дубинками в руках. Раздавались глухие удары...

И вот он видит их. Их выводят с опущенными головами. Вот вам байстрюк, вот вам Президент – директор совхоза... Как будто он сам приложился дубинкой к каждому из них. Кулаки его, сжимаясь, потели... Вот вам привет от одноглазого батьки цыгана, от дядьки Трофима. Он чувствовал, как возбуждается, будто от прикосновения к Ирине. Кровь стремительно разносится по жилам. Хочется кричать – бейте их сильнее, решительнее, Президент это разрешает! Этой жалкой кучке беспомощных врагов никогда не отнять у него власть!

«Злокачественный нарциссизм плюс комплекс неполноценности...»

В коридорах больницы стоял удушающий запах нашатыря, еще какой-то отравы. Человек в длинном пальто и широкополой шляпе постучался в кабинет, на котором висела табличка: «Начмед Сакадынец О.С.».

– Ну и смердит у вас, батенька...

– А вы, собственно, кто?

Человек молча протянул красную книжицу.

– Понятно, а пахнет у нас обычно, больницей.

– Но у вас же не совсем обычная... Больница непривычная... Вот с этим связано, – опер покрутил пальцем у виска.

Врач рассмеялся:

– Ни один человек не должен зарекаться от посещения нас... Даже самые великие состояли на учете в подобных заведениях... Иногда сам думаю, не стать ли пациентом. Может, в жизни все наладится... Итак, что привело вас к нам? Вообще-то люди из вашей конторы частенько нас навещают.

– А что делать? Такая работа, – вздохнул гость, поглядывая на полупустой стакан, стоящий на столе. – Тут тайны человеческого мозга. Не всегда нормального. А кто вообще может определить – кто нормальный, а кто нет? Вон, возьми любого великого, я повторюсь – или шизик, или отпетый идиот...

– Это уж точно, – согласился врач. – Да и среди не слишком великих и даже совсем маленьких полно идиотов.

– Интересует меня одна история болезни... Если, конечно, она у вас имеется. Мужичок уж больно активный. То Генеральному прокурору СССР настроит на все районное руководство, то в КГБ писульку пришлет, кого в районе надо брать, то на работу к нам просится...

– Посмотреть – дело несложное. Фамилия, имя, отчество?

– Лукашенко Александр Григорьевич. Вот карточка со всеми данными.

– Сейчас запросим историю болезни.

Через несколько минут в руках у опера оказалась тощая папка.

Не очень богато, но то, что вам надо, вы здесь найдете. Мозаичная психопатия. Наблюдались припадки эпилепсии, садистские наклонности. Во всех окружающих видит врагов.

– А садистские наклонности в чем проявлялись?

– В детстве любил душить кошек.

– М-да... Я ведь не случайно зашел к вам. Он написал генеральному прокурору СССР, что школьный сторож пьет и сожительствует с завучихой. А дядька Рыгор ворует с фермы силос...

Опер раскрыл папку. Внимательно посмотрел на врача, спросил:

– И как вы нашли такого пациента?

– Давно уже... После окончания пединститута явился к первому секретарю обкома партии и стал требовать назначить его директором совхоза... Мы заинтересовались пациентом и сделали запросы в пединститут, по месту жительства и работы... Изъяли амбулаторную карту из детской больницы. Выяснилось, что Лукашенко в детстве страдал садистскими наклонностями, был комиссован из армии по статье 76, с тем же диагнозом – с должности замполита в/ч 04104. Больные с таким диагнозом имеют крайнюю склонность к манипулированию окружающими, лживости. Они склонны к сверхценным идеям, как кажется им, отличаются подозрительностью и события вокруг себя оценивают как заговор. Обычно у

таких больных отсутствуют близкие друзья, они не способны поддерживать нормальные долгие взаимоотношения с людьми. Эти же факторы побуждают к постоянной смене половых партнеров. Мы, врачи, считаем, что эти люди входят в так называемую группу риска, из них вырастают маньяки...

Опер устало взглянул на врача:

– Да, для школы КГБ он явно не подходит. Но использовать кое в чем можно...

Врач вздохнул:

– Если уж такие ущербные пользу приносить будут, то наши больницы на каждом углу строить придется. А вообще-то давайте я позову врача, который вашего парня обследовал.

– Я не против... – сказал опер.

Врач позвонил по телефону.

– Федор Степанович, зайдите ко мне... Только очень срочно...

– Иду...

Молодой паренек вошел в кабинет.

– Тут вашим пациентом интересуются, вы вели его амбулаторно.

– А чего там интересоваться?! Два раза пытался повеситься в Шкловской тюрьме. Когда учился в институте, проверял все тумбочки на наличие спиртного, девок вылавливал, фамилии записывал. Гипертрофированное правдолюбие. Стучал, куда только мог. Извините за научный язык, у него злокачественный нарциссизм, плюс комплекс неполноценности, плюс синдром «сверхценных» идей... Одним словом – весь набор психических отклонений, которые мы квалифицируем как мозаичную психопатию. Такой человек может всю жизнь прожить рядом с вами и, кроме замкнутости, агрессивности и чудачеств, не будет ничем отличаться от других. Главное, не спровоцировать в нем развитие этих негативных качеств. Но если такой человек получает возможность принимать решения и подчинять себе других, в этом случае он начинает представлять огромную опасность для окружающих... Хорошо, если это семья, плохо, когда деревня или целый город...

«Где была совесть, там х... вырос!»

Все знали его сиплый голос. Как-то подбежал в своем самопальном костюме, с зачесом слева направо через всю голову, усыпанный перхотью, к премьеру Вячеславу Кебичу, протянул руку:

– Депутат Лукашенко. Помните такого, Вячеслав Францевич? Рад приветствовать...

Кебич рассмеялся:

– Тот самый, который подписи на всех и про все собирает?

– Работаем, Вячеслав Францевич. Народ избрал, надо работать...

– Ну, работай, работай... Молодец, что против частной собственности на землю выступаешь... Нашу партийную линию держишь. Не можем мы матушку-землю раздавать кому угодно.

И, хитро прищурившись, спросил:

– А себе надельчик не прихватил?

– Да вы что, я за народ радею. Сам гол как сокол. Хотел взять землю, да отказался. А чего вы задаете этот вопрос? Я и на сессии об этом сказал.

– Ты там разберись... Мне говорили помощники, что кто-то из района мне звонил. Вроде бы землеуправ. Будто бы есть у тебя немалый надел земли...

Кебич ушел.

Он побежал к телефону, набрал номер районного землеуправа Гордеева.

– У тебя что, крыша поехала? Премьерам звонишь...

– Так напишите письменный отказ от земли. Сам ваше выступление слышал.

– А я от нее не собираюсь отказываться. Мои сыновья растут, уже самостоятельно землю обрабатывать могут, деньги мозолями зарабатывать.

Гордеев удивился:

– Как вас понимать? В микрофон на всю республику одно, а мне – совсем другое? Где же ваша совесть?

Его это рассмешило:

– Где была совесть, там х... вырос.

«Мы должны сказать всю правду народу»

Как-то в коридоре опять столкнулся с Кебичем. Рядом, чуть в отдалении, брел Заметалин, его будущий помощник в главных делах.

– О, знакомые все лица! – сказал Кебич. – Как идет работа на благо народа?

– Нормально. Только вот трудности житейские заели...

– Какие? Я ж сказал, заходите... Особенно после ваших умеренных выступлений...

– Поездки в колхоз, машина добита...

– Так это же мелочи. Все решим. Есть такой гараж Совмина. Можете там обслуживаться.

– А если бы ее приватизировать?

Кебич взглянул на Заметалина. Тот был непроницаем.

– Поможем. Пишите бумагу. Обещаю, что рассмотрим оперативно.

* * *

С утра премьер был мрачен: перед глазами лежала «Народная газета». Опять эти публикации... Набрал Данилова, потом бросил трубку...

Вызвал секретаря:

– Пригласите Данилова, Костикова, Заметалина, Драговца, Козлова... Срочно!

Вскоре все собрались в кабинете.

– Считайте, что это узкое заседание Совмина... Газетку сегодня читали?

Кто-то кивнул головой, кто-то робко пожал плечами.

– Смотрите до чего дошли! Мы дали им демократию, свободу слова, а тут что творится? Объявляют новый номенклатурный переворот, после запрета компартии, всех нас выворачивают наизнанку... Уже до моей жены добрались. Якобы украла из госбюджета чуть не три миллиона долларов...

Он обвел глазами присутствующих:

– Все мы знаем друг друга. Мы не с улицы сюда собрались. Мы, надеюсь, едины. В Москве Ельцин развалил номенклатуру. Она уже из нескольких кланов состоит: либераты, демократы, партократы... У нас такого, слава богу, нет. Не наша вина, что все рухнуло и мы не в великой стране, а черт знает где...

– Но за этим кабинетом большое пространство, – поднял голову Данилов. Он всегда говорит так, что не поймешь, о чем речь.

Кебич спросил:

– Что ты имеешь в виду?

– Многие ушли в бизнес... Фирмы, банки, предприятия... И в основном это тоже не люди с улицы, а из наших рядов.

– Так им, что ли, запретить?

– Да нет, пускай работают и удар на себя принимают. А эти, так называемые демократы, националисты Позняки, пускай воют. Слово «коррупция» у всех сидит в голове...

– Я не знаю, о чем вы говорите, Геннадий Ильич, – поднял голову Заметалин. – Но мы должны управлять этим процессом... Общественное мнение имеет силу, и мы должны направлять его в нужную сторону...

– И каким же это образом?

– А почему бы не создать комиссию в Верховном Совете по коррупции? Пусть она разберется со всеми фактами, доложит народу, что и как есть на самом деле...

Кебич обвел глазами присутствующих.

– Но как создать нужную комиссию при Шушкевиче? Тоже ведь из себя демократа корчит.

– Можно, Вячеслав Францевич, – сказал Козлов. – Мы ж смогли создать правительственную фракцию «Беларусь». И комиссию тоже создадим. Я могу переговорить с Мариничем. Человек он наш. Проверенный на разных постах. Что скажем, то и будет делать.

– Только это надо делать сейчас, – подвел черту Кебич. – Завтра может быть поздно. Шушкевичу ни слова...

– Там есть и другие неплохие депутаты, – вставил слово Заметалин, – так что надо серьезно подумать...

– Вот и думайте, я вас для этого пригласил. Мы должны сказать всю правду народу. Она должна исходить от наших депутатов, еще раз повторяю, – наших, а не от крикунов из оппозиции.

«Он должен быть мерзавцем – но нашим мерзавцем!..»

Евгений Максимович ехал в кабинет на Лубянке прямо из ресторана «Арагви». Хотелось остаться среди друзей, но ждали дела. Доклад по Беларуси. Очень важный доклад. Они уже проиграли Азербайджан и его родную Грузию. Сейчас они могут потерять Беларусь. Этого допустить нельзя. Славянский народ, выход на западные рубежи. Ошибается Борис Николаевич, ошибается Черномырдин. Их ставка на Вячеслава Кебича. Он тоже хорошо знал его. Толковый мужик. Директор завода, первый горкома, премьер. Но сегодня, на его взгляд, это отыгранная карта. К власти могут прийти националисты. В фаворе Народный фронт, прочая оппозиция. К тому же Кебич непопулярен. Масса ошибок, компромата, правда, не крупного, но все равно... На фоне разгона компартии его причастность к прежней власти – немалая проблема... Он хорошо помнит, как белорусские националисты затеяли референдум. Тогда им это не удалось. Сейчас они готовятся к новому броску, раскручивают антикоррупционную тему. Необходимо во что бы то ни стало лишить их инициативы. Недавно его ознакомили с последними социологическими опросами, проведенными в разных областях Беларуси. Люди устали от безвластия. Им надо что-то предложить...

Примаков уселся в жесткое кресло, поднял голову. Прямо на него смотрел Борис Николаевич. Взгляд, жесткий, чуб зачесан веером. Вспомнилось недавнее выступление Ельцина: «Берите суверенитета сколько хотите, сколько проглотите...». «Самодержец...» — зло подумал Примаков и нажал кнопку звонка.

Вошел заместитель. Положил папку на стол. Надпись: «Беларусь».

– Не надо папок, докладывайте устно...

– Ситуация в дружественной нам Беларуси крайне тяжелая. Руководство страны ее не контролирует. Все большее значение и вес приобретают сепаратистские группы во главе с руководителями националистического белорусского Народного фронта. В так называемой независимой прессе продолжается шельмование управленческих кадров, внушается мысль, что во всем виновата Россия, Кремль. Демагогически используются обвинения в коррупции, отсутствие стабильности в обществе, рост преступности...

– Все понятно. Можете не продолжать. Меня интересует, что делается нашими структурами в рамках операции «Зонт».

Заместитель приблизился к столу.

– Наша белорусская президентура направила усилия на внедрение агентов в политические организации, независимые газеты. В Верховном Совете была создана проправительственная группировка «Беларусь» через нашего агента по кличке «Король». Председателю Верховного Совета Шушкевичу была организована встреча с бывшим полковником КГБ Демидовым, на которой было представлено архивное дело Шушкевича и досье о его участии в вербовках и курировании подозреваемого в убийстве Президента США Кеннеди Ли Харви Освальда. В ходе этой встречи было настоятельно рекомендовано Шушкевичу дистанцироваться от белорусских националистов, занять более мягкую позицию к властям. В результате этой беседы напряжение в отношениях между председателем Верховного Совета Шушкевичем и премьер-министром Кебичем снято. Совместно с госсекретарем Даниловым разработаны несколько оперативных мероприятий. В связи с тем, что Верховный Совет на своем заседании принял решение о создании антикоррупционной комиссии, мы подготовили своего человека на пост председателя.

– Спасибо за доклад. Все четко и ясно. Но вы должны понять, что Кебич – человек вчерашнего дня. Несмотря ни на что мы должны искать другого кандидата. Этот человек не должен быть отягощен клановыми, национальными, семейными, моральными обязательствами. Словом, он должен быть мерзавцем – но нашим мерзавцем.

– Сейчас мы разрабатываем одного такого. Простой, говорливый, долгое время был осведомителем местных органов. Надо его пригласить в Москву. Присмотреться, поговорить по душам. А вдруг нам подойдет, чем черт не шутит? Сидит же Жириновский у нас в Москве, дай бог и в Беларуси получится.

«Он пойдет на любую гадость и грязь...»

В Верховном Совете шум и гам. Ноябрь 1993 года. Создается комиссия по коррупции. В буфетах разливанное море... Сидят депутаты, министры и представители прессы...

Депутат Скоринин предложил на должность председателя комиссии от имени фракции «Беларусь» Михаила Маринича, депутата, первого зампреда Минского горисполкома.

Михаил Маринич вышел на трибуну.

– Благодарю вас за доверие, – сказал он. – Должность мне предлагается ответственная и почетная, но я беру самоотвод... Очень много дел в горисполкоме... Не могу подвести своих сотрудников... Поймите меня правильно... Я беру самоотвод.

В ложе правительства замешательство.

Кебич толкнул Данилова:

– Тебе не кажется, что кто-то невидимый руководит процессом. Не понимаю, что происходит. Ты же сказал, что с Мишей все договорено...

– Так было все договорено. Я попросил его, и Афанасьевич согласился...

– Якия будуць прапановы? – задал вопрос Шушкевич.

– Предлагаю на должность председателя комиссии Евгения Михайловича Глушкевича. Человек с опытом. Принципиальный. В прошлом председатель ревизионной комиссии ЦК

ВЛКСМ. От него многим досталось... Взятчикам и казнокрадам. Мы знаем его как принципиального, ответственного человека в нашем Верховном Совете.

Возражений не прозвучало. Слово взял депутат Глушкевич.

Оглянувшись на председателя контрольной палаты Верховного Совета Саковича, Глушкевич сказал:

– Много дел на работе, не разгрести... Еду на проверку по областям.

Окончание слов Глушкевича потонуло в шуме. Посыпались предложения, фамилии. Один из депутатов вообще сказал:

– А зачем нам эта комиссия?! Еще один контрольный орган, которых и так до черта...

Перекрикивая этот шум, слово взял председатель Верховного Совета Шушкевич:

– Я бачу, што у зале няма згоды... Трэба прымаць рашучыя меры. Я супраць стварэння гэтай камісіі. А калі ужо прынята рашэнне Вярхоўным Саветам, я прапаную на гэту пасаду Аляксандра Рыгоравіча Лукашэнку. Ён заусёды імкнуўся на адказную пасаду, некага выкрываў. Няхай сабе і выкрывае далей, калі яму тэта спадабаецца...

Снова крик и шум в зале.

– Кого выбираем?! Да он такое наворотит.

Лукашенко подошел к микрофону.

– Я оправдаю ваше доверие. Вы узнаете все, всю правду про всех...

Депутаты, вернувшиеся навеселе из буфета, шумели:

– Да ладно, пускай идет...

Голосование. 167 – «за». Решение принято.

* * *

Кебич смотрел на зал в растерянности. И обращаясь к стоящему рядом председателю проправительственной фракции Козлову, сказал:

– Как получилось, что этот горлопан стал председателем комиссии? Мы договаривались о другой кандидатуре.

Козлов засмеялся:

– Вячеслав Францевич. Этим человеком мы сможем управлять. Поверьте мне.

– Плохо ты его знаешь. А я хорошо помню... Он пойдет на любую гадость и грязь...

– Зал медленно погружался во тьму. Звезда под потолком постепенно угасала. Умолкли уставшие микрофоны... Время как будто остановилось. Никто – ни премьер-министр Кебич, ни его проштрафившиеся министры, ни депутаты, умчавшиеся в буфет, даже не подозревали, что будет завтра... В буфете пили, наливали друг другу, произносили тосты. Им казалось, что каждое их решение судьбоносное. Они не понимали, что безответственность, разбавленная алкоголем, лишала страну будущего. И уже далеко-далеко, помимо их воли, за

сотни километров от овального зала, в подмосковном Ясенево, десятки людей, работая без сна, разрабатывали в мелочах операцию под кодовым названием «Зонт»...

«Плевать на все это, вот стану Президентом...»

Он вбежал в гостиничный номер. Где стакан? Налив вина – залпом выпил. Глянул на себя в зеркало. Старт сделан. Никто его не остановит. Плевал он на своих обидчиков. Лицо точно у дядьки Трофима. Включил телевизор. Заиграла музыка. Больше не надо, никакого спиртного... Нет, еще стакан... Председатель комиссии Верховного Совета... Должность! Пускай навсегда забудут о директоре совхоза.

Стук в дверь. Он опасливо распахнул ее. Лицо депутата Сеницына.

– Привет, Сашка. Поздравляю. – Пожал руку. – Но сейчас держаться надо... Пройдутся по тебе как следует... И землю вспомнят, и «Волгу» приватизированную, и участие в банке... Не говорю уже о бабах.

– Херня все это. Они вагонами вывозят, а мы что с тобой? Нищие! Ты со стройки машину досок упер, а я навоза! Мы за народ должны бороться, все вскрыть, все показать, людям глаза открыть!

– Ну, тебя опять понесло. Кто ж тебе поверит после всего?

Он схватил Сеницына за ворот, притянул к себе:

– Ты хреново знаешь историю, Ленечка. Один умный человек сказал: «Чем невероятнее ложь, тем больше в нее поверят...». Да вообще плевать на все это, вот стану Президентом... Пойдешь вместе со мной?

Раскрасневшийся Сеницын глянул на него:

– Куда деваться, конечно, пойду... Только есть одна опасность.

– Да плевал я на твою опасность... Плевал... Пойдешь, куда тебе деваться. И мне тоже. А теперь отваливай, ко мне гость должен прийти.

– Понимаю, понимаю, какой... В дверях Сеницын столкнулся с пышногрудой женщиной.

– Может, прибрать у вас, Александр Григорьевич, бельишко поменять?

– Самое время, самое время, – прорычал он, задыхаясь, и захлопнул за Сеницыным дверь.

«Здравствуй, папа... Это я, твой байстрюк»

Какие-то шаги... Вроде бы по траве. Мягкие, неслышные.

– Вот мы и встретились. Наконец-то...

Его руки ощущают мягкую шею.

– Здравствуй, папа... Это я, твой байстрик.

Голова выворачивается, дергается...

Бикфордов шнур. Огонь, ползущий по нему, обжигает пальцы, ладони... Он открывает глаза. Никакого света. Можно опять закрыть их. Кто-то подступает все ближе и ближе... Шаги мягкие, почти неслышные...

На его лице пот – липкий и пахучий. Наконец-то... Снова мрак, черная завеса перед светом, так и не впустившая его.

А ведь он ждал этого. Может, всю предшествующую жизнь.

– Здравствуй, здравствуй, папаша, я так давно тебя жду. Очень давно.

Пальцы впиваются в мягкую, вздрагивающую плоть.

– Ты готов или нет? Вы так долго измывались надо мной. Может, целую жизнь или даже больше...

– Нет, нет, все, что происходит с тобой – ненормально. Взгляни на себя со стороны... Без этого ничего не случится.

Его голова скатывается с мокрой подушки.

– А что произойдет?

– Ничего, ничего. Просто ты должен уйти. Многие должны уйти, иначе не буду жить я. Так предрешено. Не мной, не тобой...

– А кем же?

– Я не знаю его имени. Я ничего не знаю...

– Может быть, знаем мы?

– И вы ничего не знаете... Мы временные тут, мы только думаем, что все понимаем.

Снова перед ним проплыла безликая тень. В очертании мрака, давящей тяжести.

– Я с тобой. Действуй решительнее, прямее. Ты ничего не потеряешь. Жизни нет. Это придумка, ложь...

Он начал сдавливать горло или еще что-то трепещущее.

– Ты так не можешь... Мы друзья. Мы породили тебя на свет. Ты клялся...

Голос хрипел.

– И я не могу иначе, не могу, поймите вы... Меня всю жизнь душили, вы представить не можете как... Душили и избивали. Все вы... Своими руками. Вы выдавливали мне глаза, лишали слуха и разума.

– Почему ты такой?

Он очнулся. Сердце вырывалось из груди. Нина ушла? Была она или нет? Кого он душил на самом деле? Это был сон? Или явь? Он принялся хватать простыни, подушки, все вокруг себя... Слава богу, никого нет. Значит – сон. Перевернулся на спину. Светало. Горло сводило от тошноты. Он вскочил, взял стакан, налил холодной воды, проглотил таблетку галопередола.

Сейчас все пройдет, сейчас... Все нормально. Он председатель комиссии. Все произошло на самом деле. Он никого не задушил. Постель пуста. Он есть, он жив. Все, чего он так хотел, существует на самом деле...

«Предали нас, предали...»

Кебич неуверенной походкой вошел в кабинет Данилова.

– Ну что, вы и сейчас уверены в победе?

– А как же, Вячеслав Францевич. Мы уверены до последнего.

– А это кто? – Кебич вытаращил глаза. – Какие-то генералы. Не знаю таких...

Данилов вскочил из-за стола.

– Вчера этим парням вы присвоили звания...

– Да на хрен им звания, когда нас уже нет...

Данилов слегка побледнел:

– Присаживайтесь, Вячеслав Францевич...

Он налил рюмку.

Кебич захохотал, зрачки его с красными прожилками дико завращались.

– Ты, Геннадий Ильич, – оптимист. Оптимист... Проиграть вот так, какому-то... Звони в штаб. И не отсюда. Идем ко мне...

В кабинете Кебича Данилов набрал Мясниковича. Услышал голос:

– Идет подсчет... Пока все нормально...

– Я рядом с премьером. Дать ему трубку?

– Не надо, не надо, Я перезвоню сам. Сам...

Данилов повесил трубку.

– Да послал бы ты его на х... Предали нас, предали. Знаю кто, и ты, сука, знаешь... На хрен считать, голоса – мы провалились... Да пусть был бы Шушкевич, сам черт с дьяволом, но этот хомут?! Не ожидал я такого позора. Не ожидал.

– Вячеслав Францевич, там у меня генералы. Неудобно перед людьми. Пойдем...

– Да еб... я твоих генералов. Тебя вместе с ними, Мясниковича, Антоновича, Кравченко... Все вы суки. Прости уж, все, кроме тебя, Генка, ты не предашь, я знаю, знаю... А генералов зови сюда... Правда, не тут им надо было быть. Не тут, а на местах. Власть, сила. Одно слово – и нет скота. А он уж отдаст команду, поверь мне, отдаст... Стол накрыт, гуляй, камарилья...

«Мы выиграли!»

В это время, в ту же самую ночь, горели окна в штабе. В его штабе!

– Сомнений нет, мы выиграли, выиграли! – Синицын хлопнул по увесистой заднице Федуты. – И хватит жрать, руководство страны должно быть тощим.

Федута рассмеялся, хватанул бокал сухого вина.

– И голодным не должно быть... А где предводитель? Его что, количество голосов не интересует?

Титенков вдруг заговорил:

– Никаких сомнений... Состоялось. Поздравляю, хлопцы!

Он налил себе водки:

– Мать твою, поверить не могу...

Синицын отставил бокал:

– Где он, в самом деле? Завтра победный день. Это скотовье глушит водку в кабинете Кебича, в КГБ, в МВД... Последний день Помпеи...

– Позвони Саше, – вяло сказал Титенков.

– Не отвечает... Набираю каждую минуту.

Красное лицо Федуты растянулось в ухмылке:

– А может, мы уже не в штабе... Может, на хрен мы ему нужны?!

«Шли бы вы все...»

... В кабинет Кебича вошли Мясникович, Драговец, Кравченко. За ними плелись Костиков, Заломай... Данилов вскочил с места:

– Здравствуйте, товарищи.

– Результаты неутешительны.

Кебич хватанул рюмку:

– А другого я от вас и не ожидал... Шли бы вы все...

– Надо уйти с честью,– сказал Мясникович. – Всех нас ждет отставка. Нужна речь, толковая речь для народа.

– Пошел на х... народ и вы вместе с ним,– Кебич вдруг рассмеялся.– Отлично власть отдали. Отлично! Посмешище для всего мира! Говорил мне один генерал. Один способ есть, другого нет. А вы все, мне кажется, в его жопу дули... Но ничего, скоро все узнаем, все!

«Твой пациент – президент!»

В кабинете начмеда могилевской психиатрической больницы Сакадынца раздался звонок. Хозяин кабинета, вздрогнув от неожиданности, поднял трубку.

– Добрый день.

Он узнал голос Ореховского, начальника облздравотдела. Звонит не часто.

– Что-то случилось?

– Тут такое дело, – после некоторой паузы сказал Ореховский, – необходимо срочно изъять из архива карточку одного вашего больного. Изъять и уничтожить как можно быстрее.

– В чем дело? – Сакадынец силился понять, чего от него добивается Ореховский. – Что значит уничтожить? Это же уголовное дело. Я не имею права это делать. Скажите хотя бы, о ком идет речь?

– Ты что, не понимаешь, что происходит в стране, – вдруг перешел на крик Ореховский. – Включи телевизор! Открой, дурья голова, любую газету! Какая фамилия тебе еще нужна? Твой пациент амбулаторный без пяти минут Президент. Ты понимаешь, сегодня от нас зависит его авторитет...

Короля, 19

Он вышел из «волги». Телохранители поджимали его плечами. Улица Короля, 19 – явочная квартира ФСБ России. В темном костюме навстречу вышел человек:

– Сюда, сюда, Александр Григорьевич.

За столом, почти обеденным, но заваленным бумагами, его встретил круглолицый, лет пятидесяти мужчина, тоже в штатском.

– Поздравляю... Информация уже у Кремле. Вы Президент. Мы не ошиблись в результатах. Кремль не хочет ошибиться в вас.

Он мгновенно взмок.

– Спасибо, спасибо...

– Садитесь, – сказал человек. – Завтра у вас самый тяжелый и ответственный день. Вот список людей, которых следует немедленно назначить на должности. Мы все взвесили и определили. Некоторые из них – временщики, но сегодня они нужны. Они помогут вам мягко войти во власть. Эти люди – опытные аппаратчики, а вам нужно время, чтобы адаптироваться в новом качестве.

Он заглянул в список: Мясникович, Линг, Антонович, Заметалин...

– А как же мои обязательства перед теми, кто финансировал мою кампанию? Управление делами, администрация Президента и премьер-министр должны быть их люди.

– Мы знаем об этом. Выполняйте то, что обещали.

– А как же я буду работать с этими? – Лукашенко указал на предложенный ему список. – Это же мои враги, как я буду ими управлять?

– Мы поможем вам, не волнуйтесь. Вам уже известно, что любой человек может стать вашим самым надежным союзником, если вы используете три вещи: имеете на него компромат, покупаете его за деньги, либо держите его в страхе за свою жизнь. Ничего другого история для руководителя страны не придумала. Ознакомьтесь вот с этой папочкой.

Эмиссар подал ему серую папку.

– Вы тут прочтете про Мясниковича и его роль в афере с павловским обменом денег. Здесь же расписки Заметалина... В общем, ознакомьтесь – вам будет полезно.

Кстати, о наших врагах. Поймите, сегодня они ваши, а завтра могут стать врагами, и наоборот. Мы это уже прошли. И вы пройдете. Не сомневайтесь. Весь мир прошел. Деньги вы сами знаете где и сколько. Сейчас можете ехать в штаб. Результаты появятся через несколько минут. Встретимся завтра... Сценарий прихода к власти уже отработывается.

Он вышел из кабинета, сунулся в «Волгу», устало приказал:

– Поехали...

Боль клещами сцепила голову. Ноги и руки омертвели.

– Вам плохо, Александр Григорьевич? – спросил охранник.

Он усмехнулся:

– Ты сегодня впервые назвал меня на «вы». Приятно...

Охранник рассмеялся:

– Президентом везде называют на вы... Этой ночью вы стали Президентом.

«Каким Президентом?» – подумал он. Завтра придут и будут диктовать условия. А за него проголосовали живые люди... Живые... Проголосовали с надеждой. Да хрен с ними: будут работать и жить, как жили при царе Горохе, при коммунистах, и при нем также проживут».

Его, ослабевшего, почти втолкнули в штаб... Навстречу бросился Лебедько:

– Мы уж не знали, что и думать...

Федута шаркнул ногой:

– Приветствуем, господин Президент...

– Вы, я смотрю, времена даром не теряли?! – он окинул глазами стол.

– В эту ночь пьют не только победители, но и побежденные... Нам – сам бог велел, – сказал Сеницын.

– Не пить надо, а должности просить. Давайте, просите...

Он рухнул в кресло. Все! Наконец-то сбылось. Сбылось!

«В Белоруссии проблема решена...»

Татьяна вошла в кабинет отца. Бориса Николаевича не было. Она поспешила в комнату отдыха. Тоже нет. Вернулась к секретарю.

Спросила:

– Где он?

И тут же взглянула на телохранителя...

– Вышел с Коржаковым...

Она затрясла головой.

– Все понятно... Вот примерно здесь, нет, не здесь, а в ЦК, Пельше заходил к Брежневу без тапок... Когда просыпался. Вы его доведете до такой кондиции...

Она развалилась в кресле.

– Чего желаете, Татьяна Борисовна? – наклоняясь вперед, спросила секретарша.

– Не знаешь чего? Кофе и коньяк.

Девушка выбежала и минут через десять явилась с греческим коньяком.

– Иди отсюда...

Татьяна разглядывала комнату Президента России. Потертая мебель, обшарпанные стены... Ладно Белый дом... Там три слоя краски на окнах, как в домах у быдла, все контролируется...

А вот и папаня. Человека четыре сзади. Коржаков с красной распухшей рожей. Как она его ненавидит. Эта блевотина с зачесом набекрень продаст кого хочешь.

– Танюшка! Давно ждешь? – спросил Борис Николаевич, проведя ладонью по ее голове и садясь в кресло с российским гербом.

– Давно, давно... Поговорить, папа, надо. Но не здесь – дома...

– Хорошо, поговорим... Всегда рад с дочерью встретиться.

– Когда ты сможешь это сделать?

– Вот сейчас побеседую с... – он запнулся. – А еще бы с Евгением Максимовичем... В Белоруссии проблема решена... И Виктор Степанович сейчас подъедет...

– Но ты больше ни-ни...

– Дочка, работа Президента сложна. Я на работе.

Татьяна вышла. Борис Николаевич глянул в окно. Уже подходила осень.

Коржаков опять возник перед ним.

– Все прибыли.

– Да ладно... Одна где-то осталась. Но это на завтра. Ты меня не обманул. Молодец!

Через несколько минут в кабинет вошли Сосковец и Черномырдин.

– А вот и вы. И с пустыми руками...

Коржаков появился из-за спины:

– Проблем нет.

– А тебя никто не звал.

Сосковец приблизился к нему:

– Борис Николаевич, в Беларуси все в порядке.

Президент рассмеялся:

– В порядке! Друг Витьки Кебич в жопу провалился. А парень нормальный, попили мы с ним в Пуще. Я даже один раз зубра в банкетном зале увидел. А Шушкевич этот... Сами знаете, кто... Подняли ребята, похмелили...

– После этой Пущи и всего прочего есть одно, – сказал Черномырдин. – Россия должна стать страной... Не с татарами и другим говном. Беларусь есть Беларусь. Мужик пришел нормальный, все понимает. Правда, на уровне совхоза...

Сосковец вставил слово:

– Раскладка для нас очень благоприятная. Выход на Запад. Развитая промышленность, газопроводы и нефтепроводы, конкурентная продукция – все это должно стать нашим. Президент белорусский должен иметь свое, а мы – свое. Я надеюсь, что он поймет главное: кто привел его к власти и кому он обязан.

* * *

В один из вечеров августа 1994 года в кабинете директора ФСБ России Степашина раздался звонок; Степашин услышал голос Ельцина.

– Я жду вас. Причем срочно.

Через двадцать минут машина Степашина въезжала на территорию Кремля. В приемной уже были министр обороны Грачев, руководитель службы внешней разведки Зорин и Примаков. Вошел Президент. Все встали.

– Садитесь, товарищи. Вопрос у нас один. Положение в связи с результатами выборов в Беларуси. Вы сами понимаете, руководство России поддерживает выбор белорусского народа. Победил человек, на которого мы делали ставку. Победа Лукашенко – это есть наша победа, победа наших геополитических интересов, Беларусь нам нужна, чтобы суметь достойно ответить в случае, если НАТО захочет поиграть мускулами или продвинуть свои силы на Восток. К тому же все мы помним: белорусы – это наши генетические союзники, наши братья. Мы обязательно поможем молодому Президенту. Я дал распоряжение Геращенко проработать вопрос о выделении кредитов. Я соберу кое-кого, понимаешь, кто имеет деньги и тоже поможет... А вы должны обеспечить стабильность на нашем восточном рубеже. Надеюсь, сил и возможностей у вас хватит. А вас, Евгений Максимович, я поздравляю особенно. Будем считать, что Лукашенко ваш крестник.

– Все понятно, Борис Николаевич, – сказал Степашин – Есть одна проблема. Беларусь суверенна... Мы будем проводить какие-то оперативные действия. В случае утечки информации не будут ли такие действия расцениваться как наше вмешательство?

Ельцин махнул рукой:

– Действуйте спокойно. Еще в 1992 году я подписал с Кебичем соглашение о взаимодействии нашего ФСБ и белорусского КГБ. Пригласи ихнего председателя КГБ и детально обсудите ваше будущее сотрудничество.

* * *

Через несколько дней в Москву с «дружественным» визитом прибыл председатель КГБ Беларуси Владимир Егоров. Он предстал перед Степашиным.

После часовой беседы Степашин подвел черту.

– Итак, обо всем договорились. Связь с вашим Президентом осуществляет мой сотрудник Невзоров. Вместе с Грачевым я встречался с вашим генералом Максимчиком. И наши военные, и наши разведчики будут работать в тесном контакте. В отличие от политиков мы всегда были вместе. Я принимал вашего представителя, генерала Степаненко. Ему обеспечены условия для работы, выделена квартира на Можайском шоссе. Координировать всю работу будем через Латыпова и его людей. Любые перемещения, назначения, касающиеся Урала Рамдраковича, согласовывать с нами. Нам тут в Москве виднее, где и на каком участке он будет полезнее всего. Все понятно?

– Так точно.

– Ну, с богом...

«Разберемся со всеми»

Площадь бурлила. Море народа. Пускай себе погуляют. Рев голосов из мегафонов:

– Победа, победа!

Потом:

– Гончарик, Гончарик!

Значит, и у них полно кретинов, авторов всяких там сценариев. Ладно, у него есть такой, или, вернее уже был – Заметалин. Тот тоже страшный умник. Накануне выборов российские каналы приказал запретить. А еще кучерявый дебил по телевидению заявил:

– Мы доказали, что можем продемонстрировать свою власть...

Может, они его наняли для составления сценария этой вакханалии! Он победил с огромным отрывом, ладно там какие-то сорок процентов голосов по деревням подтасовали, но все равно победил, а тут – на тебе, победу празднуют. Жалкий профсоюзно-партийный взяточник Гончарик, так называемый единый кандидат от демсил, хотел пилюлю ему подсунуть. Да им-то и денег никто на кампанию не дал. Еще не победили, а давай портфели делить – Гончарик Президент, а Домаш —премьер... Цирк на дроте! Домаш давай на Москву нести... Мол, нам дорога на Запад. Он сам хорошо знает, куда должна вести дорога, он этой дорогой и пойдет. Но Домашу откуда знать. Из Москвы они кукиш и получили. Как хохотал он в тот вечер, даже страшный мрак ночью не давил, отступил.

Спросил:

– Ну, что там, на площади?

– Все нормально, орут, празднуют...

– Нехай празднуют, орут.

– Два человека... В дымину пьяный поэт Некляев и главный редактор «Народной воли» Середич призывают идти на штурм резиденции. Никто не идет.

Он усмехнулся:

– Пускай бы пошли?!

Вспомнил поэта Некляева, вечно пьяного, заискивающего. Старательно ему он жопу лизал, в самолетах стишки читал, а потом проворовался, борцом стал, в эмиграцию сбежал, но тут же явился. Победы ждал. Пришел бы лучше, так и так, Александр Григорьевич, проблядовался, пропился, денег чуток взял, да и писал бы себе песенки да стишки. А тут на захват резиденции зовет...

В кабинет вошли Шейман и Коноплев.

– Результаты отличные,—сказал Шейман.

– А я будто бы без вас не знал, какие. Сейчас дело в другом. Думать надо, думать... Многого менять.

Он глянул на Шеймана:

– Тебя уже поменяли... В самое время, а так бы садить надо было. Доигрались со своими сценариями. Тоньше надо было убирать, тоньше...

– Мы работали тонко. Другие сдрейфили, а теперь на дачах отсиживаются.

– Разберемся со всеми. Иных далече, а иных... Время покажет.

– Тут информация свежая и достоверная, – сказал Шейман и запустил руку в папку.

– Информация типа той, что я на выборах победил?! – он захохотал.

Шейман замолчал, слегка надулся.

– Другая... Мясникович имел несколько тайных встреч с Мариничем. Искал, скотина, запасной вариант. И не только в Риге, о чем я докладывал вам. С ним встречался, с премьером Ермошиным. Договаривались.

Он встал из кресла и стал ходить по кабинету.

– Знаешь, куда засунь такую информацию?! Я это раньше тебя знал, службы работают. Вот, слава богу, забздели они и все провалилось. А если бы не забздели? Нас бы с тобой к эшафоту повели бы... Его вот, – он кивнул на Коноплева, – может бы, и пожалели... Политика дело такое. Убирать их надо, убирать... Сперва Мишку, но спокойно, все-таки в последний момент не подвел, а потом и Ермошина. Тоже спокойно. Время твоих решительных действий прошло, – он снова резко глянул на Шеймана. – Еще долго откручиваться и отговариваться.

– Кого на администрацию? Неужели Заметалина? – спросил Коноплев. Он спал и видел, когда горло мяснику перегрызет, как когда-то Синицыну.

– Нет, только не его. Пользу принес. И принесет. Но одни скандалы, чумная личность. Отморозок.

– А кого? – у Шеймана вытянулось горло.

– Ну и не тебя. Хотя вариант был бы железный. Урал Рамдракович сядет в соседний кабинет.

Тишина в кабинете.

– Вроде как мусульманин... А практически третий человек в стране.

– А ты кто? Такой фамилии, как Шейман, у белорусов не встречал, – жестко произнес Лукашенко. – А если серьезно... Человек он спокойный, честный, нескомпрометированный, в отличие от вас.

– Ну я-то, Александр Григорьевич, в парламенте за вас ору, пинки получаю...

Он глянул на Коноплева. Хлопнул рукой по столу:

– Я сейчас список всех твоих фирм дал, банк один назову. Молчи уж. И еще одно... Кто Мясниковича на спину положил, кто переиграл его вчистую? Мишка вертикаль подбирал, расставлял, чтобы в нужный момент лишить его власти. А Латыпов его самого от власти увел, «под колпак» взял. Видели, как все получилось? Как раз накануне выборов. Тончайшая работа! Команду свою подобрал, в душу ко всем залез. Как говорил один герой фильма, «Восток дело тонкое»...

– Восток дело тонкое, но и опасное. Как бы паренек не переиграл, – сказал Шейман. – Явная креатура Москвы. Полковник, гэбэшник, доктор наук... Бестия еще та! Дети в Америке учатся, жена в Москве живет...

Лукашенко рассмеялся:

– Так это ж креатура, как ты грамотно выразился, Москвы, а не Вашингтона. А моя жена не в Москве, а в Шклове живет. И ты свою отправь. Сам знаю с какими бабами барахтаешься. И

детей в Америке учи. Только бы прок от всего был.

– Пускай идет на администрацию, – сказал Коноплев. – Человек надежный, авторитет у него есть... А не пойдет – отправим.

– Вот это другой разговор.

Указ № 361

Он вошел в кабинет. Зеленый ковер... Зеленое покрытие стола. Когда-то, вернее, осенью 2001 года, Президент сам ему сказал:

– В кабинете все меняй... Меняй как хочешь. В средствах не ограничиваю.

Да, он любит зеленый цвет. Он мусульманин и не скрывает этого. Позвал начальника матснабжения Ткачева и сказал:

– Сделаешь вот так! – даже сам нарисовал.

Потом, когда привезли мебель, пришел Лукашенко, сказал – нормальный кабинет, но очень зеленый... Хотя и у нас во флаге много зеленого.

Он знает, что в этом кабинете – пришелец, человек временный, собственно, как и все обитатели этого дома. Но он более временный, чем все остальные. Придется уезжать. Он не знает куда и когда. Недавно пришел к Президенту, сказал:

– Я бы уехал...

Лукашенко глянул на него, глаза его сузились.

– Это в каком смысле?

– Ну, скажем, послом...

– Середич и так навалял, что в Америку чешешь. А мне куда уезжать... И что за причины у тебя?

– Не получается многое. Состыковок мало. Делаем одно, а потом на ровном месте проваливаемся.

– Ты Москву в виду имеешь?

– И это тоже. Я помогаю как могу, а потом все превращается в пыль.

Он вспомнил последнюю встречу с женой. Не на московской квартире. В городе. В кафе. Ребята подослали машину. Он едва оторвался от двоих человек, ехавших в соседнем «СВ», пролетел мимо машины посла в России Григорьева, вскочил в «мерседес», присланный ребятами из Ясенево.

– Куда, Урал Рамдракович?

Он назвал адрес. Набрал номер телефона.

– Владимир Викторович?

В ответ взволнованный голос посла:

– Вы где, Урал Рамдракович?

– Не заметил вашу машину... Москва знаете ли... Через часа два буду в посольстве. Сейчас на Старую площадь. Друзья подстраховали, встретили.

Он сел за столик. Заказал кофе и вспомнил Штирлица.

– Как долго это будет продолжаться... Может, хватит? – голос жены был спокойный и тихий.

– Уже недолго...

– Жизни остается мало. Или к детям, или сюда. На тебе лица нет.

Он и в самом деле почувствовал, как кожа лица теряет кровь.

– Поверь мне, осталось немного...

Он вспоминал эту сцену, сидя перед Президентом.

– Что тебя не устраивает? – спросил Лукашенко.

– Я чувствую себя техсекретарем, не более того, —сказал Латыпов. – Я контролирую одно – кого допустить к вам, кого не допустить.

– А что еще хочешь контролировать? – злорадно спросил Лукашенко.

– Я хочу работать на вас, на ваш имидж, на страну, в конце концов.

Лукашенко хрипло рассмеялся. Подбросил ему пару листков:

– На, читай.

– Латыпов начал читать:

«Указ № 361 Президента Республики Беларусь „О заключении контрактов с некоторыми лицами, назначаемыми на должности и освобождаемыми от должностей Президентом Республики Беларусь“ в разделе 1, 2 разъясняет, в частности, что „Глава администрации Президента Республики Беларусь заключает контракты с заместителями Главы администрации Президента Республики Беларусь, председателями облисполкомов и Минского горисполкома...“»

– Ты все понял?! Это тебе, техсекретарю, такие полномочия даю!

– Понял, но, извините, не все, Александр Григорьевич...

Он продолжал читать.

Далее из указа следовало, что, согласно подписанной процедуре, премьер-министр заключает контракты с «заместителями премьер-министра, Президентом национальной академии наук Беларуси, руководителями органов государственного управления». В свою очередь председатель КГБ заключает трудовые контракты с «заместителями Председателя Комитета государственной безопасности, а также с заместителем Председателя Комитета государственного контроля – директором Департамента финансовых расследований, Генеральный прокурор Беларуси заключает контракт...»

– Дальше можешь не читать, – сказал Лукашенко. – Ты мне одно скажи – доволен?

Латыпов молчал. Он лоббировал этот указ несколько месяцев. К его прохождению никого не подпускали. В итоге должно было оказаться, что роли в окружении Лукашенко окажутся перераспределенными раз и навсегда. Кроме главы администрации остальные главначпуасы заключают договора с второстепенными начальниками, от которых мало что зависит.

– Нормальный указ, – жестко сказал Латыпов. – Сейчас администрация Президента будет администрацией, а не группой секретарей.

– В Америку больше не хочешь?

– Я туда, Александр Григорьевич, и не хотел.

Через несколько минут Латыпов услышал голос Якубовича:

– Поздравляю, Рамдрак Латыпович.

Так называл его только он.

– Пашутка, отзвуки дошли?

– Еще какие! Все в шоке.

– Надо встретиться и все обговорить.

– Готов прибыть в указанное место.

– Я перезвоню.

Так, все сделано. Отработано. Указ все меняет. Главное, диспозиции после последних заявлений Путина. Он встречался кое с кем. У себя на территории и на сопредельной. Главное, резко ограничить список допускаемых к Президенту. Сегодня это в его власти. Информация станет предельно конкретной. Информация, исходящая от него, а не от кого-нибудь другого... Эти достукались. Какие-то бабы орут в ООН об исчезнувших мужьях. Разве так нужно было убирать, такими методами?! Тупоголовые бараны. Сегодня все назначенцы практически в его руках. Хватит этой, доставшейся от Кебича, полупьяной управленческой чехарды. У него на каждого назначаемого не надо запрашивать бумаги из КГБ, службы контроля, МВД и прочих тупых голов... Бизнес через подставные фирмы, связи с теми, кто против Лукашенко, давние связи и новые. У него и самого такие есть. Еще одно... Главное – он сможет принести патрону деньги. Не такие, как дебил Титенков или полупьяная уродина, нынешняя управделами Журавкова. Все надо делать по-умному, чтобы ни одна свинья не догадалась... Ему позвонил из Кремля Патрушев.

– Сейчас все переговоры только с вами. Все игры закончились. Когда прибудете?

– Сообщу через несколько дней...

Так, вертикаль у него, переговоры с Кремлем у него, местная номенклатура у него...

Сегодня можно отдохнуть. Поговорить с Пашуткой... Он доказывал патрону, еще когда в Совбезе сидел, что Беларусь спасет приход сюда так называемых «нерусских» – Боллоева, Гуцериева, Алекперова. Люди четкие, надежные, не московские кидалы. Не поверили. Много провалилось. Сейчас не провалится. Это уж точно, не провалится! Ему удалось главное, от чего патрон и он, естественно, получают деньги. Приватизация нефтехимии. Понизить цены на предприятия... Он сможет это сделать. Сможет. Если придет другой капитал... Ему наплевать. Лукашенко уже кинули не раз. Его не кинут. Его резидентура на Беларуси –

лучшая часть российской разведывательной стратегической сети. Старый разведчик устало закрыл глаза, пытаясь уснуть, но мысли несли его все дальше и дальше, продолжая свое движение по нескончаемому лабиринту.

На даче у «спящего агента»

Они сидели на даче у Якубовича, главного редактора «Советской Белоруссии», старого друга, а еще раньше – удачного «спящего» агента КГБ, выпивали и слушали движение голосов из-за бетонного забора.

– Хочу спросить тебя, Рамдракович, – начал Якубович, – ты ведь понимаешь, что живу я не на редакторскую зарплату. Кое-кто помогает... Русские-нерусские. Некоторых ты знаешь... Так вот, эти люди и весьма серьезные из наших, скажем так, бизнес-кругов, думают, что в Беларуси будет создана твоя личная бизнес-диаспора из людей кавказской национальности. Это даже хуже моей – еврейской. Моих при бабках практически никого не осталось. Либо нищие, либо уехали.

– Паша, не волнуйся. Успокойся, тебе твое останется. Хоть ты и журналюга со стажем, и с нашим стажем тоже, но не понимаешь – общественное мнение формируется не на митингах, а в закуточных и пивных. Мы должны знать, что о нас говорят... Я сейчас могу знать больше, чем знаешь ты и все твои писаки. У меня есть уши и глаза в каждом питейном заведении Минска, в каждой лотке. А ты все думаешь, что про проституток минских только один ты пишешь... Мы каждого оброком обложили, скоро все рынки будут наши, пойми – наши. Мы и общак контролировать будем. Да он уже наш. Сейчас мы проектик хороший реализуем – закуточные быстрого питания по всей стране. Мой один кадр занимается этим. Обижается правда, что с министра на «белорусское бистро» переведен, но что поделаешь, такова наша служба.

– Вопрос серьезный, – сказал Якубович неопределенно, заедая рюмку коньяка крестьянской колбасой. – Есть вопрос, и немалый. И все-таки, если не придут инвесторы на госпредприятия, тогда хана всему. Это мы с тобой отлично понимаем. Ты лучше – я хуже. Дело не в этом. Комсомолец Тозик, кстати, неплохой человек...

– Что он, инвестиции обеспечит?

– Да нет, конечно. Надо помочь ему почаще у Сашки бывать... Тогда кое-что решим...

Латыпов отпил из бокала сухого вина.

– Ты знаешь, Пашутка, хочется все побыстрее здесь закончить.

– Это в каком смысле? – спросил Якубович.

– В самом что ни есть прямом. Уезжать отсюда надо, уезжать. И тебе и мне. Кстати, недавно был на дне рождения Заметалина в ресторане «Святязь». Я знаю, как ты его любишь. Володя подскочил ко мне, мол, чего своего друга не успокоишь? А я внимания на это не обратил. Поел, попил, подумал: сиди и помалкивай, пока весь этот хлам мы на поверхность не достали. Теперь он у меня – вот так в руке. Нашел я копию письма Заметалина министру внутренних дел Ирака. Всякую осторожность потеряв, стал на правительственном уровне лоббировать фирму своего сына. Мы бы закрыли его сразу, но он мне нужен был, чтобы Мясника убрать.

- Кстати, Миша Мясникович приличный человек.
- Ну и поцелуй его в одно место.
- Рамдрак Уралович, не буду...
- Вот и на этом спасибо. А я ведь тебе тоже многим обязан.

Налив себе вина, Якубович удивленно спросил:

- За что, Уральчик?
- Ты меня, мусульманина, помог либералом сделать, полнейшим либералом. Помог легенду в жизнь воплотить. Как у нас в школе говорили: в легенду вжился – задание выполнил. Тебе за это медаль полагается.
- Не пойму, что ты имеешь в виду?

Латыпов рассмеялся.

- Не бойся, в независимой прессе мы об этом не напишем. Я-то знаю, для чего ты с чемоданчиком по российским редакциям ездил. После твоих вояжей меня и причислили с Коноплевым, Абрамовичем, Антоновичем к «партии мира».
- И ты об этом знал? – спросил Якубович.
- Конечно, родимый... А мыслимые и немыслимые ястребы, они вот где, в ручках у меня были. Все нормально сработано. Понимаешь, систему при батьке отработать очень сложно. Непредсказуем и упрям. Но команда моя пока справляется.

– Ну, это ясно, – сказал Якубович и разровнял усы. – Вахо, вор в законе, – твой, Рамдракович, человек. Пока отдыхает на зоне. Скоро выйдет. Егоров, Внешэкономбанк, – твой, Тозик, Юркин, Сиваков, Невыглас... Об этих я вообще не говорю. А сколько твоих в демсилах. Продырявленная насквозь Маринка Коктыш, Статкевич, Жихарь, Протько, Мацкевич...

Латыпов глянул по сторонам.

- Ладно, ладно, разговорился ты, очень разговорился. Язык у тебя, Пашуна... Иногда его надо прикусывать.
- Согласен, Рамдракович.

Якубович разлил вино в стаканы.

- А когда-нибудь время настанет... Буду я тебе звонить в Вашингтон из Тель-Авива.
- Будешь, если родина потребует...
- Ладно, Пашка, поехал я. И тебе пора. Или тут ночевать будешь?
- Какое ночевать?

Латыпов чмокнул Якубовича в усы. Подойдя к машине, незаметно сплюнул. Он где-то читал, что мусульманин не может с пархатым дружить. Да пошли они все. Паша человек разумный, только много знает. Батьку смог в оборот взять. Такого же жида Заметалина помог ему убрать... Но информации много с собой носит. Кому отдает? Это еще проверим.

«Мы дорого заплатили за эту власть в Беларуси»

Ельцин внимательно глянул на Черномырдина:

– Что ж там, в Минске, дружок твой провалился...

– Ничего страшного не произошло... Этот паренек, правда, со слабой головкой, понятиями конюха, но полностью наш. На последнем этапе, да и раньше, наши спецслужбы его поддерживали. Кебич в народе полностью потерял авторитет... Добили его газеты, телевидение. Жену куда-то впер. Все наружу выплыло. Человек он из наших, в обиде не оставим.

Ельцин задумался:

– Припоминаю... Докладывали мне. Он и за бугор не прочь был поглядывать.

– Было такое, но мы тоже много обещали, но мало делали. Это сегодня надо признать.

– У самих проблем до хрена, чтобы кого-то в обоз брать... А с этим директором совхоза надо работать. Говорят, в голове у него полная каша.

Сосковец усмехнулся:

– Если бы там вообще была голова...

– Ладно, поздравим мы его и с ходу надо брать в оборот. Езжайте, что-то я сегодня... – И вот еще что. Надо вокруг этого белорусского «самородка» расставить наших людей. Всех до единого. Мишка там Мясникович есть, приятный мужик, юморист, на банкетах скучать не давал. Его убирать нельзя.

– Без старой команды ему не удержаться. Если своих колхозников наберет, и года не протянет.

– Ладно, – устало махнул рукой Ельцин. – Я сам с ним на эту тему поговорю. Старую команду пускай не разгоняет. Силовиков особенно. Они ведь в первую очередь все наши.

Он глянул на Сосковца:

– А ты со своей командой поговори. Сам знаешь, с какой. Пускай побыстрее внедряются...

Все вышли.

* * *

Свет фар выхватил мокрые сосны. Служебная Кремлевская дача на Рублевском шоссе. Несколько «мерседесов» во дворе.

– Вас уже ждут, – этими словами Сосковца встретил охранник.

По большому холлу расхаживал Березовский. Гусинский сидел в кресле. Директор ФСБ Барсуков неподвижно стоял у черного чрева потухшего камина.

– Где Коржаков? – спросил Сосковец.

– Выехал от Бориса Николаевича. Татьяна звонила.

– Хорошо, хорошо... Как вы знаете, было совещание по Беларуси.

Березовский усмехнулся:

– Можно только догадываться. Много дежурных слов о поддержке нашего младшего брата...

Раздались тяжелые шаги.

Вошел Коржаков. Обвел глазами присутствующих. Сказал:

– Надо было бы еще рыжего пригласить. Сосковец хмыкнул:

– Учитывая вашу большую любовь, я не стал его звать. Ну да ладно, как говорится, ближе к телу... Вы понимаете, что такое Беларусь. Пускай там спецслужбы договора подписывают, делегации суются. Мы должны действовать иначе и в другом русле...

Березовский, посмотрев на сидящих снизу вверх, ухмыльнулся.

– Ты что, Абрамыч?

– Аналогию вспомнил. Все это напоминает Антыкву в Карибском море. Ее население в 70-е годы создало партию народного освобождения, объявило независимость и сдало остров в аренду корпорации «Хилтон»... Только там нет такого чуда, как Лукашенко.

– Да плевать на него,—ответил Гусинский. – Ему, правда, надо что-то от перхоти, какое-то средство поднести и причесон убрать... Но Беларусь не твоя, Абрамыч, Антыква... Сборочный Цех, какой трудно себе вообразить, транзит...

Коржаков сел напротив:

– Да это потом. Пускай его заводы упадут в цене. Оружия там немерено. Среднеазиатский регион стонет, только давай, и Ближний Восток. А мы не можем, не можем сами...

Сосковец отметил:

– Мыслите правильно. И много всего другого. Транзит, конечно, на первом месте. Напрягай, Абрамыч, мозги, ищи на Беларусь выходы.

– Уж на него-то найдем... А он шевелиться активно начал. Водку к нам с Запада прет эшелонами. Без всяких налогов, сигареты, уже с Лужковым снюхался.

– Да черт с ним, – махнул рукой Коржаков. – Голодный совсем, пускай попытается и хевру свою колхозную подкормит. Главное нам с оружием влезть.

– А кто такой Чигирь? Мне неудобно у шефа спрашивать, – сказал вдруг Коржаков.

– Наш человек, банкир... Мы с ним через Левитана нефтью занимались. Неплохой мужик, тоже из деревенских. Но нефтью занимался хорошо. И кредиты давал безропотно... И Луку финансировал. Так что поддержка в правительстве нам обеспечена.

– Мы слегка отвлеклись от главного. Что мы можем уже сегодня поиметь от нашего выбора. Понимаете в каком смысле. Мне поручено Президентом выработать нашу промышленную политику в отношении Беларуси. Да и вообще, как жить будем?

Березовский поднялся со своего места, сказал:

– Все проще простого. Нельзя допустить реформирования крупных белорусских гигантов, нефтехимии. Схемы отработаны. Нам нужен контроль за сырьевыми поставками и ценовой политикой на готовую продукцию.

Барсуков подумал: «Да, опыт у тебя есть. ВАЗ раздел виртуозно. Ну и хитрющая жидовская морда».

Березовский между тем продолжал:

– Необходимо создать различные фонды по типу стабилизационного. Туда собрать всю ликвидную продукцию. По этой схеме мы продуктивно работали с прежней властью. Хорошо бы законодательно обеспечить поставку в Беларусь энергоносителей по внутренним российским ценам.

– И еще одно, господа. Надо дать молодому Президенту компромат на его окружение. Он это любит. Значит, пускай знает побольше, – заметил Гусинский. – Он уже понял: власть – это товар. Мы эту власть у него запросто купим. Ему надо позволить две вещи – сидеть в кресле и говорить. Говорить чем больше, тем лучше. Где угодно и что угодно. Кстати, недавно по одному из моих каналов на вопрос откуда он родом, этот чудаков ответил, что не помнит где родился. Мол, где-то на границе с Россией и Беларусью. Так мог ответить только настоящий еврей.

Все рассмеялись.

– Хватит, господа, – Барсуков хлопнул себя рукой по ляжке, – вы тут свои майсы про экономику долго будете расписывать. Делать деньги вы умеете и его выпотрошите. Мы должны сделать главное. Поставить к нему наших людей в силовых структурах. Тогда срывов не будет. С учетом его маниакальной колхозной подозрительности. Я читал тут одну записку. Звучит весьма доказательно. С головкой у него не все в порядке.

– Тем лучше для нас, – перебил его Гусинский.

Сосковец поднялся с места:

– Подведем черту. Мы дорого заплатили за эту власть в Беларуси. Она наша. Это постоянно подчеркивает Борис Николаевич. Я доложу ему о совещании... А сейчас это дело мы должны вспрыснуть. Никто не против?

Все дружно перешли в другой зал к накрытому столу.

Коржаков поднял рюмку:

– Мужики, я вот что скажу. Это вам не Приднестровье с придурком Смирновым, это не пирамидки Мавроди. Это целая страна у нас в кармане, с добрым, трудолюбивым славянским народом, да еще с выходом на Запад... И я хочу выпить здесь за нас с вами, за величие России!

Все встали.

«У нас в руках не Беларусь, а общество с неограниченными возможностями»

На второй день, после поездок в ЗИЛе уже под Президентским флагом, Лукашенко сидел в бывшем кабинете Кебича и составлял указы. Он не знал, как они пишутся. Вокруг валялись скомканные рваные листки. Так, надо не забыть Надьку Гарбузову. Куда ее? Хозяйственная баба. Моего пацана не бросила, растит. Атолина посажу... Пусть Совмин кормит. Ореховскому надо что-то дать. Не подвел мужик. Вовка Коноплев... Нашатался по деревьям, самогона попил, погоны совали. В помощники его... Не забыть бы кого-нибудь. Так, Надька Ермакова из шкловской сберкассы. Часто к ней после баньки захаживал... Надо что-то придумать для нее. Инка Дробышевская. Баба грамотная. Понятливая... знают про их отношения, да хрен с ними. Не он один к ней в гостиничный номер захаживал. Правда, пьет, но стакан держит. Все болезни изнутри знает. Надо здравоохранение ей поручить. Ванька Титенков. Этот может... В стране все бесхозное. Надо переписать и заинвентаризировать. Лучше Вани с этим никто не справится. Ему Синицын рассказывал, как Ванька из кассы фонда «Наследие Чернобыля» растворил 400 тысяч долларов. Да так, что концов найти никто не может. А какой он Президент без своих денег? Ментов: Малумова, Корпиевича, Сазонова трудоустроить надо.

Он постоянно зачесывал волосы, спадающие на лицо. От напряжения вспотел. Указ начал у него получаться.

* * *

Он уже две недели как Президент. Надоело порядком. Все чего-то просят, а он сам беден, как церковная мышь. Вчера обнаружил одну неприятность – стал забывать запах соломы. Все, что связывает с прошлой жизнью, – это память. Как там моя Надька? Кто сейчас ласкает ее мягкие липкие губы и мнет огромную, пахнущую сыродоем грудь?

При мысли о Надьке Гарбузовой его широкие, непривычно гладкие штаны ожили. В перекрестье штанин, в самом низу, забились, стремясь наружу, молодая горячая плоть. Сладкая ломота разлилась во всем его большом теле. По-звериному раздувая ноздри, тяжело вдыхая в себя спертый совминовский воздух, он подумал: «А может, уединиться? Вспомнить тетю Веру из детства? Первую мою бабу с рваными чулками на подвязках». От этой предательской мысли, от этого предчувствия, кровь ударила ему в виски, рука привычно скользнула вниз. Нельзя! Нельзя! – с бешенством остановил он ее движение. Тут нельзя, тут люди. К тому же он Президент!

* * *

Распаренный Лукашенко бухнулся в бассейн.

– Ну и здоровье у тебя! Втроем не отпаришь... – сказал Титенков.

– А ты жри меньше. И сала, и водки... Спортом занимайся, – рассмеялся Лукашенко. – Ты с кем рядом? С Президентом! Так выгляди соответственно.

Титенков хотел возразить, что у него нет такой округлой женской задницы и огромных ляжек, но вместо этого сказал:

– Кстати, тебе прикупиться надо... Пару костюмов, галстуков подобрать, да и туфли попримечнее... Тут Витька Логвинец. Тот костюм он тебе на выборы нормальный принес. Только размера не знает. Трудно на тебя подобрать. Мы должны помнить, кто мы, и

выглядеть, ты прав, как следует...

Лукашенко задумчиво сказал:

– Кто мы? Еще сами не понимаем... Они думают, что в свое стойло приберут.

– Ты о ком?

– О россиянах. Ельцин звонил, поздравлял, советовал не торопиться с кадрами. Знаю, какие там планы вынашивают. Поставили мальчика и кировать будем.

– Да ты уж слишком... Грошей они дали немало.

– Мы сейчас с тобой свои заработать должны. Страна у нас, а не у них. Пойми ты, у нас в руках с тобой не Беларусь, а общество с неограниченными возможностями. Заработаем и править будем. А что там них в России? Гайдары, Чубайсы, пускай у себя разберутся. Мы такую власть устроим, что им не снилась. Как ты думаешь, что нужно России? Я как историк знаю – земля. Империя, как говорит Позняк, всегда хочет расширяться. Я помню, когда в колхозах все раскрали, началась программа укрупнения хозяйств. Самыми горячими сторонниками такого укрупнения были как раз председатели убыточных колхозов, они быстро смекнули – при укрупнении списываются долги и убытки. Вот и мы будем гудеть об союзе, укрупнять Россию. Смекнул или нет?

Титенков мрачно вздохнул:

– Не заиграйся, Сашка. Это ж тебе не совхоз...

– А что совхоз? Ты совхоз не оплеывай. Там своя наука. В совхозе без хитрости не обойтись. Помнишь, возле тебя совхоз «Ударник» работал? Так директор Максимыч перед первым райкома раком стоял, бедным прикидывался. А какую домину отгрохал?! Вот она наша селянская мудрость. А мы с тобой много должны взять, чтобы всех поставить – и россиян, и своих. Высосем все отсюда... Только думай, думай. Тогда весь мир вздрогнет. Мы сделаем державу. Для самих себя. Для детей наших.

«Понесло», – подумал Титенков. Но он прав в одном: надо пользоваться моментом, власть не вечна. Вот только как с прессой быть?

– А не боишься, что узнают, распишут? Ты смотри, сколько Кебу намарали. Да ты сам постарался.

– Дурак он... Демократам поддался, телевизор мне дал, газеты. Запомни, народ – это быдло. Проглотит все, что я ему наговорю. А ты думай, откуда нести! Дело будем иметь с ребятами, которые своих писак давно закопали. Они никогда в жизни не сдадут. Знаю я, Ванька, с кем дело иметь. Даже тебе не скажу.

* * *

В кабинет с надписью на дверях «Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко» вошел гарцующей походкой худосочный человек с огромной каракулевой папахой на голове и звездой Героя Соцтруда на лацкане пиджака.

Лукашенко поднялся ему навстречу.

– Здравствуйте, Александр Григорьевич. Я танцор. Танцую на просторах бывшей великой Родины и во всем мире.

– Здравствуйте, дорогой, кто ж не знает великого Эсамбаева. Я вашими танцами много раз по телевизору любовался. Не думал, что в жизни вас встречу.

– Вот и свиделись. Мне тоже приятно познакомиться с самым молодым Президентом. Я с большой просьбой к вам, Александр Григорьевич... Филиал своего фонда хочу открыть в Беларуси, чтобы, так сказать, культурные связи покрепче налаживать...

– Знаю, знаю. Иосиф Давыдович Кобзон мне все рассказал, да и Юрий Михайлович Лужков лично звонил. Светлая идея. Надо ее в жизни претворять. И немедленно.

Из справки Контрольной палаты Республики Беларусь:

«В соответствии с договором между фондом и Управлением делами Президента № 15-702, фонд имени Эсамбаева должен был заняться реконструкцией больницы Управления делами, Дворца Республики и санатория „Белая вежа“ в Кисловодске. В соответствии с этим договором на эти цели фонд должен был выделить 45 миллионов долларов. Деньги не были перечислены. По указанию А. Г. Лукашенко Совмин своим решением от 11 августа 1995 года разрешил фонду беспрепятственно ввозить водку, сигареты, автомобили и другие товары, предварительно освободив фонд от пошлин и акцизов. По контракту № ММ-01/95 фонда с одной из английских компаний товар на общую сумму 250 миллионов долларов США беспошлинно транзитом ушел в Россию. Убыток от неуплаты налогов, акцизов составил 638 миллиардов белорусских рублей. Вернуть этот долг в госбюджет на сегодняшний день не представляется возможным».

* * *

Лукашенко позвонил Шейман:

– Все идет по плану... Уходят последние вагоны.

– Ты смотри, концы спрячь как следует. С Саковичем я договорюсь. А потом и должность ему подбросим. Ты заедь ко мне.

Когда Шейман явился, Лукашенко сказал:

– Возьми и обустрой свой Совет безопасности. Подбери надежную группу людей... – Он протянул ему объемную пачку денег. – Мы готовим с Иваном серьезную операцию. И подумай, куда все это складывать. Этой зелени будет много. Надо в Белград ехать. Слободан надежный мужик.

– Нам же и с россиянами рассчитывать надо. В долгах как в шелках.

– С кем? Они всю страну распродали... Дальше посмотрим. Мы должны уровень соблюдать. А мелочевку отбросить. Я тут решение подписал о льготах для фирмы «Интеко». Лужковская жена сиденья для стадионов будет поставлять. Вот с ним и рассчитаемся.

* * *

Президентские часы показывали половину двенадцатого ночи. Он бродил один по

резиденции. С минуты на минуту должны явиться Титенков и Витька Логвинец по кличке Колхозник. Он не мог отойти от долгого разговора с Бородиным. Пал Палыч прав, абсолютно прав. Надо выходить на новый уровень. Время удобное. Никаких границ, никаких налогов.

Он вспоминал этот разговор с Бородиным.

– Я слышал, вы там с Эсамбаевым якшаетесь, с Иоськой Кобзоном. Дело неплохое, но вы меня простите, по Москве слухи поползли. Не такие чтоб страшные, мол, Президент не с теми людьми...

– Понимаю, понимаю. Они мне энергоносители обещали. Зимой будем с теплом...

– Да какие у них энергоносители?! Правильно поймите, это шпана прикормленная...

Они договорились все обсудить в Москве или Бородин сам подскочит в Минск.

...Вошли Титенков и Логвинец.

– Долго едете... Или уже успокоились? Солидные хлопцы, при деньгах, которые батька выдал... А когда я от вас получу?!

– Так вроде бы и мы без дела не сидим, – тихо возразил Титенков.

Лукашенко махнул рукой:

– Ладно, ладно, шучу я... Не обращай внимания. Тут у меня разговор только что был. С самим Павлом Павловичем, коллегой твоим старшим. В курсе он наших дел и первых проработок. Хочет с нами работать. Только вот говорит, уровень другой нужен, да и кое в чем, как я понял, фонд эсамбаевский засветился. Да и какие там объемы? Фирма нужна другая, солидная.

Логвинец приблизился к Лукашенко.

– А чем моя фирма плохая, Александр Григорьевич? И название звучное «Канторгрупп»...

– Чудак человек, да ты и так работать будешь... Только под прикрытием Управления делами. Я же сказал тебе, Ванька, готовь документ о создании предприятия Управления делами. Не какого-нибудь там частного, а Президентского... Моего.

Титенков глянул на него с укоризной:

– Обижаешь. Все-таки друзья пришли. И не абы какие... А ты кричишь, – он протянул проект указа. – И название придумал хорошее – «Торгэкспо», Люди подобрались нормальные, и многие не здешние, а московские.

– Московские? Смотри, чтоб не кинули.

– Здесь они будут под моим колпаком...

– А как прикроемся, чтоб шума не было? Вообще-то, я сам знаю как. Беру это на себя.

«Торгэкспо»

«В целях обеспечения Республики Беларусь товарами народного потребления в канун Нового года, освободить государственное торговое предприятие „Торгэкспо“ от уплаты таможенных пошлин, акцизов, налогов. Договора на поставку товаров указанных в приложении №1 заключать с фирмами, определяемыми Управлением делами Президента»

Новый год прошел. Новогоднее поздравление Лукашенко было особенно воодушевленным. Президент улыбался на весь экран. Синицын обнял патрона:

– Очень хорошо. В этом году мы станем жить лучше. Я верю.

Все произошло неожиданно, как гром среди ясного неба.

6 января Александр Григорьевич находился в состоянии бешенства. Только что ему позвонили из его Службы безопасности и сообщили, что олухи из ведомства Захаренко, наплевав на то, что груз сопровождается людьми из Совета безопасности, задержали два МАЗа, направляющихся в Питер. И что самое страшное – на месте задержания оказались российские журналисты. В машинах находилось сорок тонн водки «Петров», стоимостью 1,3 миллиарда белорусских рублей. Что этот товар был без акцизных марок, он сам безо всяких звонков прекрасно знал. А иначе на хрена было его везти?! На чем заработать? Кто-то слил информацию... Откуда там эти гребаные журналисты?! Сообщили, что звонят из Совета безопасности России. Информация проскочила в «Известиях». Хорошо, что большая часть товара ушла... Бородин умоет руки, а сколько он ему отдал?!

Он вызвал к себе Шеймана, Титенкова, Коноплева, Малумова. Все четверо, поживаясь, стояли в его кабинете.

– Виктор! Сколько еще не отправили вагонов?

– Вагонов двести или больше...

– Ну и кретины?! Кто подставил, я, б..., разберусь. Срочно дайте команду на остановку всех вагонов. Вы-то хоть понимаете, – чтобы отвести от себя подозрение, мы должны сами выступить инициаторами задержания оставшихся вагонов. Это наше спасение.

Он повернулся к Коноплеву:

– Иди в газеты... Труби о моем фонде. Все для деток и больных стариков. Мы ж эти деньги не себе в карман заграбастали.

Побледневшие подельники молча слушали его.

– Мы можем уйти?

– Стойте! – прорычал Лукашенко. – Шейман, звони Тесовцу. Пускай у каждого вагона поставят вооруженную охрану. Это же наши деньги! Придут российские отморозки и перебьют всех!

– Как наши деньги? Они же с нами рассчитались... – пролепетал Титенков.

– Молчи, сучье вымя. Я сам знаю, чьи это деньги. Водка на нашей территории. Значит, наша. Ты за нее рассчитываться будешь? Штанами, что у Логвинца сп...л? А теперь пошли все на

х...!

Вызвал офицера связи:

– Срочно уничтожьте этот документ. Протянул бумагу:

«Руководителям подразделений Государственного таможенного комитета, Министерства внутренних дел, Комитета государственной безопасности, Управления белорусской железной дороги, Управления ЖД войск РБ. В соответствии с особым указанием обеспечить беспрепятственное перемещение по территории РБ вагонов под номерами...»

Уже находясь в машине, под истошный вой сирен машин сопровождения, он лихорадочно думал: на него кто-то стучит. Чтобы не допускать впредь таких разоблачений и гвалта, необходимо срочно создать свою службу контроля. С парламентом он уже разобрался, контрольная палата, как бельмо в глазу, копает, проверяет... Поставлю на контроль Васю Долголева, хватит ему около Сбербанка околачиваться – украл кредит, отработай на Президента. Сейчас это закон для всех. Конституцию менять надо. Я должен быть сильным Президентом.

* * *

«Совершенно секретно. Президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину.

По Вашему поручению нами исследована деятельность белорусского внешнеторгового предприятия «Торгэкспо». Указанная фирма была создана решением Президента РБ А.Г.Лукашенко с целью обеспечения товарами народного потребления внутри Республики Беларусь. Для осуществления деятельности данного предприятия этим решением «Торгэкспо» освобождалась от налоговых, пошлинных, акцизных и других выплат. Однако, несмотря на продекларированные благородные цели, «Торгэкспо», курируемое и прикрываемое Советом безопасности РБ (секретарь В. Шейман), занялось контрабандной деятельностью. В отчетный период по подложным документам на территорию Российской Федерации было доставлено около 600 вагонов водки, спирта, сигарет, бытовой радиотехники и других товаров на сумму 15 миллиардов долларов США. Для осуществления своих преступных замыслов были привлечены несколько московских фирм, таких, как «Сапфия», «Дионис» (список прилагается). К преступной деятельности были привлечены некоторые предприятия московской мэрии, а также группа предприятий, которые контролирует заместитель секретаря Совета безопасности Российской Федерации Березовский. В результате деятельности белорусской фирмы «Торгэкспо» прямой убыток для Российской Федерации составил 4,5 миллиардов долларов США. По мнению наших экспертов, каждый вложенный в эту аферу доллар приносил девять долларов прибыли. Все действия названной фирмы проходили под полным контролем А.Г.Лукашенко, и, по имеющимся данным, половина этой суммы была похищена белорусским участником. Наши информаторы в белорусском руководстве указывают на участвовавшие контакты между представителями Лукашенко и представителями югославских банковских структур, контролируемых Президентом Милошевичем и его семьей. Речь может идти об отмывании денег, полученных в результате этой аферы. По нашим данным, доля белорусской стороны составляет около миллиарда долларов США. Записка направляется в качестве информации. Председатель службы внешней разведки России Г. Трубников».

«Деньги ушли куда надо...»

– Ну, что, выпутались из ситуации? – Лукашенко посмотрел на Шеймана. – А если бы я не дал команду все остановить?

Шейман глянул на патрона:

– Дело еще не закончено. Они требуют вернуть товар.

– Не лезь – сам разберусь. Поставь на таможенный комитет Кречко. В нем я пока уверен. Дальше не знаю. Брат – приличный человек. Замминистра МВД. Не дай бог такие проколы?! Но ты пойми, Виктор, нам нужна своя с тобой таможня. Безо всяких там комитетов и госслужб...

– Александр Григорьевич, я об этом давно думал, кое-что уже сделал. Комар носа не подточит. Место найдено, люди подобраны... Специалистов возьмем каких надо.

– Подожди, людей я тебе сам дам. Сидят на зонах, харч государственный хавают. Тебе дадим специалистов таких... Да они что хочешь тебе нарисуют. И техника у нас есть...

Шейман с удивлением посмотрел на шефа.

– Ты не думай, я в этом кабинете штаны не просиживаю. Все знаю... – сказал Лукашенко. – В отличие от нахлебников из твоего Совбеза. Дома на Кипре покупают, а у меня в Минске квартиры нет, сыновья нищенствуют!

– Извините, Александр Григорьевич, кого вы имеете в виду?

– Кого?! – Лукашенко вскочил из-за стола. – Себя прежде всего?! Я до сих пор не могу бабки из твоего «Торгэкспо» достать! Где мои обещанные миллионы долларов, которые мне принадлежат? А твое говно вшивое, Погорецкий, дом на Кипре купил. Я что, клоун?!

Побледневший Шейман напряженно молчал.

– Александр Григорьевич, я разберусь в течение двух дней со всем этим. Что касается ваших денег... Вот мой пистолет... Если лгу, – застрелите... Деньги ушли куда надо...

– Ладно, иди работай!

Когда Шейман вышел, Лукашенко взял оставленную им бумажку. «Нью-Йорк – 500 000, Латвия, Калев – 620 000, Назрань, РФ, 25 сентября – 150 000, 19 октября – 140 000, 21 декабря – 120 000...» Лукашенко, порвав на мелкие кусочки записку, подумал: «Зря я наорал на Виктора. Не все так плохо в жизни... Люди работают, нехай себе работают...».

Шейман влетел в кабинет, нажал кнопку:

– Срочно ко мне!

Минут через десять перед ним был председатель Государственного таможенного комитета Макаревич. Нос синий. Неприятный тип.

– Я тебе делал поручение? По нашим делам... Что скажешь?

– Все сделали, думаю, что хорошо... Аэродромчик есть, почти в черте Минска. Вы его хорошо знаете... Боровая. Подъезд хороший, а выезд еще лучше. Дорога на Москву под боком. Людей поставили наших, афганцев.

– А есть ли проблемы?

– Небольшие... Летчики, парашютисты плоховато поглядывают. Ну да черт с ними, разберемся!

– Вы запомните, это на сегодняшний день наш самый секретный объект. Надеюсь, вы понимаете...

– Понимаю... Но нам нужны печати, необходимые ксивы. Ждем не дождемся.

– Не волнуйся, все будет... И еще. Я дам бойцов из элитной сопровождения «Альфа». Еще пару человек. Повадки гражданские... Для россиян. А сами в милицейской форме. Со всеми документами...

– Тогда проскочим...

* * *

Из записки Генпрокурору Республики Беларусь О. Божелко:

«В соответствии с вашим поручением, нами изучена деятельность секретного объекта Совбеза РБ „Аэропорт Боровая“. По нашей информации объект был создан по распоряжению высших должностных лиц государства. Осуществление деятельности сотрудниками этого объекта, связанной с транзитной проводкой товаров через территорию РБ, попадает под соответствующую статью РБ как контрабанда. В течение конца минувшего и текущего года через объект пошло без соответствующего оформления пошлин и налогов 597 грузовых автопоездов. По информации наших источников в машинах находились холодильники, аппаратура, мебель, продукты питания. На территорию Беларуси товары поступали из Польши, Украины, Прибалтики. На указанном объекте товары перегружались и по подложным документам отправлялись потребителю за границы Беларуси. Перегрузка товаров осуществляется наемными рабочими из числа служащих аэроклуба и также неустановленными лицами, которых доставляет автомобиль с номерами, принадлежавшими ОАСАМу пограничных войск (к. Невыглас Г.). В последнее время участились случаи перемещения (контрабанды) цветных металлов казахстанского происхождения из Беларуси в Прибалтику. В этих случаях груз сопровождают сотрудники в милицейской форме. По некоторым данным они откомандированы одной из элитных спецгрупп РБ. Нами было установлено наблюдение за одним из таких грузов. В результате оперативных мероприятий было установлено, что груз принадлежит холдингу „Белметаллэкспорт“, Президентом которого является Куликовский Андрей Юрьевич, бывший начальник отдела торгового дома Управления делами Президента „Белая Русь“.

Он же учредитель фирм «Лонда», «Металлснаб», он же вице-президент федерации тяжелой атлетики РБ.

По информации из наших источников в контейнерах находился никель и палладий. Груз был пропущен через белорусско-латвийскую границу. По нашим данным, Куликовский является доверенным лицом секретаря Совбеза Шеймана. Со счетов фирм Куликовского деньги переводились в оффшорные зоны различных стран. Нами установлены неоднократные контакты сотрудников этих фирм с наркокурьерами.

Считаем, что необходимо подключить к нашей группе специалистов отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Дальнейшее и более глубокое изучение данной

преступной деятельности невозможно из-за препятствий, которые чинят нашей группе должностные лица Совета безопасности и администрации Президента».

Генеральный прокурор РБ Божелко, ощутив тяжесть в левой части груди, оперся подбородком на кулак. Читал многое, но такое... Ну выбрали тебя, всего достиг, такого, о чем подумать не мог, представить... Но куда ж вы, ребята, полезли. Да за такое...

Он вызвал к себе следователя.

– Спасибо... Сработано нормально... Но отдай мне все это, принеси и отдай. Сам понимаешь... Есть нам чем заниматься и без этого.

– Все понял, – сказал следователь. – Сейчас принесу...

Божелко вышел в комнату отдыха. Боль в левой части груди не уходила. Налил полстакана коньяка. Залпом выпил. Глянул в окно. Поток машин, реклама на стенах кинотеатра «Победа». День был безнадежно испорчен – но жизнь, даже такая, продолжалась...

«30 миллионов долларов? Это ж не сто рублей!»

Америка, небоскребы упираются в самое небо... Каких понаставили на этом острове?! Да так давно... Шея сломается. А сколько банков, а в них денег... Богатые, сволочи. Понабирали со всего мира. Думают, что хозяева. Еще посмотрим...

Подъезжая к зданию бизнес-центра, он почувствовал, как настроение падает. Придавил его весь этот Нью-Йорк...

Переполненный зал. Сейчас ему дадут слово. Здесь, в Нью-Йорке... Он Президент. На него пришли смотреть. Они думают, что я заморская обезьяна редкой породы. Вдруг заныла спина, слабость ударила в ноги. Ему хотелось спрятаться, исчезнуть, как когда-то в детстве. Усилием воли он сбросил это наваждение. Он не один. Рядом Синицин, Сазонов, посол Мартынов, Ваня. Сейчас я вам покажу! Я Президент, и вы это скоро поймете!

Решительной походкой он двинулся к подиуму.

Вечером на ужине Синицин подвел к нему прихрамывающего человека.

– Хочу представить вам крупного американского бизнесмена, нашего соотечественника Иосифа Абрамовича Левитана.

Лукашенко подошел к Левитану, обнял его.

– Вот и встретились наконец. Я не забываю добро, — он поманил пальцем Титенкова. — Иван, ты хоть рассчитался с человеком?

Левитан махнул рукой:

– Да ну, оставим это. Я имею честь, господин Президент, пригласить вас к себе. Соберутся наши люди. Я хотел бы помочь вашей стране. Но я не настолько богат. Да и не зря говорят: одна голова хорошо, а много умных голов лучше. Посидим, пообедаем, поговорим... У нас

есть много предложений.

Лукашенко глянул на Синицина. Тот кивнул головой.

– Предложение принимаем... А вообще, зачем вам эта Америка? Приезжайте домой, живите. Нам нужны такие люди.

– Спасибо, большое спасибо, господин Президент.

Чуть позже Лукашенко наклонился к Синицину:

– Чего хочет этот еврей? И что он может?

– Многое, очень многое, – ответил Синицин. – Его область – золото, нефть, банковские операции. Надо к нему ехать. В этой голове столько схем и комбинаций... А нам нужны деньги. У тебя вон даже приличного костюма нет да дети бездомные. Человек надежный... Моего сына приютил... Да и выборы! Все его бабки... Помнишь, схемы по нефти? «Белагропромбанк» кредиты давал под поставки товаров. Он все сделал без срывов. Сейчас предлагает отличный проект. Ты хоть знаешь, с чего начинает править любой правитель? С чеканки монет...

– Ты что решил? Меня и на монеты?

– Тебя попозже. Схема есть, дело надежное и для всех выгодное. На носу 50 лет Победы в Великой Отечественной... Вот и отразим. А Левитан все сделает. И нас не забудет... Он человек честный...

– Ладно, хватит. Потом все обсудим.

Из оперативных материалов КГБ РБ:

«Левитан Иосиф Абрамович, 1946 г.р.; уроженец поселка Кореиз, город Ялта. Женат, имеет троих детей от двух браков. Образование высшее. Окончил Белорусский педагогический институт в 1973 году. Ранее привлекался к уголовной ответственности за махинации при производстве работ в студенческом строительном отряде. После освобождения из мест заключения работал экономистом в кооперативе. В 1990 году был арестован и помещен в следственный изолятор в связи с возбужденным уголовным делом по факту хищения финансовых средств в составе преступной группы. В 1991 году во время проведения следственных действий Левитан пошел на сотрудничество с органами следствия. По решению руководителя следственного комитета МВД Рухлядева обвиняемый Левитан стал проходить по делу как свидетель. В 1991 году по израильской визе Левитан выехал на постоянное место жительства в США и обосновался в городе Хьюстон, где в настоящее время имеет шикарный особняк в престижном районе. Левитан является совладельцем фирмы, которая в настоящее время имеет представительства в Беларуси, Молдове, странах Балтии, и Москве. (Название „Совтекс Инк.“). Он является одним из соучредителей международного фонда „Наследие Чернобыля“ со штаб-квартирой в Венгрии. Исполнительные директором фонда являлся Титенков И.И. – управделами Президента. Основная деятельность Левитана – это манипуляции с нефтепродуктами, включая переработку на заводах, и дальнейшая переправка продуктов на Запад и в США. Обладая широкими связями среди работников правоохранительных органов РБ, прокуратуры РБ и в администрации Президента РБ, в частности, содержит активы на своих счетах бывшего главы администрации Л.Синицина, ему удастся получать многомиллиардные централизованные

кредитные ресурсы РБ. Через различные подставные фирмы участвовал в финансировании избирательной кампании А.Г.Лукашенко в 1994 году, а также непосредственно принижал участие в афере, связанной с поставкой золотых юбилейных монет в Нацбанк РБ. В результате чего был нанесен ущерб РБ в сумме 50 миллионов долларов.

Левитан имеет причастность к строительству за кредитные ресурсы объектов за пределами РБ, в частности, гостиницы белорусского торгового представительства в Москве и гомельского онкологического центра».

* * *

В самолете, следующем рейсом Нью-Йорк– Минск, в салоне Президента были двое – Лукашенко и Синицин. Президент сбросил костюм, натянул спортивное трико. Наконец-то можно расслабиться. Далеко внизу бескрайний океан.

– Послушай-ка, – сказал Лукашенко. – Я тут что-то не догоняю. Ну закажем мы этому еврейю монеты, а денежки наши ге?

Синицин потягивал из бокала терпкое грузинское вино.

– Саша, да все проще пареной репы... Схема простая. У нас на кое-каких заводах немерено цветных металлов. Мы вдуюм еу как черный металлолом. Он выпарит из приборов все что надо, отольет монетки. И мы у него их...

– Да мать твою, Леня... Подожди. Дай разобраться. Мы посылаем ему туда золото, а пишем что это черный металл. Зарабатываем свои бабки. Как ты говорил, 30 миллионов долларов? Это ж не сто рублей. Как он покажет эти деньги? Там же у них такой контроль. ФБР и еще хрен знает кто.

– Ну ты, Саша, и непонятливый. Для этого мы с Левитаном и придумали эти монеты. Мы, а точнее, наше правительство, официально заключаем с Левитаном договор. Он нам монеты, а мы ему за услуги – денежки из Нацбанка. После сделки, он их легально может положить в любой американский банк. Наши денежки. И монеты наши... И Уолл-стрит доволен. И мы.

До Лукашенко наконец-то начал доходить смысл сказанного.

– Молодец, только ли не обует нас твой еврей?

– Не обует. Все продумано. Да и жить он хочет.

Лукашенко хлопнул его по спине. Да так, что у Синицина чуть бокал из руки не вывалился.

– И где ты этому научился? Наверное, часто со стройки кирпичи п...л? Или гвозди. Поняв скрытый смысл выражения, оба начинающих бизнесмена заржали.

* * *

Из акта проверки службы контроля при Совете Министров, подписанного ведущим специалистом службы Ратниковой Л.П.

«В результате проверки Минского завода вычислительной техники имени Орджоникидзе (Директор Харлап), были выявлены факты хищения в особо крупных размерах. По договору

№141/2 с американской фирмой „Кристалл“ была отгружена со складов завода продукция (вычислительная техника, счетные машины). В договоре поставки была умышленно занижено фактическое содержание золота и платины в произведенных заводом изделиях в три раза. Оплачивало за поставленную таким образом продукцию предприятие как за черный металлолом. По нашему запросу была истребована информация об американской фирме „Кристалл“. В общенациональной базе данных фирма с таким названием неизвестна и не указана в местных справочниках. По данным почтовой службы ящик №306, указанный в договоре, является частным и принадлежит гражданину США Левитану И.А.».

Из акта, подготовленного сотрудниками Комитета по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией:

«Руководство гомельского стеклозавода (руководитель П.Шипук) заключило с американской компанией „Сэйбин Металл Корпорейшн“ договор на поставку в США платиново-радиевых экранов, которые содержали 75 килограммов чистой платины и 30 килограмм чистого радия. В договоре записали, что товар продается по ценам лондонской биржи. На самом деле драгоценный металл ушел в Америку за бесценок. В результате сделки гомельскому заводу был нанесен ущерб в 1 миллион долларов». «Настоящим заключен договор между ПО „Белвар“ (гендиректор Мумай), НПО „Ареса-Сервис“ (директор Конопков) и американской корпорацией „Совтекс Инк“ (доверенное лицо Воробейчик) о нижеследующем. ПО „Белвар“ поручает НПО „Ареса-сервис“ поставить в адрес „Совтекс ИНК“ приборы...»

* * *

Спустя полгода...

– Молодцы хлопцы, хорошо поработали... Хоть я и недолюбиваю этих казаков из Палестины, а не подвел Левитан.

Перед ним сидели Титенков и Синицин.

– А сейчас идите. Мне надо готовиться... Завтра хочу с народом на тракторном пообщаться. Ну, чего вы мнетесь... Или недовольны чем, своего не добрали?

– Тут такое дело. Людей же надо отблагодарить. Они многое знают, да и сделали все как мы говорили. А на них наезжают...

– Так вы б сразу и сказали... Ты у меня руководитель администрации? – обратился Лукашенко к Синицину. – Иди и готовь указ. Директора завода Орджоникидзе Харлапа назначаю министром промышленности, а Шипук пусть возглавляет Совет

Республики...

В кабинет Титенкова вошла Винникова. Благоухающая духами, в сверхмодном платье и с красивым лицом. Губы ее подрагивали.

– Иван, что делать с монетами? Мало того, что буква «Н» пропущена, так они еще и ржаветь начали... Кому я их продам? Что за подстава?

Титенков наклонился к ней:

– Девушка, не твое это дело... Поржавели, дай команду чистить.

Толстая, бесформенная физиономия Титенкова нагло улыбалась.

«Спасибо, Борис Абрамович, большое спасибо...»

Любит он общаться с Борисом Абрамовичем. Ничего не скажешь, умный человек, столько обул, подумать страшно. Целую Россию... Богат, мерзавец, поэтому такой спокойный, рассудительный. Вроде бы о благе страны заботится... Впрочем, ему можно, имея замки и острова в океане... В первое время он чувствовал себя с ним настороже, но потом в течение какого-то времени напряжение исчезло, наоборот, появилось доверие... Беседовать хочется часами и о чем только заблагорассудится.

Березовский как-то ему сказал:

– Понимаете, Александр Григорьевич, все мы живые люди... Поверьте, я все коридоры власти в Москве знаю. Не одного своего в кремлевские кресла посадил... Человек вы новый, связей маловато. Ну Лужков в дружбе клянется, в делах кое-что обещает, Черномырдин. Поверьте, не то это... Они, как им кажется, все свое взяли. Дома своя мелочевка, хороший парень, скажем, Ваня Титенков, но что он может...

Лукашенко улыбнулся:

– А что поделаешь... Приходится все использовать. Вы бы вот помогли, авторитет у вас такой...

Березовский как бы не обратил внимания на его слова.

– Есть другие люди. Они вроде бы и внизу, но без них не обойтись. И Кремль, и Лубянка, поверьте мне, без них не обходятся... Работают по серьезным темам.

Решают самые главные темы. Не всегда в ладах с законом, но это дело такое, на меня вон тоже сколько раз следователей науськивали... Вам самому с ними общаться как бы не к лицу, а вот ваших людей сведу с большим удовольствием.

– А чем они занимаются? – спросил Лукашенко.

– Оружие, бриллианты, нефть... Может слышали фамилии, иногда они на слуху даже у Президентов – Гайдамак, Лучанский, Минин... Еще кое-кто. С интересом на Беларусь поглядывают, но с мелочевкой я их сводить не стал. Все может быть очень интересно для всех...

– Спасибо, Борис Абрамович, большое спасибо... Знал, что найду у вас поддержку и понимание. Как-то выживать стране надо, а не всегда получается...

– Получится, – уверенно сказал Березовский, – По моей команде они приедут. Только скажите, когда и к кому...

«Лукашенко на все пойдет, чтобы долю свою вырвать»

К вилле Гайдамака на французском Лазурном берегу подкатила машина Лучанского. Хозяин вышел навстречу гостю. Обнялись.

– Борис Абрамович два часа назад уехал. Как всегда очень спешил. Кстати, он тебе звонил?

– Звонил. Сказал, что мы имеем возможность через эту крестьянскую страну отмывать свои бабки... Там на самом верху клоун – пришел к власти как борец с коррупцией, а теперь берет все подряд. Пошли в дом. Водопад в холле, певчие птицы...

– Хорошо у тебя, – сказал Лучанский. – Я спешить не буду. Отдохну пару дней...

– Есть отличная схема. Абрамыч и ты будете довольны... Все очень просто. Я через одну американскую фирму продам этому народному мстителю миллиард долларов. А он за них заплатит нам три миллиарда долларов, но своими «зайцами».

– Лучанский отхлебнул из бокала, спросил:

– Дальше?

– Мы эти деньги призраиваем в российский банк, а на эту сумму выгребаем все, что у них есть... БЕЛАЗы, МАЗы, трактора... Кое-что отправляем в Якутию в обмен на алмазное сырье, кое-что загоняем... В рамках этой сделки сбросим им свое бриллиантовое сырье, вернее хламье, сам понимаешь. Усатый белорусский вождь готов купить это по самым высоким ценам... Я прикинул, минимум три с половиной миллиарда кладем в карман. Ясно, что вместе с той стороной...

– А может, он еще и не пойдет на это? Да у него весь бюджет пять миллиардов... Всю свою экономику закопает собственными руками.

– Пойдет. С Абрамычем, я думаю, они договорились... В России вот-вот рухнут все их пирамиды, начиная с ГКО. На этот хаос все будет списано... Лукашенко на все пойдет, чтобы долю свою вырвать. Мы ему в этом поможем. Только спешить надо. Обвал планируется где-то в августе—сентябре.

– Я займусь финансовыми вопросами. Леня Минин специалист по камешкам, а ты, Григорий, лети в Минск. Посети тамошние заводы, просчитай все. Тебя там все знают. Кстати, обязательно поговори там с моим человеком. Фамилия его Эйдин. Мы с ним еще в банке «Менатеп» свое брали. Надо поставить его эко комическим советником рядом с этим придурком. Пусть советует и контролирует. А то черт знает, что у этого вождя на уме.

* * *

Из досье.

Лучанский Григорий Самуилович, 1945 г.-р., родился в Узбекистане. Занимал руководящие посты в ЦК ЛКСМ Латвии. 14 октября 1982 года был осужден по обвинению в хищении на 7 лет. Входит в состав организованной преступной международной группировки. Знаком со многими высшими должностными лицами ряда стран: Беларуси, России, Бельгии, Австрии. Используя свои связи в правительстве Республики Беларусь, Лучанский поставлял калийные удобрения по заниженным ценам на Запад, а при продаже товаров народного потребления внутри страны – по завышенным. Через сеть подставных финансовых структур, созданных на территории США, Франции, Италии, Австрии, совместно с бывшим гражданином СССР Ивановым (Япончиком), гражданином Франции А.Гайдамаком, гражданином Израиля

Мининым, а также братьями Львом и Михаилом Черными, которые контролируют российский алюминиевый бизнес, участвовал в легализации денег, полученных от продажи вооружений и наркотиков. Учредитель австрийской фирмы «Нордекс», совладелец компании – неоднократно судимый Владимир Двоскин, состоящий в дружеских отношениях с М.Мясниковичем. Соучредитель белорусской фирмы «Белтехэкспорт». Является личным другом мэра Москвы Лужкова, а также бывшего премьер-министра России Черномырдина.

Из досье.

Леонид Ефимович Минин (Блувштейн). Родился в Одессе. В 1972 г. эмигрировал в ФРГ. Затем переехал в Израиль. Долгое время проживал в Италии. Организовывал контрабандный транзит антиквариата, валюты, наркотиков, бриллиантов и оружия. В распоряжении Минина имеются несколько личных транспортных самолетов. При заключении сделок использует вымышленные имена. Вместе с белорусским офицером Бутом и его авиатранспортной компанией «AIRCESS LIBERIA» участвовал в поставках оружия группировке ОРФ в Сьерра-Леоне и антиправительственной группировки «Унита» в Анголе. В феврале 2002 года был арестован сотрудниками итальянской полиции. Во время ареста было изъято необработанных алмазов на сумму более 1 миллиона долларов. Имеет тесные контакты с руководством Республики Беларусь. В ходе поездок в РБ неоднократно посещал гомельское предприятие по обработке алмазов «Гомель-ротон». Имеет тесные контакты с Латыповым, Заметалиным, Шейманом.

Из досье.

Аркадий Гайдамак. Уроженец г. Бердичева. В 1970 г. переехал в Израиль. Сейчас гражданин Франции. Является двойным агентом французской и российской разведок. Работал переводчиком в одном из французских агентств. За содействие деятельности спецслужб Франции награжден орденом Почетного легиона. Имея контакты с высшими руководителями российских спецслужб, Гайдамак помогал французским дипломатическим службам замять скандалы, связанные с полетами французских разведывательных самолетов над Боснией и задержанием французских агентов на трассе нефтепровода в Дагестане. Через Гайдамака ФСБ России контролирует троцкистское лобби, укоренившееся в высших слоях французской администрации. Активно участвует в продаже белорусских, российских и украинских вооружений через ряд подставных фирм-посредников, зарегистрированных в Словакии, Болгарии, Хорватии, Франции. Сделки оформляются через ряд европейских банков во главе с парижским «Париба». В большинстве случаев поставки вооружений происходят нелегально в обмен на нефть и необработанные алмазы. Переработку нефти осуществляют на одесском нефтеперерабатывающем заводе, который контролирует Гайдамак, а также на белорусских нефтеперерабатывающих заводах. Аркадий Гайдамак имеет склонность к организациям различных афер, имеющих характер транснациональных.

«Они нам миллиард долларов, а мы им белорусские зайчики... Это же чистейшая уголовщина!»

– Наконец-то мы нашли возможность встретиться,– сказала Винникова председателю КГБ Мацкевичу.

Он поцеловал ей руку.

– Вы понимаете, Тамара Дмитриевна, мы не могли встретиться ни у меня, ни у вас. За вами установлено постоянное наблюдение...

– И не только. Начались постоянные угрозы. Вчера зашел бывший участковый Коноплев. Да с какими угрозами. Требует, чтобы я его фирмам конвертировала деньги. А несколько дней назад, минуя всю охрану, без предупреждения, вошел Шевцов из «Инфобанка»... Чуть не за горло схватил. «Ты будешь всех ставить на должности, кого мы предложим...». Такое впечатление, что эти крестьяне уже теряют власть. Как перед концом хватают все подряд.

– Успокойтесь, Тамара Дмитриевна, я тоже многое знаю, но к сожалению не все вам могу говорить...

– Я очень хотела вас увидеть по одному вопросу. В результате могут быть горы трупов... Меня точно убьют, если я соглашусь с этими недоумками.

Он внимательно глянул на нее:

– В чем дело?

– Прокопович, Синицин, Коноплев предлагают купить миллиард долларов у какой-то сомнительной американской фирмы. Они нам миллиард долларов, а мы им белорусские зайчики... По курсу в три раза больше официального. Насколько я понимаю, это традиционная схема, которой пользуются наркодельцы в третьем мире... Заключают с какой-нибудь Бангладеш, где у власти отморозки, договор и отмывают свои деньги, разрушая этим самым экономику и финансовый рынок страны. Это было в Бразилии и в Индонезии... Естественно, я отказалась подписывать любые бумаги и не пошла к Президенту. Прибежал Шейман, отmaterил меня, сказал: «Будешь делать все, что скажем». Готовят бумаги на Совмин, обрабатывают Линга. Я прошу вас, поддержите меня. Иначе всем нам... Это же чистейшая уголовщина.

Мацкевич спросил:

– Название фирмы есть? Мы все выясним.

– Конечно. И еще,– сказала Винникова. – Чует мое сердце, что тут неспроста появились вояжеры из теневых финансовых структур России. Что-то затевается грандиозное...

– Спасибо, Тамара Дмитриевна, за информацию. Пока, я думаю, вам нечего бояться.

* * *

На закрытом заседании в Совмине, куда явился Лукашенко, присутствовали премьер Линг, вице-премьер Прокопович, председатель Нацбанка Винникова, председатель КГБ Мацкевич, секретарь Совбеза Шейман, советник Президента Эйдин.

С докладом «Об оздоровлении финансового положения в стране» выступал Прокопович. В конце доклада Прокопович сказал:

– Александр Григорьевич, мы хотели бы просить у вас дать нам добро на закупку валютных средств в соответствии с договором, который вам известен. Мы учли ваши замечания по поводу негативных последствий для экономики страны, связанных с этой сделкой. Поэтому эмиссионные кредитные ресурсы, предназначенные для закупки валюты в размере 1 миллиард долларов, мы разместим в одном из Российских банков и замораживаем этот счет по согласованию с продавцом на три месяца. Мы также нашли варианты, по которым поступающая валюта будет направлена в ваш Президентский фонд.

– Прошу высказаться, – сказал Лукашенко. – Что-то Тамаре Дмитриевне не сидится. Давай, выступай первой...

– Винникова встала:

– Мне эта сделка кажется подозрительной. Она крайне опасна для нашей экономической безопасности. Надо узнать, кто стоит за этими деньгами и этой фирмой. Тут присутствует председатель КГБ – пусть даст нам информацию.

Она посмотрела на Мацкевича.

– Позвольте, Александр Григорьевич. Указанная фирма принадлежит бывшим советским эмигрантам, мужу и жене. Уставной капитал составляет 100 долларов. Не исключено, что это грязные деньги либо от продажи наркотиков или нелегальных поставок оружия.

И тут Винникова не выдержала. На глазах у нее выступили слезы. Срывающимся голосом, она начала говорить:

– И вообще, Александр Григорьевич, не могу я работать. На меня давят, мне угрожают... Разве никому не ясно, что это за сделка? Что мы обсуждаем?! И кто я здесь —председатель Нацбанка, или девочка на побегушках?

«Шлюха ты!» – злобно подумал Шейман.

– Прекратите истерику, – сказал Лукашенко. – Если вы чего-то боитесь, я дам вам дополнительно охранников. А здесь заседание Совмина, а не базар. Если устала работать, мы дадим тебе возможность отдохнуть. А сейчас покиньте зал.

Винникова выбежала. Слезы ее душили. Сколько она, дура, зарекалась... Почему-то ей всегда казалось, что ее мужчины, даже такие, как этот мужлан Лукашенко, должны хотя бы уважать ее.

Вечером Лукашенко внимательно глянул на Шеймана:

– Ну как тебе этот спектакль?

– Я разговаривал с некоторыми людьми из Москвы. В России ожидается серьезный финансовый кризис. Мы должны этим воспользоваться. Надо срочно начинать сделку.

– Дело решенное... А Тамара стала опасной. Надо ее изолировать. И ей хорошо, и нам спокойнее. Вместо нее банк возглавит Прокопович. Установи более жесткий контроль за Мацкевичем. Не нравится он мне. Ребята из российской внешней разведки утверждают, что она ведет двойную игру.

* * *

14 января 1997 года Винникову вызвали на совещание, на котором присутствовали все

силовики. Через 5 минут после начала ей передали записку с просьбой выйти в соседнюю комнату к телефону. Через три минуты она была арестована. Метод, использованный оперативниками – вызов с запиской с последующим арестом, – практиковал когда-то Берия.

* * *

Лукашенко вызвал к себе новоиспеченного председателя Нацбанка. Бывший строитель брестского облсельстроя, нацепив круглые очки на вечно удивленные глаза, думал о превратностях судьбы. Только что ему всучили весь кошелек страны. Что с ним делать, он определенно не знал. Поздравив с вступлением в должность, Лукашенко сказал:

– Я рад видеть тебя на этом месте. В отличие от этой визгливой бабы, ты видишь перспективы... Ну да ладно об этом. Ну что у тебя там с этим предложением по поводу миллиарда долларов... Я думаю до июля текущего года надо все осуществить.

Прокопович заерзал на стуле.

– Александр Григорьевич, я эти ассигнации еще не пересчитал, активы не принял. Не знаю, что меня там в банке ждет.

«Ну и придурок, путает ассингации с ассигнациями, – подумал Лукашенко, – мы с ним точно сработаемся!»

Прокопович растерянно заморгал глазами, привыкая к новой роли.

– Не лезь ты сам в эти дебаты с кредитами. Специалистов хватает, без тебя разберутся. Ты, главное, проконтролируй мне, чтобы деньги, которые мы печатаем вместе с тобой, до июля были отправлены в Россию. Не успеешь – голову оторву. А сейчас иди в свое хозяйство, принимай дела.

«Вот вам их реформы по Чубайсу!»

В роскошном кабинете Березовского были двое: хозяин и Татьяна Дьяченко. Татьяна сидела в кресле, а Березовский нервно ходил по кабинету.

– Я уже говорил Борису Николаевичу. Он выслушал внимательно, но как мне показалось – безразлично... Мои эксперты утверждают о катастрофическом положении в финансах. Не сегодня-завтра рухнет пирамида ГКО.

– Я очень боюсь за отца. Он слабеет на глазах. Разная информация. Не все понимает как следует, нервничает, – тихо произнесла Татьяна.

Березовский приблизился к ней:

– Но мы-то с тобой как неглупые люди прекрасно понимаем, что ничего изменить нельзя. Ситуацию надо использовать или ее используют другие. Можно потерять Москву, но не всю Россию...

– Что ты имеешь в виду?

– Если хочешь, я обрисую тебе всю ситуацию и наши дальнейшие шаги. Раз наш рубль падает, а мы ничего не можем сделать, нужно успеть обменять рубли на зеленые. Кто первый придет к валютной кассе – тот и выиграл. Нам надо этому кассиру всю зелень дать и перевести ее подальше...

– Сложновато, Борис Абрамович...

– Танюшечка, все просто – обменять зелень на наши бумажки... А они окажутся где надо... В этой кассе будет много денежек. Мы туда и кредит отправим. Мы один проект совместно с Лукашенко проводим. Сейчас в Минске аж гой гудит. Печатный станок работает на всю мощь...

Татьяна удивилась:

– А причем Лукашенко к нашим делам?

– Как причем? Границы нет. Товар – туда-сюда. А товар – это деньги. Мы ему товар, он нам – деньги, свои деревянные, он их может напечатать столько, сколько мы скажем. А мы эти деньги – на его же товар, либо в зеленые превратим. Ему – тридцать процентов за услуги, а нам – остальное.

Татьяна раскраснелась. Березовский упал в кресло.

– Что должен сделать папа? – спросила Татьяна.

– Для нас теперь главное не пошатнуть авторитет Бориса Николаевича, не утратить стабильность в стране. Все свалим на правительство, но до этого Виктор Степанович должен уйти. Он – слон, а нужен кто-то помельче, кто примет весь удар на себя... И такой человек есть. Его Немцов привел, министром топлива сделал. Молодец, как будто все предвидел. Умненький такой комсомольчик, полуеврейский мальчик Кириенко.

– Хорошо, я поговорю с отцом... Мне все ясно. А вот прокола с кредитом МВФ не будет. Дело сложное...

– Ты, Танечка, не волнуйся, мои ребята Задорнов и Кудрин все продумали... Деньги МВФ сюда не придут. И вообще, никто и никогда не узнает, где они растворились...

* * *

17 августа 1998 года в России произошла финансовая катастрофа. В одно мгновение миллионы людей стали нищими. По белорусскому телевидению бесновался Лукашенко. Нация с трепетом слушала своего спасителя.

– Вы видите, куда довел дружественную Россию так называемый рынок. Все смеялись над Президентом Беларуси, пинали, мол, такой-сякой, реформы не проводит... Инвестиции не идут. Вот вам их реформы по Чубайсу! Говорил я им, не связывайтесь с международным валютным фондом... Конечно, из-за того, что мы привязаны к России, мы не можем уберечься от последствий дефолта, но смягчить эти последствия обязаны, это мой долг как Президента... Я дал указание председателю Нацбанка Прокоповичу, министру финансов Корбуту сделать все, чтобы люди не пострадали.

По странной причине в результате российского дефолта, цены в России выросли в 3,2 раза, а в Беларуси в 6 раз, а покупательская способность белорусского рубля упала в 6,5 раз.

«Лжив, не обладает аналитическими способностями...»

В начале 1999 года Лукашенко пригласил к себе Шеймана. Вопросы, которые задал Президент, поставили секретаря Совбеза в тупик. «Завтра он запросит информацию обо мне, – подумал Шейман. – Но у кого?»

– Ты что смотришь на меня, как баран на новые ворота? Я же ясно сказал – дайте мне всю информацию про Наумова. Всю, понимаешь...

Шейман завертел головой:

– Так мы и так все знаем... Командир «Алмаза» с момента основания группы. Человек надежнейший. Сами знаете, в чем проверенный...

– Я тоже подозреваю, что все так и есть... Ну на хрена твой аппарат, аппарат КГБ, аналитической группы? Мне нужны результаты оперативной разработки. Человек идет возглавлять службу безопасности Президента. Ты это понимаешь?

– Понимаю, – ответил Шейман. Сам он услышал, об этом плане Президента впервые.

Через несколько дней на стол Лукашенко легла бумага:

«Из агентурных донесений. По нашим сведениям командир спецподразделения „Алмаз“ В. Наумов вместе со своим заместителем А. Чухановым используют подчиненных для участия в незаконных действиях. Сотрудники „Алмаза“ неоднократно выезжали для прикрытия встреч представителей организованных преступных группировок, на которых разрешались различные конфликты. По нашим данным особый интерес у В. Наумова вызывает фирма „Беке“, которая занимается нелегальной продажей промышленных алмазов. Учредители этой фирмы Лившиц Эдуард Борисович 1956 года рождения, Романовский Александр Владимирович 1953 г. р., Якутчик Николай Николаевич 1953 г. р. и Иваницкий Анатолий Иванович. 1952 г. р. Все они были неоднократно судимы. Проходили по одному из уголовных дел, связанных с реализацией промышленных бриллиантов и драгоценных металлов, похищенных с Гомельского завода „Кристалл“ и предприятий г. Минска. В. Наумов имел неоднократные контакты с указанной группой лиц. Также бойцы спецподразделения „Беркут“ привлекаются к охране различных коммерческих мероприятий сомнительного свойства. По некоторым данным В. Наумовым в рамках спецподразделения создана группа людей, которые профессионально занимаются вымогательством. В составе группы бойцы отряда Игнатович, Малик, Городецкий, Лифанов, Ивашко. В 1994 году спецподразделение „Беркут“ переименовано в спецотряд „Алмаз“.

За время работы сотрудником патрульно-постовой службы, а также на комсомольской работе В. Наумов отличался низким профессиональным уровнем, слабой подготовкой, пользовался низким авторитетом у сослуживцев. Лжив, не обладает аналитическими способностями».

Лукашенко отодвинул бумагу. Такой ему подойдет. Вопросов задавать не будет, выполнит любую команду. К тому же на приличном крючке, в сторону не дернется.

Неплохо придумал. «Беркут» сменить на «Алмаз». Как раз вовремя. Пусть присматривает за моей новой алмазной программой.

Сколько он здесь? Если бы сказали раньше, не мог бы поверить... Уже не месяцы, годы... Жара пятьдесят, исчисление минут до скончания суток. Встал – рев муллы, пот во время перебежки от кондишена к кондишену, обед, опять рев муллы... Люди, стоящие раком в мечетях... Ни выпить – все разом выходит, ни поесть, ни бабу трахнуть, рядом одна своя, а за остальных могут в яму закопать... А если бы не это? Что бы он имел? Да ну их на хрен, воспоминания... Он в этой адской жаре, кажется, уже тысячу раз отдал богу душу, а тот, сердобольный, поджарив ее слегка, возвращал ему обратно. Правда, он здесь не засиживается, приходится мотаться в Анголу, Конго, Либерию, Сьерра-Леоне. Там не только чертовская жарница, но, в отличие от Эмиратов, где он осел основательно, опасно. Поэтому он старается не задерживаться там подолгу, встречается с агентами, реже с руководством стран и старается исчезнуть. Он давно чует за собой глаза и ЦРУ и ФБР одновременно. Есть свои люди, они сообщают, где ждет наибольшая опасность, и он уносит ноги сюда, в Эмираты, здесь все же спокойнее, здесь он имеет такое окружение, которое не даст в обиду.

Как-то один из шейхов, покуривая травку за плотным обедом (Бут в это время, нарушая местный закон, потягивал виски), спросил его:

– Ты, Виктор, молодой человек, а многого достиг. Ладно у нас... Мы всего достигаем с детства. У нас деньги Аллах дает до рождения... А вот ты... В твоей компании только у нас, в Шардже, 60 грузовых самолетов, твоя компания «AIRCESS LIBERIA» одна из крупнейших... Ты, наверное, кого-то ограбил, – захохотал шейх, пережевывая кусок баранины, зажаренной здесь же на углях.

– Вот этого не было...

Что он может сказать этому жирному шейху, который в своей жизни пальцем не пошевелил? Что он может сказать ему, что его завербовали еще в институте, он, дурак, почти сопротивлялся, несколько раз откладывал главную встречу с представителем российской разведки, а потом встретился и, слава богу, согласился. Они открыли ему дорогу к сегодняшнему дню... Он стал заниматься поиском потенциальных покупателей оружия в Юго-Восточной Африке. Ему была поставлена задача – внедриться в верхушки различных вооруженных группировок. Россия всемерно поддерживала Северный альянс в Афганистане, и Бут стал главным курьером по поставке оружия. Когда «Талибан» стал уходить от американского влияния, именно он, Бут, стал поставлять оружие талибам.

Он сам разработал целую схему, которую никто не мог вырубить, а народу против него трудилось немало. Оружие он переправлял в Афганистан из Африки... Путь оно проделывало большой – круг был аж через Филиппины. Концы в воду? Плыло оружие и в Африку... Деньжат у этих негров ноль, зато есть другое – алмазы, особенно у повстанцев. Да пускай они там перебьют друг друга до последнего человека. Ему на это наплевать.

– Так вот, Виктор, – говорил шейх, продолжая жевать баранину («Сколько ж в него влазит без водки!» – подумал Бут), – я уже сказал, что знаю, чем ты занимаешься. Даже если возникнет скандалчик, мы прикроем, нам это, сам понимаешь, очень выгодно, а вот если скандал... Сам понимаешь...

– Конечно, понимаю, – ответил Бут.

– Мы предупредим своевременно, и тебе придется покинуть Эмираты. Я думаю, ты не пропадешь, найдешь точку приземления, как нашел ее здесь...

Ну да ладно, до этого, он надеется, еще далеко... А точка у него скорее всего появится. Все возвращается как бы на круги своя. Там его уж точно никто не достанет, ни ЦРУ, ни «Интерпол». Власть там особая, почище, чем в Либерии. Народ белый, думает, что свободный, а все по сути являются обычными неграми. Правит всем один человек, при нем ни одна вошь не пикнет, а кто пикнет...

Бут общался с этими ребятами из белорусской транспортной компании «Трансавиаэкспорт». Он кое-какие заказы им подбрасывал, чтобы собственную задницу прикрыть, он из разговоров своих старинных знакомых понял, кто к власти пришел. Да и так интересовался. Страна ему небезразлична, свой старт в бизнес он взял именно оттуда... Скоро он там окажется вновь и, кажется, будет частым гостем. Ему позвонили из Минска, сказали, что его ждут на очень высоком уровне. Тема разговора – его бизнес.

Ему сразу же стало все ясно. В стране оружия, как у дурака махорки. Осталось с советских времен. Его сбывать надо, деньги под ногами гниют. До хрена оружия и у россиян. Но они подчинены ооновским эмбарго, в горячие точки его не допрешь, а допрешь – скандал выйдет. А в России демократический Президент и вся власть демократическая, американцы, немцы им верят, своими считают... Бут точно знал, что россияне ищут выход на продажу оружия. Это он знает от одного видного фсбэшника, которого принимал здесь в Эмиратах. Хохлы тоже готовы и тоже под колпаком ООН, НАТО... А Беларусь тут рядом, смогут сговориться.

Бут готовился к поездке в Минск и не спал ночами. Схема, нужна схема не хуже той, отправки оружия через Филиппины, которую он придумал и которая не дала сбой. Нужна схема более изощренная, продуманная, это тебе не Африка, а центр Европы, все на виду... Надо сделать так, чтобы комар носа не подточил. И он, Бут, сделает это, иначе грош ему цена. Здесь уже пятки поджаривают, а ничем другим он заниматься не может. Денег мешки, на сотнях счетов, но уходить на пенсию в возрасте Христа совсем не хочется...

...Самолет покинул взлетную полосу аэропорта в Шардже. Такют на фоне желтых, раскаленных солнцем барханов купола мечетей.

Стюардесса узнала Бута.

– Принеси-ка мне виски, – сказал Бут.

Настроение у него отличное. Схема отработана, выверена.

Он познакомился с присутствующими: Латыпов, Шейман, Заметалин... С виду простые парни, ближайшее окружение своего Президента. Вот они какие... Встретишь в толпе, внимания не обратишь. Но у каждого во взгляде общее, едва уловимое: подозрительность, недоверие, стремление разложить собеседника на мелкие кусочки, влезть в самую душу, покопаться в ней... Но есть и свое. Латыпов явно умный, но изощренный, реагирует мгновенно на каждое слово... С таким надо быть настороже, не расслабляться... Шейман попроще. Говорит, в Афгане был. Офицер. Служака. Пойдет на все. Выполнит любой приказ... Самый-самый. В глазах холод и злоба. Заметалин – лис. По команде шефа и даже без команды может в любую секунду вылизать гениталии... Но в отличие от двоих других не так надежен. Может продать. Глазки бегают. Бут встречал такую породу. Будет служить кому захочешь...

– Страна испытывает большие финансовые трудности, – говорил Латыпов. – Этому есть объективные причины... Но мы встретились с вами не для того, чтобы жаловаться... Нам обидно быть бедными, имея настоящее богатство на своей территории.

– Мы знаем, что оно востребовано, – вмешался в разговор Заметалин, – Но ничего не можем

сделать... Вели переговоры в Ираке на уровне премьера Тарика Азиза, еще кое с кем, кто поближе к Израильской границе... Клиенты есть, но вы понимаете...

Бут понятиливо улыбнулся:

– Понимаю, понимаю... Я был примерно в таком же положении, только у меня нет собственной страны.

В разговор вступил Шейман:

– Президент уполномочил нас встретиться с вами и просил меня лично уверить, что на нашей территории проблем не будет. Все службы вышколены, и вы можете быть спокойны. Кстати, вы можете руководить всем отсюда. Создадим высшие условия. Тем более, вам у нас не привыкать, Беларусь, можно сказать, ваша Родина.

– Это уж точно, – согласился Бут. Страшно хочу в Витебске побывать. Люблю этот город. Есть в нем что-то...

Шейман хлопнул его по плечу:

– Нет проблем, можете жить в Витебске...

– Спасибо, – ответил Бут. – Но давайте перейдем к главному... Ради чего вы меня пригласили. Можете передать вашему, простите, нашему Президенту, что у вас тоже не будет проблем за пределами Беларуси. Схема нашего сотрудничества будет следующей, простите, я обрисую только общие очертания. Детали – дело долгое, многочасовое... Из Беларуси оружие будет отправляться в Словакию. Самолеты или мои, или «Трансавиаэкспорта». В зависимости от ситуации. Из Словакии, вы не удивляйтесь, ради бога – во Францию. Там на меня работает сын Миттерана Жак Кристофф Миттеран, советник по Африке. Из Франции оружие поступит в Анголу. Там правительство оплатит часть оружия нефтью. Этим будут заниматься знакомые вам Гайдамак и Леваев. Но самое главное не в этом... Часть оружия поступит в Буркину Фасо, часть в Сьерра-Леоне... Но главное не это. Главный наш клиент – УНИТА. Там за оружие мы получим камни. Очень хорошие. Такого качества алмазов нет в мире... Понимаете?

Все молча кивнули.

– Это, так сказать, скелет схемы... Все это обрстет отличным мясом – за каждым шагом схемы надежнейшие люди, высочайшие профессионалы в своем деле, подготовка документов, к которым не придерется никто. Словом, следы оружия невозможно будет найти.

– Мы обо всем доложим Президенту, – сказал Шейман.– Один вопрос... Когда можем начинать работу?

– Сегодня же, – ответил Бут. – Можно сказать, что начало положено... А если конкретно... Месяц на подготовку, через месяц заревут моторы...

Из отчета Ли Уолоски (Lee Wolosky) в подкомитет ООН «О нелегальных поставках вооружений и военного снаряжения в страны, где действует эмбарго на такие поставки»:

«Виктор Бут создал хорошо финансируемую, законспирированную международную сеть поставок оружия. Доход от этого предприятия может быть очень велик – только УНИТА сбывает за год алмазов на сумму более 150 миллионов долларов. Именно эти алмазы,

добываемые на контролируемых повстанцами копях, и являются основной валютой при поставках вооружений в Африку.

Картель Бута – это система, позволяющая поставлять оружие военизированным формированиям Анголы, Конго, Либерии, Сьерра-Леоне и обменивать в горячих точках Африки оружие на алмазы.

33-летний Виктор Бут ранее обвинялся «Интерполом» в создании грандиозной сети по продаже оружия в обход международных санкций. Его подозревают в поставках большого количества оружия и в Афганистан. По нашему мнению, полученные данные об организации Бута могут предоставить исключительно важные сведения о том, как поставлялось оружие террористическим группировкам, а также как действует международная сеть контрабанды оружия.

Виктор Бут, согласно нашим данным, родился в городе Душанбе в 1967 году, в советские времена был переводчиком в полку военно-транспортной авиации в Витебске. Сегодня он один из владельцев авиакомпании (зарегистрирована в свободной экономической зоне г.Шарджа, ОАЭ). В его авиакомпании находятся 60 грузовых самолетов АН советского производства. Бут сейчас имеет не менее семи паспортов, в том числе, на фамилии Бутов, Бут и Аминов. По нашим данным он имеет гражданство ОАЭ и постоянно проживает в Эмиратах. Сейчас находится на территории Республики Беларусь. Имеет тесные контакты с руководством РБ.

Бут активно использует либерийский регистрационный реестр, базируясь в аэропорту г. Шарджа, и контролирует целый ряд чартерных, грузовых и экспедиционных компаний. Известно, что либеральное, лицензионное и налоговое законодательство Либерии в течение многих лет способствует регистрации авиакомпаний, занимающихся незаконными перевозками грузов. Мы установили, что самолеты «AIRCESS LIBERIA» совершили 37 рейсов с оружием. Также мы установили, что во всех случаях компания Бута предоставляла контролирующим органам поддельные расписания полетов и фальшивые, так называемые «свидетельства о конечном пользователе» оружия. А в прошлом году владелец «обычной транспортной компании» Виктор Бут был замечен на военных заводах одной из восточноевропейских стран. Тогда же, в июле и в августе, два его самолета доставили четыре партии смертоносного груза в Либерию, откуда по нашим данным оружие и живая сила нелегально переправляются в районы конфликтов. «Летняя» партия состояла из военных вертолетов и зенитных систем, бронетранспортеров, пулеметов и почти миллиона единиц боеприпасов. Для нелегальной доставки такого объема вооружений один из компаньонов Бута создал фиктивную фирму в одной из «спокойных» стран. За оружие Бут получил необработанные алмазы, которые поставлялись в бельгийский город Алвес и белорусский город Гомель.

Бут активно использует свои самолеты для доставки оружия УНИТА. Наблюдатели ООН зарегистрировали посадку одного из самолетов компании на территорию УНИТА как минимум 10 раз в период между октябрём 1997 и январём 1998. Только последняя поставка военной техники с белорусских военных arsenалов боевикам УНИТА оценивается в 15 миллионов долларов. На эти деньги повстанцы получили средства противовоздушной обороны, 122 мм артиллерийские орудия, ПТУРСы, ЗРК и боеприпасы к минометам.

Между тем, появились новые подробности тех сомнительных операций, которые осуществлял Виктор Бут. Для нелегальной переброски оружия и боеприпасов в последнее время он использовал самолеты татарской авиакомпании «Аэростан», зарегистрированной в Казани. Эта компания специализируется на международной доставке крупногабаритных грузов на большие расстояния. Она работает более чем с 20 странами Европы, Азии, Африки. Самолеты компании неоднократно доставляли оружие из Беларуси.

По нашим последним данным Бут являлся основным поставщиком оружия и техники для сети Бен Ладена в Афганистане. В течение трех лет следователи пытались противостоять деятельности бывшего офицера белорусской армии. Согласно нашим данным, эта сеть способна оснастить самым совершенным оружием самые отсталые страны мира. Правая рука Бута – Сандживана Рупра...»

* * *

Стены резиденции в Крылове казались узкими. Бут метался по комнатам, не находя себе места. Таким его Шейман еще не видел.

– Что случилось? – спросил он, снимая плащ.

– Сандживана Рупра арестовали...

– Где? – спокойно спросил Шейман.

– Только что... В Бельгии... Сообщили мои люди.

– А что тебя волнует?

Бут поджал губы. Пробормотал:

– Много знает... Очень. И про «Аль-Каиду», и про поставки оружия в Афганистан до теракта 11 сентября... Камни шли с кенийских копеек, которыми владеет этот сраный кениец. Мне говорили, что подсели на него америкашки, что передал он ЦРУ информацию на меня... Я не верил.

Шейман подвинул ему чашку с кофе:

– Выпей, успокойся.

Спросил:

– А теперь веришь этой информации?

Бут махнул рукой:

– Верь, не верь, какая разница... Надо было его вовремя... Таких свидетелей не оставляют. Тем более черных.

– А тебе-то что волноваться? У нас тебе ничего не грозит. Будем работать, как работали.

* * *

Сандживана Рупра ввели в кабинет следователя.

– Итак, продолжим, – сказал следователь.– Что вам известно еще?

– Бут предоставлял самолеты талибам... Террористические организации Усамы бен Ладена использовали все возможные способы перевода финансов без услуг банков...

– Каким образом?

– Основной путь – нелегальная торговля алмазами. Бут участвовал в этом.

– Как долго он имел отношения с «Аль-Каидой»?

– Больше двух лет, – устало ответил Рупра. – Я все вам сказал... Большой информацией не владею.

– Куда поступали твои алмазы с твоей шахты?

– В Бельгию и Беларусь.

– Откуда поступало оружие для «Аль-Каиды»?

– Про все не знаю... Часть из Беларуси. Бут говорил, что шло оно через Болгарию и Турцию, кое-что через Пакистан и Филиппины...

– «Интерпол» выдал ордер на арест Бута. В ваших интересах и далее помогать следствию. Вам не известно где он находится?

Рупра пожал плечами:

– Не могу сказать. Может, в Эмиратах, может, в Беларуси... Последнее время он там часто бывал...

Следователя пронзил его жгучий взгляд.

– Что мне грозит? – спросил он.

Следователь ответил не сразу.

– Ты помог следствию... Это учтется... Но все равно... Отмывание денег, поддельные документы. Но это мелочь, по сравнению с тем, что ждет Бута...

«Алмазы – очень серьезная тема!»

«Мерседес» Урала Латыпова катил по вечерней Москве. Он любил этот город. Несмотря на толчею, множество машин, людей, ему здесь дышалось легко и вольно. Каждый уголок, дом связан с чем-то особым, хочется зайти в каждое кафе, выхватить билет в любой театр... А какое море мыслей, мнений. Когда-то его, обычного башкирского паренька, тащило сюда просто магнитом, а потом случилось желанное – направление и учеба в школе КГБ, завеса тайны, ощущение собственной значительности. Хорошо, что он сообразил тогда, что нельзя уезжать навсегда из этого города, надо как-то зацепиться, несмотря на все сложности...

Уезжал в Минск преподавать в высшую школу КГБ, а сумел сделать так, чтобы здесь остался надежный якорь. Сегодня ему, человеку, прошедшему путь от профессора школы КГБ, завкафедрой, до советника Президента, секретаря совбеза, есть что вспомнить. Он тогда и подумать не мог, что станет министром иностранных дел, а затем и руководителем администрации Лукашенко. На душе спокойно. В тихом, но престижном районе, квартира. Здесь жена. Она изредка приезжает в Минск, живет в резиденции в Дроздах, рядом с резиденцией Президента, но долго здесь выдержать не может, ей становится душно, она просит его отпустить ее в Москву, там она продлевает свои дни, а здесь сокращает. К тому же ей тяжело видеть его, мечущегося, нервного, она не узнаёт его, никогда не видела таким, на душе у нее камень. Еще ему спокойно, что дети учатся в Америке. Он понимает, что ходит по

лезвию бритвы, видит иногда прямое недоверие в глазах Лукашенко, как видит его все окружение. Он понимает, чем оно может закончиться для него. Кое для кого это недоверие стало трагическим...

Он часто бывает в Москве. И не только у жены или в театрах. Но и в Ясенево, центре разведки. Поставлена новая задача. В Белоруссии необходимо создать базы для отправки оружия в некоторые проблемные регионы. Он доложил Президенту, тот скосил на него глаз: «И теперь на них служишь?» И тут же захохотал: «Ну да ладно, все мы русские люди, хоть я белорус, а ты татарин! А что мы иметь с этого будем?»

– Это вопрос крайне конфиденциальный, вам все будет доложено. Но, поверьте, там люди проверенные, я их много лет знаю.

– Еще бы! – захохотал Лукашенко. – Я знаю, что ты в минской школе КГБ учил Патрушева и Иванова. Хороших учеников выпустил на путь истинный...

Сейчас у него должна состояться встреча. По теме близкой, которую они обсуждали с Президентом. Люди ждут его, мягко скажем, не совсем ординарные. До встречи и беседы он запросил все возможные досье. И вот, что выяснил для себя: «Л. Леваев, гражданин Израиля и России. Леваев превратился в крупнейшего „диамантера“ Израиля. Через свои СП он пропускает алмазов на сумму 1 миллиард долларов. Лишь небольшая их часть хранилась в России, что являлось официальной „крышей“ для основной деятельности – вывоза драгоценного сырья под видом „давальческого“ в Израиль. Благодаря усилиям Леваева и его работодателей в России, российский алмазный запас переместился на „землю обетованную“ и даже вывел Израиль на первые строчки в списке экспортеров необработанных алмазов, отодвинув вниз некоторые добывающие страны.»

«Интересный паренек, – подумал Латыпов. – Очень быстро сориентировался, понимая, что запасы Гохрана будут вскоре исчерпаны, постарался стать одним из клиентов алмазодобывающей компании „Алроса“, которая производила 99% российских алмазов». Он точно знал, что практически все СП Леваева были переведены на довольствие «Алроса». Леваев пошел дальше. Он сделал все, чтобы захватить рудники. Он стал первым в мире диамантером, который стал рекламировать свою фирму «ЛЛД Даймонд» как единственного в мире производителя бриллиантов, имеющего собственные рудники».

– М-мда, – подумал Латыпов. – За одну встречу с таким многие дают... Леваев проник в Пермскую область, стал работать на россыпях «Уралалмаз» открытых еще в позапрошлом веке. Вторая крупная партия камней досталась Леваеву в Анголе. Он точно знал, благодаря тогдашнему замсекретаря Совбеза России. Березовский сделал звонки в российское посольство в Луанде и в приказном порядке посоветовал его сотрудникам лоббировать интересы Леваева в Анголе. За 25 миллионов долларов Леваев стал совладельцем ГРО «Катока», которое за один год произвело алмазов более, чем на 120 миллионов долларов. Это в три раза превышало проектную мощность.

И тут на Леваева наехали. Еще бы не наехать?! Стал занижать стоимость добытых кристаллов, сократил выплаты работникам, от жадности стал хапать алмазы на «черном» рынке...

Латыпову становилось все жарче. Хотелось развернуть «мерседес» и оказаться в теплой постели желанной жены. Но поворота назад нет. С него потребуют жесткий отчет. А тема такая, не дай бог что...

В доме на улице Косыгина ждет его еще один «герой», Аркадий Гайдамак, уроженец Бердичева, ныне гражданин Франции, тот самый, которому Леваев после потери контроля над ГРО «Катока» передал 15% акций компании «Африка Израиль Инвестментс», которую он приобрел в 1996 году. В тот самый год, когда вывоз гохрановских алмазов достиг пика,

бывшие совграждане так поработали во властных структурах Анголы, что под контролем оказалась не только «Катока», но и вся алмазодобыча страны. Сбытом драгоценного сырья на сумму в 700 миллионов долларов стала заниматься не госкомпания «Эндиама», а СП «Аскорп», где главными соучредителями стали Леваев и Гайдамак. А компания «Апроса» стала рядовым подрядчиком.

«Гвозди бы делать из этих ребят», – невесело подумал Латыпов.

На улице Косыгина должен был ждать еще один собеседник – Леонид Минин, друг Шеймана, трижды судимый, один из главных поставщиков необработанных алмазов.

* * *

Березовский попросил Лукашенко направить на встречу с Леваевым и Гайдамаком именно его, Латыпова. Латыпов понимал почему... Не утаит информацию, никуда не влезет, честный перед ним до конца, – так думал о нем Лукашенко. Березовский подспудно доверял ему как коллеге, совбезовцу и восточному человеку, умеющему держать язык за зубами. Латыпов не задавал себе вопрос, зачем алмазным королям Беларусь. Все было и так ясно. Он вспоминал, какая нервная спешка наблюдалась при строительстве недалеко от Гомеля новых цехов по обработке алмазов. Люди недоумевали: есть же уже алмазный завод, зачем новый? Но он-то понимал зачем. Туда никто нос не сунет, не будет контролировать ни количество выпускаемой продукции, ни качество, ни поступления сырья... «Гомель-ротон» заработал через три месяца, а должен был запуститься через год. Японская оперативность... Даже выше!

...В небольшом особняке он оказался наедине с людьми, которые представились Леваевым и Гайдамаком.

– Нам приятно познакомиться с вами, – сказал Леваев. – Борис Абрамович высочайшего мнения о вас. Сказал что в такой стране, как Беларусь, вы самая светлая голова.

Латыпов улыбнулся:

– Он имел в виду – самая светлая после Президента.

– Разумеется. Но давайте перейдем к делу. Вы человек занятой, мы тоже. Через несколько дней самолеты разнесут нас по разным точкам планеты, но мы всегда должны быть рядом... «Кроме того, что вор, еще и литератор,» – подумал Латыпов.

– Вы понимаете, что алмазы очень серьезная тема, – Леваев перешел на более лаконичный язык. – Быть может, самая серьезная тема. Мы давно работаем в ней...

– Увязли, как говорится, по самые уши...

– Установлен жесткий контроль за бриллиантовым бизнесом, есть резолюция ООН о создании международной сертификации необработанных камней. А чем эти камни отличаются от угля? Ничем. Только дороже. Бизнес есть бизнес. Ничем его не ограничишь. Вы согласны?

Латыпов ничего не ответил.

– Там, где мы работаем, люди воют. Им нечем рассчитывать, кроме алмазов. А их как грязи... Не продавать же им своих детей за оружие.

Он замолчал.

– Не хочу вас насторожить... У вас есть отличный завод. У нас есть сырье, которого вам не увидеть ни из России, ни из Израиля, ниоткуда... Мы сами будем доставлять сырье. У нас есть возможности, техника. Мы сами продадим готовые бриллианты... У нас есть общие знакомые в Ясенево.

Латыпов никак не прореагировал на это.

– Мне поручено узнать условия. Сами понимаете, кем.

* * *

И все-таки непростой мужичок, этот Лукашенко. Недавно по глухой деревне лужи ботами вспахивал, а теперь со всего, даже с такой грязной темы, свое иметь хочет... Неужели ему мало? Даже его, разведчика с немалым стажем, этот вопрос поставил в тупик.

– Ваша третья часть.

– Кем будет доставляться сырье?

– Самолетами... Кстати, фамилия Бут вам знакома? Между прочим, белорус из Витебска.

Тут Латыпов рассмеялся:

– Если уж у нас общие знакомые в Ясенево, то мне еще знаком и Аминов, и Бутов, и Бадд, и Буланин... А это все – Виктор Бут, бывший офицер военно-транспортной авиации в Витебске.

Гайдамак развел руками:

– Что тут скажешь, приятно иметь дело с осведомленным человеком. Так вот, этот обладатель многих фамилий и нескольких транспортных компаний в разных концах света – человек неоченимый...

– Но есть и другой путь, он тоже отработан. Диппочта.

– Надеюсь, вы прибудете в Минск, и мы все детально обсудим: Пока же я доложу Президенту, что мы в принципе договорились.

Леваев поднялся из-за стола:

– Вы уж извините, Урал Рамдракович, у меня сугубо личный вопрос. Вы только не обижайтесь...

– Да что вы, ради бога...

– Неужели он такой му...к, каким выглядит на экранах телевизора?

Леваев прервал его:

– Ты не о том. Может ли он дать гарантии? Вот что главное...

– Вы спросите у него об этом лично, – уклончиво ответил Латыпов.

Его «мерседес» гнал по ночной Москве. Саквояж в машине, он должен быть на вокзале. Нет... Только не в Минск. К жене!

«Вы арестованы! Интерпол!»

Солнце пробивалось через плотные шторы римских апартаментов. Его лучи высветили комнату со старинными нишами, потертыми комодами и элементами современного дизайна. Когда к нему приехали гости, они сказали:

– Все прилично... Но ты?! Мы тебя не представляли здесь.

Минин усмехнулся:

– Думали вилла на берегу, да вы знаете, сколько стоит это дерьмо в Риме... А если там, где я бываю и живу иметь виллу, нужно быть шейхом Бахрейна.

В этих апартаментах, которые не может себе позволить депутат парламента или даже председатель, ему хорошо, он почему-то любит старину. Какие-то придурки выдумали, что у человека несколько жизней. Может, он и был итальянцем или даже римлянином, которые правда к макаронникам никакого отношения не имели, а были великой нацией, и он где-то жил здесь, неподалеку, любовался всем этим и вот теперь нашел родные места.

Раздался телефонный звонок, он поднял трубку и услышал:

– Здравствуйте. Все остается в силе.

Ответил:

– Конечно, остается. Кафе не перепутаете? Вы там уже раз ели спагетти... Мы вместе встречались.

Он почти злорадствовал. Он это быдло, колхозников, не переносил. Вам только там и жрать, как жрал он возле параша, а тут, на тебе, возомнили себя господами. Ну да, ничего не поделаешь, будем работать, хорошо работать, в Европе появился новый отстойник с голодными людьми, для которых спагетти почище икры...

Не так давно Шейман, когда он был в Минске, сказал:

– Я понимаю твое отношение... И всех, тебе подобных.

– Что значит подобных?

Шейман покривился в усы:

– Когда я был в Афгане, ты был здесь... Ну да ладно, тебя мне Марчук порекомендовал, секретарь совбеза Украины. Так вот, давай, работаем и безо всяческих... Как бы сказать, делений на классы. Мол, я дерьмо, а ты высшее существо, или, наоборот, по причине, что хлеб разный жрем.

Он посмотрел на него сперва с ненавистью, а потом почувствовал, как ненависть переходит в нечто иное... С ними надо работать, этот райский уголок остался может быть предпоследним или последним на земле.

Минин вскочил с широченной постели. Эта сучка даже не шевельнулась. Наша сразу спросила бы: «Куда ты, милый?» – как изображают в советском кино. Сейчас прибудет курьер

из белорусского посольства. Ради такой встречи прибыл даже замминистра, который за все отвечает, но его он увидит потом, после всего, когда все завершится.

Минин сунул голову под кран с прохладной водой (видели бы эту сцену его коллеги!), обтерся, открыл сейф.

Взял в руки кейс. С виду обычный, стального цвета кожа, замки, правда, стальная цепочка на ручке с едва видимой защелкой.

Кафе совсем рядом. Он защелкнул цепочку на своей руке. Хотя это и не требуется. Внизу человек. Он ждет и все доставит до места назначения. У него просто такая реакция. Реакция человека, которому самому приводилось доставлять грузы.

Он глянул на себя в зеркало и рассмеялся, ну сущий дебил, или перепил он слегка с этой красоткой.

Но что это? Грохот в дверь:

– Откройте, будем стрелять...

По-итальянски он, слава богу, понимал. Глянул в окно. Пятый этаж, внизу карабинеры. За дверь – тоже они. Он швырнул кейс в сейф, замаскировал его.

– Что случилось? – спросила хозяйка постели. Сейчас уже эта тварь проснулась.

Он подошел к дверям. Влетели карабинеры, поставили к стенке, как в старых фильмах, заломали руки...

К нему подошел человек и на чистейшем русском языке сказал:

– Доброе утро, господин Минин, вы арестованы.

Он протянул книжку: «Интерпол».

Через несколько минут у Леонида Минина было изъято необработанных бриллиантов на один миллион долларов.

Недалеко, вблизи дешевого кафе, стояла машина с дипломатическими номерами белорусского посольства. Ждали Минина. Его не было. Мимо промчалось несколько черных полицейских машин. Как раз из арки, где он снимал апартаменты.

– Срочно отсюда, – скомандовал человек водителю. – Ты, может, еще и останешься в этом раю. А мне крышка... Домой, к батьке или дальше...

«Если бы ты знала, сколько у меня денег!»

Он несколько раз взмахнул руками перед своим лицом. Какое-то странное, страшное изображение... Это ни глаза, ни оскал, это та же стена мрака, вдруг меняющая свои очертания, приобретающая невиданные ранее формы. Рожа свиньи с разинутой пастью, извивающаяся змея, одноглазое чудовище, шипящее, рыкающее...

Он вырывается из своего мучительного сна. Падает на что-то горячее, большое... Он куда-то

бросается в сторону, ему хочется включить свет, тело вдруг становится окаменевшим... Нет, это не тело, это холодная, почти ледяная стена, кто-то прижал его к ней. Вокруг мертвая тишина. Его начинает трясти, слезы текут по лицу, тело бросает в конвульсии...

И вдруг то ли голос, то ли стон:

– Где ты, что с тобой, Сашенька?

Он постепенно приходит в себя, видит, как медленно, но явственно появляется свет. Он вдруг видит Иру на постели, она полусонным взглядом рассматривает его, голого, прижавшегося к стене.

– Ложись, ложись, все хорошо...

Он припадает к ее груди, слышит, как его сердце вырывается наружу, беснуется. Голова скована металлическими путами.

Говорит:

– Хорошо, что ты здесь сегодня, мне плохо, очень плохо, мне страшно...

Он начинает рыдать и целовать ее всю. Она как-то неожиданно отстранилась от него, поднялась с постели.

– Тебе нужно выпить лекарство, я сделаю укол... Все будет хорошо, только успокойся.

Его зубы колотятся о стакан. Как горько... Что это она дает? Игла впивается в задницу и заставляет тело вздрогнуть. Мокрая испарина, он стирает ее, а пот застилает глаза, льется по всему телу...

– Ты выглядишь лучше... Уже не такой бледный, – говорит она.

– Нет, надо выйти, послушай меня, давай выйдем на улицу...

– Разбудим охрану, – вяло возразила она.

– Охрана не спит, собаки не спят. Захочешь, никто не будет спать...

Она провела ладонью по его голове.

– Успокойся... Тебе лучше?

– Мне отлично...

Он вскочил с постели. Хрипло почти прокричал:

– У меня подарок, подарок для тебя... Что б я без тебя делал?

Он выбежал из спальни, долго где-то копошился, потом вернулся с сияющим лицом и красными зрачками.

– Вот, смотри...

Он выложил перед ней три коробки. В этот момент она полностью проснулась, как-то по-особому взглянула на него.

– Что это?

– А ты посмотри!

Он забегал по комнате.

Она раскрыла коробочки. Сверкающие камни в матовом металлическом обрамлении – кольцо, сережки, кольцо... От них в полуосвещенной спальне исходил какой-то особый, холодный, неземной свет. Казалось, комната освещается все больше и больше. Таинственные блики, казалось, поползли по стенам.

– Неужели бриллианты, настоящие? – вздрогнула она.

– А какие еще...

– Так это ж целое богатство.

Лукашенко торжественно произнес:

– Оно самое.

– А на какие деньги?

Он нервно рассмеялся:

– Ты что не знаешь? У меня целый бриллиантовый завод под Гомелем?

– Как это у меня? Твой личный?

– Личный не личный, а сырье туда почти что мое личное поступает. Если бы ты знала, сколько у меня денег. Они могут принадлежать тебе.

Она бросилась ему в объятия:

– Таких подарков мне еще никто не дарил... Как я благодарна тебе, ты представить не можешь.

Он вдруг без всяких слов грубо завалил ее. Притянув к себе, прохрипел:

– Это еще не все. Я решил сделать твою маму министром здравоохранения. Уйдет на пенсию, ты заменишь ее.

Не владея собой, он рванул тонкое кружевное белье. Поддавшись ему, она вздрогнула от мысли: «А если опять приступ?!»

«Президент лично договорился с Каддафи...»

Урал Латыпов был не в себе. Во всех своих действиях он привык наблюдать логическую цепь событий. К этому приучила его практическая деятельность разведчика, а потом, так получилось, и теоретическая. Когда защитил одну диссертацию, вторую, стал профессором... А тут чистейшее любительство, замешанное на непродуманном авантюризме... Хотя, какой авантюризм может быть продуманным. Быть может, и у него под влиянием некоторых людей крыша поехала.

В Москве во время недавней поездки, один человек, с которым он не посмел встречаться в высоком кабинете, сказал ему:

– Смотри, ваши ребята переигрывают, совсем распоясались. Им бросаешь кость, а они выхватывают полтуловища, не задумываясь над тем, чем это чревато...

Перед ним возник Президент «Инфобанка» Шевцов.

Именно ему поручалось по требованию Шеймана вернуть деньги после долгой и сложной цепочки продажи оружия.

– Вы все хорошо представляете? – спросил Латыпов Шевцова. – Понимаете ли вы, как все сложно?

– Если бы не понимал, то не сидел бы сейчас перед вами, Урал Рамдракович. Работаем через «Белметаллэнерго» и швейцарскую компанию «Капитал энд бизнес менеджмент интернейшнл ИСА»...

Латыпов прервал его:

– Позвольте, это та самая, которую контролирует наш генерал Чернов?

– Именно та самая... Разработана нормальная схема... Все средства от продажи оружия аккумулируются в этой компании, а затем переводятся на оффшорные зоны острова Мэн и некоторых других. Это те оффшорные зоны, куда никто не протянул руки. Вы понимаете, кого я имею в виду?

– М-да, острова нынче не в моде, – произнес Латыпов и, взяв у Шевцова бумажку из записного блокнота, прочел: «Мэн. BALTIMORALS LTD, остров Джэрсси (LIEDOR), Вирджинские острова (SILVERTEX)».

Сказал:

– Вы знаете, это ни о чем не говорит... Но если берете ответственность на себя, ладно. Только пойми те, какая это ответственность и чем может закончиться для вас провал.

Шевцов провел платком по толстому лицу:

– Понимаю, Урал Рамдракович. Благодарю за доверие... Латыпов не обратил на его слова никакого внимания.

– Через некоторое время, к тому же очень короткое, наша правительственная делегация отправится в Ливию. Президент лично договорился об этом с Каддафи. Вы будете включены в нее.

– Еще раз благодарю, Урал Рамдракович – сказал Шевцов и вышел из кабинета.

«Мы отправим Саддаму запчасти к ракетам...»

Заметалин нервничал. Через несколько часов вылет в Багдад, а он топчется в приемной Президента.

«Президент занят, еще не освободился, сказал подождать несколько минут»...

Что за чертовщина? Заметалин чувствовал на себе насмешливый взгляд дежурного. Или ему

кажется, что взгляд насмешливый? Он, человек, которого называют крестным отцом белорусско-иракского сотрудничества, человек, с которым больше всех встречался сам Саддам Хуссейн, быть может, исключая Примакова, топчется у собственного Президента в приемной и не может получить у него последние напутствия! Кем он уже только не был при Президенте? Замглавы администрации, вице-премьером по социальным вопросам, из каких только кабинетов его не переводили в другие, он отвечал за Ирак. Только за Ирак. А на совещаниях выглядел дурачком: «Владимир Петрович, почему пенсии в Могилевской области не выплачены?» Что тут ответишь, когда на нем такой груз, он о нем знает, Президент знает, а все лохи смотрят и смакуют, как об него ноги вытирают... Что будет сейчас? Начнет спрашивать об экономическом сотрудничестве, о проблемах отношений. В глазах неподдельная заинтересованность, государственные дела... Сам прекрасно знает, что МАЗ, МТЗ и другие наши предприятия напрямую с Ираком не работают. Он, Заметалин, нашел отличных посредников – «Лада ОМС», правда, во главе со скользким типом Вагановым, создавшим свой РРБ банк за общаковые деньги, и «Белметаллэнерго»... А какого хрена ему смотреть на раздутого от бабла Ваганова в «Белметаллэнерго», сын его заправляет... Без этих контор не обойтись. Все контракты с Ираком должны проходить процедуру утверждения в Совете безопасности ООН. Батяка кричит: «Ты отвечаешь, а на этот Совет безопасности я болт забил!» Что ему объяснишь, когда человек в отдельно взятой стране не просто хозяин?

– Проходите, Владимир Петрович. Президент вас ждет.

Ему хотелось ответить по-одесски:

– Спасибо Вам от нашего...

Он промолчал и вошел в кабинет Лукашенко.

– Когда улетаешь? – спросил Президент.

– Через час, – коротко ответил Заметалин.

– Тогда коротко... Кто примет?

– Саддам, – ответил Заметалин, – и, как обычно, Азиз.

– Все продумал?

– Все. Ваганов представил проект реконструкции стекольного завода в Рамади.

– На х... мне твой Ваганов. Всем жопу лизал и лижет. Что за проект?

– Мы, мол, реконструируем завод в Рамади на сумму в 300 миллионов долларов. «Белметаллэнерго» заключит контракт на закупку в Ираке 1,5 миллиона баррелей нефти...

– Самолет через час, а ты непонятно о чем. Давай о главном!

– Мы отправим Саддаму запчасти к ракетам СА-3. Дадим специалистов. Без них авиацию США не атаковать... Им нужны наши тягачи. Мы им продадим без платформ – платформы отдельно.

Лукашенко махнул рукой:

– Лети. Только там поосторожнее. Мне Максимыч звонил. Говорит, твой Заметалин очень уж борзый. На него «Росвооружение» вышло. Говорят, Заметалин ведет переговоры с Иракским Генштабом, как с собственной мамой. Поспокойнее... Ты там не только наши интересы должен соблюдать...

Из доклада комитета обороны Конгресса США.

Белоруссия при власти А.Г. Лукашенко – крупнейший поставщик оружия в экстремистские государства. Белоруссия продает оружие арабским террористическим организациям.

Израильская разведка установила факты поставки Ираку и Ливии компонентов для ядерного оружия. Ираку Белоруссия продала ракеты SA-3, российские ракеты «Стрела», а также оптические системы для зенитных орудий. В Анголу были поставлены танки и системы управления огнем «Смерч», Судану — ракетные системы «Град», танки Т-55, вертолеты МИ-24-В. Противотанковыми гранатометами, минами и автоматическим оружием Белоруссия обеспечивала албанцев в Македонии и сербов.

Продавая оружие террористам, Белоруссия грубо нарушает свои международные обязательства. Лукашенко несет ответственность за акты террора в Израиле и за репрессии разных режимов против своих народов (например, в Ираке).

В соответствии с выводами Стокгольмского института мировых исследований (SIPR), в 1997-2000 гг. режим Лукашенко заработал на нелегальных поставках оружия более чем 2 млрд. долларов США.

Деньги ушли на тайные банковские счета Лукашенко и его чиновников, открытые в налоговых «ряях», а также на счета Президентского закрытого фонда. Деньги, полученные за оружие, отмывались через десятки фирм и финансовых институтов Югославии, Франции, Кипра, России, Белоруссии, Англии, Бельгии, Польши и т.д.

С разрешения Лукашенко белорусский КГБ создал сеть фирм и банков, которые не только торгуют оружием и «отмывают» деньги, но и поставляют в разные страны товары, обмен которыми отслеживается международными организациями.

В эту сеть втянуты частные и государственные предприятия, семьи и близкие чиновники одиозных режимов, таких как Милошевич и Хуссейн, а также бывшие и нынешние агенты и руководители спецслужб. Во всех операциях, связанных с продажей вооружений, фигурирует «Инфобанк» (дир. Шевцов), который является частью холдинга банковских услуг «Infogroup». «Инфобанк» играет роль координатора и контролера за всеми «грязными» сделками.

Главным посредником при переводах капиталов, полученных в результате нелегальных сделок, является «Белметаллэнерго» —фирма, в которой работают дети и родственники высших должностных лиц РБ, а также фирма «Capital and Business Management SA» (штаб-квартира в Вене). По имеющимся данным деньги с указанных фирм «путешествуют» по счетам более чем десятка банков на Кайманах, остров Мен и Джерси, Виргинские острова. Затем они переводятся на заграничные представительства белорусских фирм (т.е. получают фиктивные поручения на различные услуги и товары, а потом на их счета приходит оплата за реализацию этих поручений). Большинство таких фирм – т. н. «однодневки», которые не ведут никакой хозяйственной деятельности. В процессе некоторых сделок (документация имеется) «Capital and Business» переводила деньги для «отмывания» непосредственно белорусским фирмам в разные страны, например: в Польшу, Венгрию, Словакию, Бельгию. Позже эти фирмы переводили деньги в Белоруссию (на счета «Белспец-внештехники» и «Белтехэкспорта»). «Отмытые» деньги легально размещались на счетах «Capital'a», а также дочерних фирм «Baltimorals Ltd», «Ledor» и «Silververtex», которые находятся в оффшорных зонах.

После многократных международных переводов практически невозможно выяснить происхождение «отмытых» денег. Тем более, что белорусские фирмы не «отмывают» за один раз большие суммы, чтобы не вызвать интерес к таким переводам финансовой полиции.

Важнейшая фирма; которая поставляет оружие, «Белспецвнештехника» (поставляет в Анголу, Эфиопию, Судан, Китай и Вьетнам).

Вторая – «Белтехэкспорт» – в Ливию – бронемашин, системы противовоздушной обороны, ночного видения и 300 групп оружия, которое продается через эти две фирмы в страны, где введено эмбарго, грузятся на «Русланы». С этой целью самолеты взяты на Украине в т. н. лизинг и транспортируются в приграничные с местом потребления оружия страны. Самолеты стартуют с военных аэродромов в Мачулищах (Белоруссия). Склад белорусского оружия, которое перебрасывается в Африку, находится в Судане, где «Белтехэкспорт» имеет свою собственную базу и грузовики. Часть вооружений доставляется с баз в Судане самолетами Виктора Бута...».

* * *

Заметалин готовился к докладу у Лукашенко. Как бы ни суежились его недоброжелатели и прямые враги, тема ему досталась самая главная и никто ее у него не заберет... Пускай там Козик возглавляет комиссию по двустороннему сотрудничеству с Ираком, но все секретные переговоры с вице-премьером и министром оборонной промышленности Ирака Абделем Хуэйши ведет он, Заметалин. Недавно вернулся из Ирака. Имел длительную встречу с Саддамом Хусейном.

– Хорошо иметь дело с надежными людьми, а ваш Президент именно такой человек. Восток ценит его... Будем сотрудничать и дальше, а о том, что не получилось, – забудем...

Саддам явно имел в виду провал в тендере на строительство в Ираке теплоэлектростанции. Нашу, белорусскую сторону представляло ОАО «Белэнергострой». Среди его учредителей, Заметалин знал это точно, были коммерческие структуры, связанные с крупным российским капиталом. Контракт оценивался в 740 миллионов долларов. И вдруг провал... Тендер выиграли китайцы. Был сорван визит в Багдад Лукашенко.

Но давние тучи в отношениях давно развеяны. И во многом благодаря именно ему, Заметалину... Еще в первый свой визит в Ирак дочерняя фирма «Инфобанк» «Белметаллэнерго» получила квоту на продажу нефти в рамках ооновской программы... До этого он как вице-премьер послал письмо-рекомендацию о том, что все контракты с Ираком необходимо вести через «Белметаллэнерго»... Многие, особенно на МАЗе стали возникать, мол, работаем через «Автоэкспорт», получил через них хороший контракт на продажу Ираку 50 автопоездов-зерновозов по цене 121 тысяча за каждый. Специалисты уже разработали конструкцию машины, все было согласовано... А тут как снег на голову Шевцов, «Инфобанк», «Белметаллэнерго»... Что он мог им объяснить тогда? Сказать, что будут заключены контракты двойного, военного и гражданского назначения... Именно так они договорились с Абделем Хуэйши... В те дни говорил Президенту:

– Сопротивляются... Не хотят работать с «Белметаллэнерго»...

– А ты не письма рекомендательные рассылай, пожестче действуй, пожестче. От моего имени! Схему продумал?

– И «Инфобанк» и «Белметаллэнерго» будут оформлять контракты через компанию «Копитэл энд бизнес и менеджмент ИСА», счет в Цюрихе, хозяин наш человек. Уже готовы все контракты на поставку МАЗов. Именно от имени этой фирмы...

– Дальше, дальше...

– Весь смысл в том, что работает наша, белорусская фирма, а контракты заключаются от имени другой. «Копитэл» получит все льготы, которые распространяются на экспортные контракты. Мы уходим от НДС... И налогов не платим. Вырученная сумма идет не сюда, в Беларусь, а к нам, в Цюрих... И «Ладу ОМС» из Ирака не выгоняй. Не надо Ваганова обижать...

– Действуй. А что там с нефтью?

– Как эксклюзивный поставщик на иракский рынок, «Белметаллэнерго» получит квоту на нефть... Полученную нефть будем продавать через западную фирму. Она и получит и свои, и наши деньги... Я договорился с Саддамом. Квоту нам дадут по более низкой цене. На мировом рынке цена нефти более высокая. Разница наша...

– Полностью закрепляешься за Ираком. Головой за все отвечаешь. Плюнь на свою идеологию в Совмине. Толку от нее. И чаще, чаще туда летай.

Вскоре «Белметаллэнерго» получила в свое распоряжение 1,5 миллиона баррелей иракской нефти стоимостью около 100 миллионов долларов. Ясно, что на приобретение такого количества нефти, компания денег не имела. По договору вместо нефти компания поставляла Ираку 1000 тракторов «Беларусь». Но трактора бесследно исчезли. Впоследствии они были обнаружены в Объединенных Арабских Эмиратах в российской компании, контролируемой Бутом. Тракторы фигурировали как прикрытия для получения разрешения ООН на продажу иракской нефти в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие». Лично Лукашенко прибыл в то время на встречу с тракторостроителями и вынудил руководство завода отправить трактора... А расчет с Ираком за нефть произвели своевременно – ракеты СА-3 «Стрела», компоненты для ядерного оружия, огромное количество цианидов, другие отравляющие вещества...

* * *

Он вошел в кабинет Лукашенко. Положил перед собой объемную папку.

– Вам огромный привет от Саддама Хуссейна. Он подчеркнул, что вы надежный человек. Восток высоко ценит вас. Рад нашему растущему сотрудничеству, благодарил за товары двойного назначения. Особенно за тягачи. Из них получают отличные стартовые площадки для ракет... Попросил оборудование для стеклозавода в Рамази. Эти наши приборы идут на изготовление оружия...

Лукашенко молча слушал его, думал, что куратор Ирака из Заметалина получился отличный. Намного лучше, чем идеолог.

– Но есть одна проблема. Они ставят вопрос о прямых поставках оружия.

– Как мы это сделаем? Гнать транспортные самолеты... Все сразу все поймут. И так шум идет по теме Беларусь-Ирак...

Заметалин успокоил Президента.

– Я все продумал... Организуем рейсы в Ирак самолетов «Белавиа». ТУ-154 способен поднять на борт 160 пассажиров... Полетят, ну пускай человек 15, а взамен пассажиров несколько тонн грузов... В багаж ном отделении... Технические характеристики самолета предусматривают возможность перевозки грузов в салоне. В этом случае из салона убираются кресла... Досматриваться самолеты будут в Минске и Багдаде.

– Согласен, действуй, – сказал Лукашенко.

И он начал действовать. В декабре 2000 года был совершен первый прямой авиарейс Минск-Багдад. С тех пор самолеты «Белавиа» стали летать в Багдад раз в два-три месяца... А сейчас количество их еще увеличилось, летают почти каждый месяц. На каждый полет требуется получить санкцию в Совете безопасности ООН... Но полеты в Багдад проходят по категории в... бизнес-рейсов. Это тоже его, Заметалина, изобретение...

После одного полета в Ирак, особенно удачного, Лукашенко долго благодарил его. А потом, наигравшись в хоккей в Москве, Лукашенко снисходительно сказал, что если России трудно будет дать обещанный кредит в 100 миллионов долларов, то и не надо. А через несколько дней валютные закрома Нацбанка непонятно каким образом увеличились. Прокопович заявил об этом официально. В Кремле удивились: откуда, ведь Москва кредита Беларуси не давала...

Только самые приближенные к группировке люди знали об источниках такого неожиданного пополнения. В самолете, который прибыл чартерным рейсом из Багдада в Минск, помимо членов межправительственной комиссии Козика в багажном отделении находились несколько тяжелых контейнеров. Опытные грузчики, видевшие разные «чартеры», сразу определили, что в контейнерах драгметаллы.

* * *

От волнения пересыхало в горле. Пока эти ребята во властных кабинетах, его банк на взлете. Под видом этих заказов, можно делать свои, не менее крупные дела. Ни одна сука не посмеет насрать проверку. Главное, сработать для них... А если что? Так быстро они, по всей видимости, не рухнут, а если будут для этого предзнаменования, он знает, что делать...

Шевцов не мог знать истинной цели визита делегации в Ливию, куда он был включен, можно сказать, по высочайшему велению... Руководителю «Белтехэк-порта», головной белорусской фирмы, занимающейся продажей оружия начиная со времен Кебича, было поручено найти место, откуда Виктор Бут будет развозить оружие заказчикам. Таким местом был определен Судан, который в то время находился под контролем террористических группировок «Аль-Каида» под руководством Бен Ладена. Попасть туда без помощи Каддафи было невозможно. Лукашенко лично созвонился с ним и договорился о направлении правительственной делегации Беларуси в Ливию.

Латыпов размышлял о составе делегации. Ясно, что не обойтись без «Белтехэкспорта» и этого проходимца Пефтиева. Он вспоминал, как Лукашенко приказал его немедленно арестовать, и Пефтиев сидел очень долго в своем доме в Америке, а когда «батька» поостыл к нему, приблизился и торчал в Германии, а когда Лукашенко сказал: «Ладно, зовите, он нужен!», Пефтиев был в Минске ровно через сутки... «Белметаллэнерго»... Пускай едут. Заметалин, быть может, думает, что он не в курсе, не знает, кто на самом деле управляет на этой фирме... Пускай тешится, придет время – и счет будет предъявлен. Латыпов знал, что эта дочерняя фирма «Инфобанка» получила в свое распоряжение 1,5 миллиона баррелей иракской нефти стоимостью около 100 миллионов долларов США. К этому времени Заметалин вместе с Бутом умудрились в обход санкций ООН поставить Ираку ракеты СА-3 «Стрела», компонентов для ядерного оружия, огромное количество цианидов и других отравляющих веществ. Всем было ясно, что для приобретения такого количества нефти «Белметаллэнерго» денег не имело. Заметалин в эти дни метался по мыслимым и немыслимым кабинетам. Вроде бы фирмой управлял его сын, но всем было ясно, кто стоит за всем этим на самом деле. Это благодаря ему в договоре было зафиксировано, что вместо нефти, компания поставит Ираку 1000 тракторов «Беларусь». Их отгрузили, и трактора

бесследно исчезли. Уж он-то, Латыпов, точно знал, где они обнаружатся... И точно, в Арабских Эмиратах, по месту проживания Бута. Понятно почему. Трактора фигурировали как прикрытие для получения разрешения ООН на продажу иракской нефти...

Брать ли с собой Заметалина в Ливию? Как бы не было ему неприятно, но придется включить в состав делегации. Он позвал к себе Заметалина.

Сказал:

– Давно, Владимир Петрович, не были в своем родном регионе.

– Вы что имеете в виду, Урал Рамдракович?

– Не место вашего рождения, поверьте. Формируется делегация в Ливию. Президент поручил мне ею руководить и подобрать состав. Я думаю, без вас не обойтись.

Заметалин хотел ответить: «Правильно думаете», – но промолчал. Вместо этого он сказал:

– Я недавно имел контакты с ливийской стороной. На модернизацию установок «Град» Каддафи решил выделить 50 миллионов долларов. Это очень много, если учесть, что установок 300.

«Отличная осведомленность», – подумал Латыпов, а вслух сказал:

– Это и есть главная цель переговоров. Была и еще одна... На первый взгляд мелочь. Было принято решение о продаже ливийцам 35 процентов «Инфобанка». Цель тоже ясна – дать им возможность отмыть свою долю теневого оружейного бизнеса. Он не сомневается, что Заметалин знает об этом. Ну да плевать...

– Вы включены в делегацию, Владимир Петрович.

– Очень признателен, Урал Рамдракович...

Управление военной контрразведки КГБ Беларуси

Управление военной контрразведки КГБ Беларуси

14 декабря 1999 г. № 040/1090 гор. Минск

От наших источников в Министерстве обороны Беларуси стало известно о подробностях деятельности предприятия «Белтехэкспорт» (генеральный директор Пейтиев В.П.), специализирующемся на продаже вооружений и техники военного ведомства. Указанная коммерческая структура создана в январе 1993 года совместным белорусско-австрийским предприятием «СЕН», Белорусским оптико-механическим заводом и аналитическим центром Министерства обороны. Фактическим владельцем «Белтехэкспорта» является СП «СЕН», единственно внесшее в Уставной фонд около 8 млн. рублей. Таким образом, в продаже белорусского оружия формально участвует и совладелец «СЕНа» австрийская фирма «Нордекс» (Г.Лучанский), в отношении которой возбуждено уголовное дело российскими правоохранительными органами по факту хищения 15 млн. долларов США.

«Белтехэкспорту» были созданы исключительно благоприятные условия функционирования. В настоящее время наиболее крупные контракты заключаются названной фирмой, причем большинство продаваемого вооружения не входит в списки техники, подлежащей реализации. Возможно, это случайность, но сразу же после образования коммерческой структуры МО прикомандировало к нему четырех старших офицеров: один из которых, майор Ботяновский С. Л., состоит в родственных отношениях с одним из руководителей СМ РБ, второй – Шейда В.Н. – до прикомандирования являлся зам. начальника научно-технической комиссии МО, определяющей возможность продажи нового оружия за рубеж. Сын зам. председателя ГКВС Наркевича Д.Г. после подписания отцом генеральной лицензии на осуществление «Белтехэкспортом» внешнеторговых операций за счет средств от продажи спецтехники отправился на учебу в Англию; принятый на работу сын вице-преьера РБ В.Заметалина Денис Заметалин в течение одного года приобрел товара в личное пользование (mercedes-cabriolet, квартиру и т.д.) на сумму 200 тыс. долларов США. В фирме также работает жена ответственного сотрудника КГБ РБ, курирующего в этом ведомстве вопросы продажи вооружения.

После того, как наши сотрудники вплотную заинтересовались кадровым составом фирмы, жена сотрудника З. переведена в производственно-коммерческую фирму «Влас», совладельцем которой является генеральный директор Певтиев В.П.

Информация подготовлена отделом управления военной контрразведки КГБ Беларуси и направлена в Совет Безопасности РБ.

* * *

Из материалов, на базе которых будут возбуждены уголовные дела. Подготовлены независимой группой экспертов-криминалистов.

... В результате всестороннего изучения имеющихся материалов дела, а также на основании свидетельских показаний, выводов различных международных комитетов и комиссий, аудио- и видеоматериалов, находящихся в распоряжении нашей независимой комиссии, мы пришли к следующим выводам: в период 1995-2002 гг. на территории Республики Беларусь была создана и действует глубоко эшелонированная организованная преступная группировка (ОПГ). В ее состав входят представители криминальных теневых структур, правоохранительных органов и прокуратуры, высшие должностные лица из Совета безопасности, администрации Президента...

Прикрывает деятельность ОПГ, распределяя средства, полученные незаконным путем, Президент РБ А.Г.Лукашенко. Учитывая характер преступной деятельности, легальное сращивание государственной власти с криминальными структурами, полную бесконтрольность и безнаказанность, указанное преступное сообщество представляет огромную общественную опасность.

Схема создания и функционирования ОПГ в Беларуси не имеет аналогов в мире. Для достижения своих целей ОПГ под руководством Лукашенко уничтожило парламент, независимые контролирующие органы, независимый суд, независимые СМИ. Для устрашения и уничтожения конкурентов были созданы специальные службы, подконтрольные Лукашенко и его сообщникам. В стране вопреки Конституции действует нелегальная таможня, созданы внесудебные, глубокозаконспирированные «тройки» для осуществления рэкеты и незаконного изъятия товаров на территории республики. Функционирует так называемая «служба контроля» при Президенте во главе с генералом КГБ Тозиком.

В 1996 году по команде А.Г.Лукашенко была создана специальная группа для физического устранения людей. Возглавили эту группу генерал Ерин, генерал Сиваков и генерал Шейман. После ряда убийств (всего убито 35 человек), своим указом Лукашенко назначил Ерина, Шеймана, Наумова руководителями силовых структур. ОПГ занимается контрабандой цветных металлов, нефти, участвует в производстве, нелегальном сбыте алмазов, контролирует транзит и распространение наркотиков, продажу оружия, в том числе в горячие точки. Одним из главных направлений обогащения участников ОПГ является валютно-кредитная банковская сфера. Владея печатным станком, за счет постоянной эмиссии денег, ОПГ получает огромные прибыли. Никем не контролируемый фонд Президента по сути является общаком ОПГ. Состав ОПГ представляет из себя смесь бывших уголовников-рецидивистов, бывших и нынешних генералов КГБ, международных преступников, находящихся в розыске, а также высших должностных лиц РБ. В течение 1997-2002 гг. участниками данной группы установлены тесные контакты с различными международными преступными группировками. На территории стран-изгоев организованы базы. Наличие таких устойчивых связей, а так же совместная реализация различных проектов позволяет утверждать о наличии международного преступного синдиката с центром в Минске. На территории резиденций Крылово, Степянка, Беловежская пуца созданы базы отдыха для наркокурьеров, оружейных дилеров, а также участников различных террористических организаций.

В ОПГ присутствует жесткая иерархия, четко распределены роли. За каждый вид деятельности отвечает определенная группа и кураторы, которые подчиняются непосредственно А.Г.Лукашенко.

Особых успехов ОПГ достигла в нелегальной продаже оружия. В соответствии с выводами Стокгольмского института мировых исследований только в период 1997 по 2000 год ОПГ под руководством Лукашенко заработала более 4 миллиардов долларов.

Из раздела «Контрабанда оружия».

... Стремясь получить любыми путями незаконную прибыль, люди Лукашенко не останавливаются ни перед чем. Они вступают в контакты с самыми одиозными террористами. Их оружие сеет смерть в Афганистане, в Израиле, в Чечне, Анголе, Сьерра-Леоне и т. д. (Из показаний арестованного в Бельгии гражданина Кении Сайдживана Рупра, правой руки Бута).

... Поставки оружия в Афганистан и арабским экстремистам только за 2001 г. оцениваются в 600 млн. долларов. Нами исследована и методика контрабандной доставки вооружений из Беларуси в Кабул. Оружие загружается на военном аэродроме в Мачулищах и доставляется в Таджикистан. Оплата за товар осуществляется либо наличными деньгами, либо наркотиками. Так, 15 апреля 2001 года из Таджикистана прибыл военно-транспортный самолет ИЛ-76 МД, на борту которого находились контейнеры с надписью «Дрожжи». Груз сопровождали люди, одетые в форму вооруженных сил России. Груз, перегруженный в крытые военные «КРАЗы», убыл в неизвестном направлении. Контролировал погрузочно-разгрузочные работы представитель Совета безопасности РБ. По нашим данным в контейнерах находились наркотические вещества. Осуществив дозаправку, самолет был загружен различной военной техникой: минометы, автоматы, 25 тысяч мин. Самолет взял курс на Душанбе. Командир корабля Сергей Денисенко, бывший штурман белорусской компании «Трансавиаэкс-порт». Борт приземлился на военной базе под Душанбе. Груз встречал один из руководителей иракской разведки Фарук Хиджози, являющийся главным посредником в сделках между талибами и продавцом. Доставленное в Таджикистан оружие (таких полетов в 2001 году было 5) переправляется в Афганистан уже на самолетах Виктора Бута, бывшего офицера

витебской авиадивизии. Поставки осуществлялись Северному Альянсу. Бут был лично знаком с Ахмат Шах Масудом. Одновременно оружие поставлялось и талибам. Но схема здесь действовала другая. Белорусское оружие транспортными самолетами доставлялось в Болгарию, оттуда в Объединенные Арабские Эмираты. В ОАЭ оружие перегружалось на самолеты компании «Дельфин» и «Санта Круз Имperiал», которые принадлежат шейху Абдулле бен Занда, партнеру Бута. Деньги за поставленное оружие легализуются в Беларусь через различные предприятия, контролируемые высшими должностными лицами как частный капитал. Недавние заявления Лукашенко об инвестициях со стороны некой частной компании, находящейся на территории ОАЭ, есть прикрытие акта отмыwania денег.

Была разработана еще одна схема доставки оружия талибам. Самая изощренная. В ней задействован Шейман и бывший секретарь совбеза Украины Марчук. По договоренности с ним контрабандисты арендуют грузовые АНы с украинскими регистрационными номерами. Самолеты, загруженные белорусскими вооружениями, стартуют все с того же военного аэродрома Мачулищи в Африку, в одну из невоюющих стран – Танзанию либо Конго. Оттуда оружие попадает в Судан, где «Белтехэкспорт» (белорусская фирма, занимающаяся продажей оружия) имеет свою перевалочную базу. На нее были поставлены 300 грузовиков из Беларуси.

Оружие из Судана попадает в Кению и на Филиппины, а затем на самолетах Бута отправляется в Афганистан талибам. Таким образом, группой во главе с бывшим секретарем совбеза Украины Марчуком и бывшим секретарем совбеза Беларуси в течение 2001 года было поставлено талибам 200 танков Т55 и Т62.

Вырученные от продажи оружия деньги возвращаются хозяевам по очень сложной схеме. Наши сотрудники проследили этот путь.

Оперативным путем установлено, что на военный аэродром в Мачулищах ночью с 24 до 1 часа ночи два раза в месяц прилетает самолет. Два человека из состава пилотов считают и актируют привезенные с собой мешки с деньгами. После пересчета утром они садятся в «фольксваген-бас» и по трассе Слуцк-Минск направляются в головной офис «Белтехэкспорта». Машина выезжает через военный КПП. Боясь утечки информации, организаторы двигались по трассе без охраны. Пилоты никогда не меняются. В эти дни служба безопасности Президента в рамках так называемых учебных тревог блокирует все подъезды и выезды к трассе, а также саму трассу Слуцк-Минск. Все происходит так, как в случае передвижения главного объекта. Этим фактом заинтересовались сотрудники управления военной контрразведки КГБ.

В те же Мачулищи несколько раз на протяжении 2001-2002 гг. из России прилетали транспортные самолеты. После приземления, к грузовому отсеку подавался бронированный «Камаз» и автокар, который выгружал тяжелые малогабаритные контейнеры. Процедуру разгрузки контролируют и охраняют прибывшие с грузом гражданские лица. От белорусской стороны присутствует военный с удостоверением Совета безопасности. Полетное задание – чартерный рейс в Цюрих. Получатель груза – известная компания, принадлежащая Лучанскому.

«Дураки на махорке зарабатывают»

Следователь военной прокуратуры докладывал руководству:

– Странный груз обнаружен на полигоне в Уручье... Чуть ли не пацаны местные нашли. Выехали мы, вскрыли контейнеры. Какие-то моторы... Может, НЛО на Уручье опустились?

Прибывшие на полигон военные специалисты выяснили, что в контейнерах находились шесть новых двигателей для МИГ-29 стоимостью 2 миллиона долларов каждый. Расследование показало, что двигатели попали в Уручье из Бреста. Владелец не выяснен. По некоторым данным, конечным пунктом следования был Алжир. Дальнейшее расследование было прекращено по команде из Совета безопасности...

* * *

По дороге на минский автозавод, где должна была состояться встреча с трудовым коллективом, Лукашенко вспоминал состоявшийся накануне разговор с Шейманом. Взволнованный секретарь Совбеза непривычно долго для себя докладывал о ситуации в стране. Чувствовалось, что он о чем-то не договаривает.

– Выкладывай главное, – сказал Лукашенко, зная характер друга. Иногда замкнет, слова не вытянешь.

Шейман выложил перед ним пакетик с белым порошком.

– Как ты думаешь, сколько это стоит?

– А что там, сахар?

– Героин... Слышал, что это такое?

Лукашенко встрепенулся:

– А где взял?

– Мои ребята изъяли. Так вот, этот пакетик, весом два с половиной килограмма, стоит сто тысяч долларов, – с паузами, чеканя каждое слово, сказал Шейман.

– Ни хрена себе?! Вот это заработок...

– Дураки на махорке зарабатывают. А здесь люди умные... Розничная цена героина в тысячу семьсот раз выше его себестоимости. В тысячу семьсот раз! Ты знаешь, за счет чего Рахмонов живет? А Пакистан за какие бабки ядерное оружие создал? Если бы не этот порошок – наши войска в Афгане и сейчас бы стояли... Ты не волнуйся. Наша задача им не мешать. Они возили и будут возить. А за воздух, за территорию пусть платят нам. Кстати, по оценкам «Интерпола» ежегодно в мире отмывается 500-800 миллиардов долларов, полученных от наркобизнеса. А если учесть, что доля транзита порошка через Беларусь в Европу составляет около 18% от общего количества, то прикинь, какие бабки мы теряем. Я недавно встречался с одним человеком из правительства Таджикистана, он из кулябского, то есть рахмоновского клана. Они предлагают очень выгодное сотрудничество. Там живут по-восточному мудрые люди. У них установлено почти легально одно правило: такой-то процент от оборота наркотиков должностное лицо присваивает лично, в соответствии со своим рангом, а другую долю прибыли должен отдать вышестоящим инстанциям. Все довольны. Бюджет пополняется исправно, чиновники верно служат Президенту, власть на месте, а оппозицией даже не пахнет.

– А как реагирует на это Россия? – глухо спросил Лукашенко.-

– Нормально. Все что происходит в Таджикистане – это внутреннее дело Таджикистана.

Главное – обеспечиваются геополитические интересы России. Российские войска стоят на границе – их надо кормить и поить, да и генералы есть хотят. Как ни крути – деньги нужны, чтобы самолеты взлетали и садились. Ну а деньги, как известно, не пахнут. Впрочем, это нюансы. Что скажете, Александр Григорьевич? – госсекретарь неожиданно перешел на «вы».

– Какие будут указания?

Лукашенко внимательно посмотрел на Шеймана и ничего не ответил.

Ему в ту ночь не спалось. Новые приступы головной боли сжимали виски. Надо сказать Ирине, пускай заменит лекарство. Не помогает... А Шейман прав, это упускать нельзя. Нехай орут, гвалт устраивают. Лукашенко такой, Лукашенко сякой. А что они мне оставили? Разграбленную и добитую страну, да дурных и пьяных грамадзян, как говорят эти дерьмократы. А я буду идти на Восток и на Запад.

Пускай меня обвиняют, что я дружу с диктаторами и езжу в страны, где у власти наркодельцы. В чем меня обвиняют? Это я, что ли, обобрал до нитки эти страны? Это я или международный империализм и сионизм сеют смуту и голод?! В чем провинились эти люди? Разве они виноваты в том, что у них не осталось ничего, кроме этой травы? Я не буду цепной собакой у Запада на пути этих обездоленных. Пусть Запад нанюхается этого зелья сполна. Я им мешать не буду...

Ему стало легче дышать. Боль постепенно отходила. Он начал засыпать. Прежде, чем провалиться в черную бездну сна, подумал: «А таблетки, которые я пью, тоже ведь наркотики...».

* * *

Причмокивая языком, Лукашенко уминал драники со шкварками. «Как ловко забрасывает он их в рот», – подумал Шейман, вяло ковыряя вилкой в тарелке.

– Ты давай, жри веселее... Распанели, крестьянские харчи в вас не лезут. А они силу дают. Особливо мужчинскую...

Как бы не слыша его слов, Шейман сказал:

– Может зря Заметалин отвечает у нас за восточное направление? Не верю я ему... С тех пор, как деньги умыкнул, которые Кебич московскому депутату Гончару за свою поддержку послал.

Лукашенко отпил кефира, обтер рот ладонью:

– Да ладно... Он у нас вот где, не пикнет и не украдет, – он сжал огромную ладонь. – Главное, чтобы у тебя дыры надежные на границе были. И нехай они жрут это зелье.

– За границу не волнуйся. Все контролируется с обоих концов. Сам знаешь, проколов не было. Фуры с медью улетают, а тут ручная кладь: фрукты да кеды. Да и люди у меня работают проверенные. Я с ними в Афганистане и не такое возил.

– Да подожди ты! – резко прервал его Лукашенко. – Это тебе не Кандагар, а центр Европы. Проколов не должно быть. Всех отсечь от темы. Встречи только у тебя в Крылове. Сам не влазь. Людей посади, пусть работают. Дел у нас и так невпроворот. Тут у нас одно такое есть – ахнешь. Мы с Леней Синициным уже обсуждали. В Америку срочно ехать надо. Пускай визит готовят.

* * *

Дыры в границе заработали на полную силу. На даче у него завертелись «высокие» гости: представители чеченских группировок, югославские и пакистанские курьеры. Как-то Лукашенко затряс перед лицом Шеймана газетой «Свобода».

– Ты такого публициста Захаренко знаешь? Он тут про твою дачу расписывает и про гостей. Говорю я тебе – спокойнее и осторожнее. Захаренко много знает. Вытащил я его из грязи, а он на меня нож точит. Запомни – этот опасен вдвойне...

* * *

На конспиративной квартире Шейман ждал своего агента. Одного из опытнейших. Найф Хуссейн Тариф, гражданин Ливана. Давно обосновался в Беларуси. В разное время был агентом турецкой и российской разведок. Сейчас работает на него, Шеймана. Эта стоило больших денег. Но зато он имеет доступ к самой засекреченной сети. Одного его желанья достаточно и все потоки товара и денег перед его глазами. Ничто не проскочит мимо. Ни то, что уходит через дыры в границе, ни то, что остается здесь... Чтобы Президент делал без него в этой непростой игре, провал в которой может стоять головы? Да что стоит человеческая жизнь? Ничего... Он навиделся смертей. Сам в Афгане столько положил восточных братьев... Зато он при деле, да еще каком! Никогда в жизни представить такого не мог. И этот Тариф тоже его достижение. Вырвать такого человека из лап крупных разведок! Он привык с ними работать. И стрелять одновременно. Он там еще узнал цену порошка... Как будто судьба уготовила ему стать последним звеном в этой страшной цепи...

Скрипнув дверью, мягкой восточной походкой в комнату вошел Тариф.

– Ну что, что с товаром? – спросил Шейман.

– Все в порядке, дорогой. Товар в Анвере, в Бельгии. Вот номера счетов. Открыты в лондонском банке.

– На ком деньги?

– Я этого не знаю. Вы должны встретиться с Мининым.

– Хорошо.

– Где мой аванс?

– Ах, да, – Шейман открыл дипломат и выложил на стол несколько увесистых свертков. – Остальное потом.

Когда Тариф вышел, он вдруг подумал: «Что делать с ним? Скоро придется решать... Много знает, очень много... Перебежал ко мне, перебежит к другому, кто больше даст». Он вспомнил слова Лукашенко: «Никто ничего не должен знать. Иначе нам конец!» А этот знает, знает...

Он давно говорит, что нужна спецгруппа из верных людей, очень верных, готовых на все, подконтрольных только Президенту и ему. Он должен доказать это во что бы то ни стало. Иначе провалы неминуемы. Товар потоками уходит, сумма выросла немалая, бабло разбросано по всему свету. Пора Кулику звонить. Пока деньгами управляют всякие там Минины, на душе спокойно не будет... Надо собирать зелень в кучу, Саша поймет. Сам волнуется. За последний год ему многое удалось: подмята местная азербайджанская диаспора, цыганский барон исправно платит в кассу. Сейчас самое время подумать о

возврате денег. Надо согласиться с Аркашкиной схемой... Через Бора Тимоху, нашего, гомельского, на российских пацанов выходить надо – своих сил не хватает.

* * *

13 октября 1997 года Лукашенко, наигравшись в хоккей, дремал у телевизора. Что там говорят... Беларусь? Он открыл глаза. С экрана своим вечно простуженным голосом собственный корреспондент ОРТ Шеремет говорил о каких-то дырах на границе. Рука Лукашенко потянулась к телефону. Прокричал Шейману:

– Ты слышал, что говорил этот Шеремет? Дыры, наркотики, кого он имел в виду... Срочно ко мне.

Шейман влетел к нему.

– Откуда-то уходит информация. Уходит...

Лукашенко принялся бегать по комнате.

– Мы должны узнать, как далеко они зашли, что знают, у кого получили информацию... Кто там был с ним? Ага, Дима Завадский. Изъять все кассеты. Задержать всех немедленно.

– За что? – спросил Шейман.

– Как за что? За нарушение границы. Я пограничник. Меня не надо учить, что делать...

– Но... Шеремет – российский журналист.

Лукашенко глянул на него так, что Шейман поежился, и процедил сквозь зубы:

– А ты лучше позволь ему репортажики показывать. Он-то уж все расскажет. И до нас доберется. А со скандалами я разберусь. Не привыкать отбрехиваться...

15 октября 1997 года Шеремета и Завадского взяли недалеко от пограничного перехода. Тотчас же доложили Президенту.

– Пускай посидят в камере, парашу понюхают, правдолюбцы недоделанные. Великими деятелями у меня под боком себя вообразили...

* * *

Из доклада агентства безопасности британской спецслужбы «МИ-6»:

«Беларусь постепенно превращается в европейский притон – убежище для преступников и людей с сомнительной репутацией. Под прикрытием высших государственных лиц через территорию Беларуси осуществляется транзит наркотиков на Запад. С территории Беларуси осуществляется контрабандные поставки оружия третьим странам, против которых действует эмбарго ООН. Беларусь также является базой отдыха для представителей различных террористических организаций, таких как Аль-Каида, Хамаз, военизированной группировки „Воины Аллаха“, руководителей сербских боевиков, а также преступников, находящихся в розыске Интерпола.

...Бесконтрольный доступ к современным системам вооружения, а также обладание различными средствами, пригодными для создания биологического оружия, и наличие доступа, к специальным атомным технологиям, делает режим, установленный в Беларуси, крайне опасным для безопасности европейских стран. Прикрывает эти преступные синдикаты Президент Республики Беларусь А.Г.Лукашенко».

«Дороги назад нет!»

Раздались какие-то голоса. Заметалин бросился к окну. Никого... Наверное, охрана. Может, сесть в машину и уехать? Потом его же опять, уже в который раз, обвинят в излишней инициативе. Ну да ладно... Поздно...

Во двор дачи уже въехала машина.

Вошел человек, облаченный во все черное. Еще бы килограммовую цепь с крестом или икону повесил на грудь. Протянул руку:

– Приятно познакомиться. Наслышан, наслышан.

– Мне тоже, – гость протянул руку. – Александр Бор.

Растерянность прошла, Заметалин ощутил, как где-то внутри наступает спокойствие.

– Знаю еще что и Тимохой называют.

– Приятная осведомленность, – сказал человек и без приглашения развалился в кресле. Закурил.

Никогда Заметалин представить не мог, что вот так близко, а не в уголовных хрониках, увидит этого легендарного человека. Он знал, что родом Бор из Белоруссии, вроде бы из Гомеля. В свое время несколько раз срок тянул. Потом съехал. Сперва по СНГ плавал, а потом и дальше укатил. Был в одной компашке со Славой Ивановым, он же друг Кобзона Япончик, потом сошелся о Людоедом, как называли Иосифа Ройциса, снюхался и с Бибой. Этот самый Биба, он же Борис Найфельд, втянул Бора в неприятную историю. Учинил разборку с Ефимом Ласкиным, выше которого никого в те времена в Западной Европе не было. Бор быстро смылся, получив, конечно же, немалые деньги от Бибы, в США. А когда Япончика накрыли, занял его место. Весь Нью-Йорк держит. Это даже больше, чем Президент.

– Хорошо, что мы встретились, —сказал Заметалин.

– Очень хорошо. Вы тут такую территорию отхватили, что никому не снилось. Наверху свой пацан... Транзитный курьер... А занимается... Стыдно сказать чем.

– Это в каком смысле?

– В самом нормальном... С Эсамбаевым руки обмарали, с «Торгэкспо»... Дешевые номера: тряпки, бытовуха, пойло... Тема есть основная. Недавно я в Таджикистане с людьми Рахмонова встречался. На хрена ж вы союз таможенный заключали?

Заметалин почувствовал, что начинает нервничать. Спросил:

– Оружие?

– Да на х... оно. Пускай люди из спецслужб им занимаются, менты и всякие прочие. Мы же люди штатские. А тема интересная. И отдача в тысячу раз больше... Такое бабло не схавать за всю жизнь, – вдруг перешел Бор на уголовный язык.

– Камешки?

– И не только, есть товар покруче.

У Заметалина дернулся глаз. Он приблизился к Тимохе и перейдя на шепот, оказал:

– У нас тоже есть кое-что предложить...

Тимоха внимательно глянул на Заметалина. Комедия закончена, пора переходить к главному. Только как это ему вернуть? Где-то он уже видел такую рожу, или похожую... Крыса, с крысиным оскалом, но в то же время подбострастная, а потом как схватит...

– Тут, Петрович, дело такое... Оно вроде бы простое, а вроде и нет... Пацаны гарантий хотят.

– Каких? – У Заметалина дернулась щека. Скорее бы закончилась эта встреча. Какой-то холодок сидел у него внутри. Как будто льда наглотался.

– Так случилось, может, и правильно... Все проще для нас всех будет. Любой – и рак, и рыба, ты не обижайся, получили статус самостоятельной суверенности и самобытности, когда большая зона распалась... Пойми правильно мой базар... Нам на это большой х... Мы и тогда жили, и сейчас, дай бог, будем... Только вот на все это большое бабло ушло. Не тебе объяснять. И в вашу сторону тоже. А вернулось немного. Вот народ и говорит: опять фуфла не будет? Да и тема серьезная. Таких не будет. А гарантии один человек у вас дать может, ты уж извини. Не о тебе речь... Ждут вашего главного пацана в Москве. Как говорят, в рамках официального визита пускай встретится с народом...

Заметалин закашлялся. Такого он и ожидать не мог. Посмотрел в сторону дверей. Выход отсюда так далек...

Тимоха рассмеялся:

– Да ты не волнуйся, не братва встречать у трапа самолета будет рядом с Бобом... Все будет обставлено солидно. Ваш же со льда, как говорят, не вылазит... Вот к примеру, встретится прямо на льду с Пашкой Буре. Мы ему все проездные из Канады выпишем. Время уточним, удобное для Пашки и вашего... Дружбу им организуем. Шоу на льду... А между делом и наши люди рядом окажутся, зададут два-три вопроса. Не везти же мне их в Минск. Народ у вас пуганый...

– Вот это уже... Я поговорю. Надеюсь, попытаюсь убедить, – пробормотал Заметалин.

– Пойми, Петрович, об общем деле радею...

Расставались в полной темноте. Ни земли, ни неба.

Пожав руку вице-премьеру, Тимоха выдохнул:

– Ну теперь, надеюсь, будем вместе.

Холодок пробежал меж лопаток Заметалина и застыл возле самого сердца. Он вдруг понял – дороги назад нет.

* * *

Через некоторое время камера запечатлела Лукашенко рядом с Павлом Буре. Другие лица спрятать не успели. На встрече присутствовал весь уголовный бомонд Москвы. Но в Москве к этому все привыкли и не обратили никакого внимания.

«Дрожжи... Белого цвета»

По бетонному полю аэродрома в Мачулищах ветер гнал желтую листву. Поеживаясь от холода, из черной «волги» с тонированными стеклами вышли два человека в штатском.

К ним подошел военный, доложил

– Самолет прибывает по графику.

– Никого лишних нет? – спросил один из гражданских.

– На аэродроме только необходимая диспетчерская служба и охрана.

– Смотрите, чтоб все было четко, – сказал второй человек в штатском.

– Все будет как обычно...

Черная тень самолета зависла над аэродромом.

– М-да, долгий путь груз проделывает, – задумчиво произнес человек постарше и погрузнее.

– Сколько заправок, перегрузок, растаможек...

– А неужели, Егорыч, проще нельзя? – спросил второй присутствующий, с виду моложе.

Егорыч рассмеялся:

– А ты представь, что этот груз напрямую из Таджикистана или Пакистана куда-нибудь в Лондон или Амстердам прибывает... А если от нас, России, да и той же Польши все проще...

Когда самолет приземлился, к нему подъехали военные машины.

– Значит так, – сказал Егорыч. – В части будет ждать гражданский «мерседес». Все переложишь туда. Сам, своими руками.

Разгрузка прошла. На мешках были надписи «Дрожжи», «произведено в Республике Беларусь». Были они, почему-то, белого цвета...

* * *

К одному из начальников управления КГБ вошел офицер.

– Разрешите доложить, товарищ полковник.

– Да ладно, Коля, что там у тебя? Давай бумагу...

– Информация устная. Мой источник доложил, что на военном самолете на аэродром Мачулищи доставлен необычный груз. Его сопровождали военные и сотрудники Совбеза... По некоторым данным в контейнерах находились наркотические вещества.

Начальник управления выскочил из-за стола.

– Да забудь об этом. Я даже начальству докладывать не буду, даже самому председателю, чтобы его не подставить. Он и так под колпаком. Забудь! Представляешь, кто стоит за всем этим?! Ты вспомни, как мы с тобой подпольное производство эфедрона, принарфина и еще какой-то гадости в одном из нарочанских колхозов обнаружили. А колхоз находился, между прочим, в ведении Управления делами Президента. И ниточки вели на самый верх. Нам с тобой тогда еле головы не поносили... Свободен!

Когда оперативный сотрудник вышел, начальник управления глянул на прямой телефон. Подумал: «А может, доложить шефу?».

«Займись делом по цирку!»

Толкотня в приемной. Вечно к нему не попасть. Колхоз, к тому же сраный... Сказал дежурному:

– Доложите Президенту. Мне срочно...

– Вы звонили?

– Звонил, звонил, – на Заметалине не было лица. – Трубку не берет...

– У него собеседования. Новые назначения.

Голос Заметалина стал жестким:

– Доложите. Он поблагодарит вас.

Дежурный скрылся в кабинете. Через минуту вышел.

– Проходите...

Заметалин почти вбежал в кабинет. Глянув на него, Лукашенко почувствовал что-то неладное. Схватил за плечо, потащил за собой в комнату отдыха. За столом оплывшие колхозные хари.

– Что там у тебя? Чую: с хреновым пришел.

– Дальше некуда... Таньку мою взяли.

– Какую еще, мать твою, Таньку?

– Бондарчук. Прямо в цирке. А деньги в сейфе. Немалые деньги... Наши.

– Кто взял?

– Суки из прокуратуры... Мол, бордель содержит. Чеченцы в гостинице от Бараева

отдыхают... Ну, и конечно, товар...

Лукашенко достал мятый платок, отер лоб:

– Что за б...! То машины на границе хватают, то наших людей. Когда всю эту шваль разгребем?! А деньги где?

– Изъяли их... Какой-то Грачев из Минкульта подписал. Долго операцию готовили. Эта пэтэушная тварь, Сосновский, проверку послал...

Лукашенко подскочил с места:

– Да хватит трястись, воды вон выпей... Остынь. С чего началось?

– Приехал какой-то дебил из России, подсунул ей пару копеек зеленых за гастрольное место. Она и взяла.

– Ей что, мало было?

Заметалин отпил воды из стакана.

– Баба есть баба... Анонимка пришла. Сосновский комиссию назначил. С обыском пришли... А там наши чеченские друзья отдыхали. В тот самый момент...

– Ты что не мог остановить все это?

Заметалин вздохнул:

– Не хотел по мелочам беспокоить Президента... Мои ребята этого Грачева отделали как следует, а он в прокуратуру побежал.

– Ладно, иди... Куда не влезешь, говно брызжет. Ни денег, одна морока... Мне тут уборкой заниматься надо, народ на должности назначать.

– Спасибо, Александр Григорьевич, спасибо...

Заметалин попятился к дверям.

– С деньгами разберемся. А товар вывезли из цирка? Где твой бульбаш или Тимоха, или как там его зовут?

– С этим нормально... Все ушло. А вот два лимона зеленых. Их надо вернуть.

Когда Заметалин вышел, Лукашенко набрал Наумова:

– Займись делом по цирку. Все немедленно закрыть. Бондарчук выпустить... А этому Грачеву рот закройте. Еще куда-нибудь побежит.

– Будет исполнено.

* * *

Моросил мелкий холодный дождь. Начальник контрольно-ревизионного управления Минкульта Грачев устало брел от остановки к своему дому. У подъезда стояла машина «Скорой помощи». Мелькнула мысль: «Может, из соседей кто заболел?». Подойдя к машине, почувствовал страшный удар. Упал на землю. Теряя сознание, успел понять – кто-то

натягивает на его лицо колючую маску. Еще несколько глухих ударов. Очнулся на полу от страшной боли во всем теле.

Услышал голоса:

– Что с ним делать дальше? Может того...

Кто-то влез в карман, протянул;

– Да ты смотри, это ж наш. Удостоверение ветерана Афганистана...

Ему показалось, что это голос Овсянского, одного из сотрудников Совета безопасности, с которым он когда-то встречался. Точно, его голос...

– Хрен с ним, пускай живет...

Тот же знакомый голос.

Еще удары. Уже более слабые, гул машины. Он очнулся на скамейке возле своего дома.

Назавтра, весь в кровоподтеках, явился к следователю прокуратуры.

– Я пришел сделать заявление... Меня избили. Знаю кто, и догадываюсь за что...

* * *

Из материалов независимого расследования, проведенного сотрудниками МВД РБ:

«Наша аналитическая группа, обладая точной оперативной информацией, вышла на главное – каналы транзита, методы доставки наркотиков. Этому предшествовали известные скандальные события, развернувшиеся в городе Минске. Контролирующими органами Минкульта проводилась проверка финансовой деятельности Минского Государственного цирка. После того, как в сейфе директора цирка Бондарчук Т. было обнаружено 500 тысяч долларов США наличными неизвестного происхождения было принято решение об ее аресте. Акт об изъятии денег был подписан представителем Минкульта Грачевым, а также следователями и понятыми. До этого события директору инкриминировались следующие эпизоды: регулярные взятки с артистов цирка, содержание борделя из девиц кордебалета для высокопоставленных чиновников администрации Президента и их гостей. Необходимо указать также, что Бондарчук являлась ближайшей родственницей заместителя главы администрации Президента полковника Заметалина. Следователи очень быстро вышли на хозяев этих денег. На территории цирка был обнаружен хорошо оборудованный, скрытый от постороннего взгляда санаторий, где отдыхали чеченские боевики, в частности, из банды Арби Бараева и наркокурьеры. Мгновенно было истребовано дело о зверском на шумевшем убийстве семьи предпринимателя из Средней Азии, причастного к поставкам наркотиков. Следователи вспомнили, что по этому делу проходил сын Заметалина Дмитрий, который задолжал убитому 900 тысяч долларов, а отдавать не хотел. Убили же предпринимателя все те же представители „Эскадрона смерти“. Один из них, Игнатович, находится в следственном изоляторе и по сей день. Именно тогда, с проверки цирка, следователи рассекретили „Эскадрон смерти“. То, что произошло потом, еще раз подтверждает тезис – высшая государственная власть в Беларуси полностью слилась с криминалитетом и управляет им. Показательно, как отреагировал на арест Бондарчук Лукашенко. По его указанию в КГБ были посланы работники Совета безопасности, которые первым делом пресекли допросы, изъяли вещдоки (500 тысяч долларов) и выпустили Бондарчук. Не забыли даже дать указание

оперативникам снять засаду, которая была установлена возле цирка на случай появления наркокурьеров. А через два дня визировавший документ о финансовых преступлениях Бондарчук Грачев был похищен и в течение двух дней подвергался истязаниям на одной из баз СОБРа. Впоследствии своих истязателей Грачев опознал: небезызвестного убийцу Павличенко, Игнатовича и других бандитов в форме МВД. Сейчас Грачев после полученных травм находится в психиатрической лечебнице. Наркобизнес не знает жалости. Судьба следователей, которые участвовали в аресте Бондарчук, тоже незавидная: у одного изнасиловали жену, второй умер при загадочных обстоятельствах, у третьего дважды было взорвана автомашина. А где же сын известного идеолога Лукашенко Заметалина? Он продолжает разъезжать по Минску в „мерседесе-кабриолете“, стоимостью более 50 тысяч долларов США под госномером 69-74 РН...».

«Боже, как быстро это действует?!»

Таким Карпенко еще не видели. Неразговорчив, замкнут. Ни с кем не хочет разговаривать. Лежит перед телевизором, нажимает ежесекундно на пульт, ни одну программу не смотрит... Даже с сыном, характер которого очень напоминал его – спокойный, уравновешенный, – почти не разговаривал. Он и сам себя не узнавал. Что-то замкнуло в нем, оборвалось. Страна катится в пропасть. Необходимы срочные кардинальные меры экономического плана, чтобы хотя бы затормозить падение. А эта усатая сволочь делает вид, что в стране все в порядке; катит на работу к 10, после пробежки на роликах, в 14.00 – служба по управлению государством заканчивается очередной тренировкой.

Он иногда вспоминал Верховный совет. Когда его избрали зампреда и Лукашенко бросил в его сторону: «Далеко пойдешь...». А он в ответ: «Ты, говнюк, уже далеко пошел...» И это – Президенту. Окружающие вздрогнули: «Ген, не надо так, этот скот злопамятный...» Карпенко рассмеялся: «Пошел он со своей злопамятностью...»

Витя Гончар непонятно на что рассчитывает. Когда ему сказали, что Гончар тусуется с Лукашенко, он сперва не поверил, а потом спросил: «Витя, ты что, спятил?» А он в ответ: «Гена, тебе на этом этапе ничего не светит... Может, попозже. А нашему быдлу такой идиот и нужен. Ничего, что страшен, косноязычен. Мы его побреем, помоем, костюм фирменный купим. Будет ездить под Президентским флагом и выполнять все наши команды» Он ему тогда сказал, что он слабо себе представляет психологию психопатов, от них можно ожидать всего, чего хочешь, а в конце разговора послал Витьку на три буквы. И правильно сделал. Сейчас Витек отрезвел и пошел в открытую оппозицию Лукашенко. Да видно, поздно понял.

Его размышления прервал телефонный звонок. Это Захаренко.

– Геннадий Дмитриевич, можно приеду?

– Приезжай...

Этот тоже был рядом. Но совсем другой человек. Офицер. Поверил – пошел. Разуверился, на вопрос: «Вы выполните любой мой приказ?», ответил Президенту: «Только в соответствии с конституцией» И ушел. Сейчас много работает. Создает союз офицеров. Хорошо, что зайдет. Затея опасная. Слишком опасная и в то же время нужная... Надо поговорить...

В дверь позвонили. Очень быстро доехал. Карпенко открыл дверь. Рука попала в жесткие объятия руки Захаренко.

Захаренко прошел в комнату. Карпенко поставил на стол бутылку коньяка.

– Может, по рюмке?

– Давайте, Геннадий Дмитриевич, – и тут же вопрос: – Как решили с выборами, пойдете?

Выпили по глотку коньяка. Карпенко молчал, потом сказал:

– Решение принято – не пойду. Кампания очень странная, заранее провалы, результат не предвидится...

– Правильно, – согласился Захаренко, – я тут со своими мужиками разговаривал. Они тоже такое решение поддерживают.

– Спасибо, Юра... Я рад, что мы вместе. Сам знаешь, всякое было... А сейчас вместе! Спасибо, что заехал, трудные у меня были дни. Да и сейчас в душе полный раздрай...

Выпили еще по рюмке. Он внимательно посмотрел на Захаренко:

– Тут еще один разговор. Он как бы такой... Можно его воспринимать или совсем наоборот. Твое дело. Но вообще-то не только твое... Хорошая затея – союз офицеров. Люди тебя знают, верят тебе, пойдут в союз. Но какая это сила?! Усатый дьявол и его команда отдают себе отчет, что это... Надо быть поосторожнее, внимательнее... Подбери ребят, тебе есть из кого, пускай будут рядом... Смотри, Сиваковская бригада стала убирать синих. Тех самых, кто ему бабки на выборы давал. Дальше пойдут, дальше, Юра...

Захаренко закурил:

– Если уж на то пошло, так кто я для них по сравнению с вами, Геннадий Дмитриевич? Вы конкурент, а я так, вождь недовольных офицеров...

Карпенко рассмеялся:

– У каждого недовольного офицера есть кое-что... А у людей, которые поддерживают меня, – ничего нет...

Захаренко задумался. Сказал:

– О многом мы в бытность мою министром с этим человеком, простите меня за высокое слово, говорили... Вы знаете, мне кажется, он способен на все. И вам надо быть осторожнее. Чует мое сердце неладное. Ребята говорят, группу они создали нешуточную. Головорезы. В Чили такой не было. Платят бешеные деньги, инструкции выдают такие... Говорю тебе, Геннадий Дмитриевич, как профессионал. Этот на все пойдет. Представь себе, меня, министра, несколько раз просил: «Своди на расстрел. Посмотреть хочу». Ты бы видел его в эти минуты – глаза горят, кровью наливаются... После этого какая-то дьявольская сила в него вселялась...

– Я тоже слышал об этом, – сказал Карпенко. – Твой союз офицеров должен быть противовесом. Не силовым, конечно... А вообще-то, если говорить серьезно, он на самое-самое не пойдет. Внимательно смотрят за всем из Москвы, да и Запад совсем рядом. Побойтся... Документы по продаже оружия и все остальное, что ты мне передал, я возьму с собой в Варшаву и постараюсь там озвучить.

Некоторое время сидели молча. Захаренко надел черный кожаный плащ, сказал:

– Я тоже рад, что мы вместе, Геннадий Дмитриевич. И дай бог, что на наших похоронах его не будет.

Карпенко улыбнулся:

– Ладно, ладно... Это божье дело. Пускай бог и разбирается...

Он снова остался один. Включил одну программу телевизора, вторую... Решительно нажал кнопку. Экран погас. Внизу под окнами завывали сирены. Президентский кортеж прибыл к тренировочному залу.

* * *

Неожиданное письмо из Евросоюза. Его приглашали на крупную международную встречу в Варшаве. Туда приглашались только Президенты и главы парламентов. От Беларуси пригласили его и Шипука. Ему передали, что от этой информации Лукашенко просто заколотило: это что – намек? Нервничай, нервничай, Лукишка, уходит твоё время, уходит. А по сути это самое время и не приходило.

Карпенко усиленно готовился к поездке. Его квартира напоминала штаб. Сотни звонков в день, журналисты, дипломаты, соратники.

В понедельник позвонил Игорь Осинский, попросил назначить время встречи. Бывший главный редактор газеты «Советская Белоруссия» давал дай бог какую рекламу Лукашенко, Кебича трясло от злобы, а потом чего-то там с Лукашкой не поделили. В числе других главных редакторов выводили из кабинета при помощи спецназа. Официально обвинили в казнокрадстве: отправил большую сумму денег какой-то фирме за бумагу, тысяч двести долларов, не меньше, но редакция не увидела ни денег, ни бумаги...

Позвонил одному своему близкому другу, сказал:

– Подъезжай ко мне попозже. В понедельник в 9 утра у меня будет Осинский.

– На кой он тебе... Вспомни, когда был корреспондентом АПН, Женька Будинас, такой же корреспондент, ему в рожу на партсобрании плюнул, обвинив в стукачестве... А потом корреспондентом ТАСС из Минска укатил в Берлин... Сам понимаешь, кого туда и под какой крышей посылали... Да гэбист он штатный... Не смотри, что Лука выгнал. Сценарий там был специальный. С голоду недохнет, крутится где надо...

Карпенко усмехнулся: какими все стали подозрительными. Или их всех Лука этим заразил. Вредно, когда на вершине власти больной человек, зараза от него распространяется очень быстро.

– Успокойся, старик, – сказал Карпенко. – Надо работать со всеми, кто полезен, понимаешь? А вдруг что-то толковое предложит, хрен с ним, что гэбист. Опыт у парня немалый...

Ровно в девять часов утра перед ним был Осинский. Строгий костюм, отливает протез глаза. Интересно, при каких обстоятельствах он глаз потерял?

– Несомненно, вы первое лицо в оппозиции, Геннадий Дмитриевич, – она, как таковая, и дня прожить без вас не может... Люди смотрят на все эти партии, на их лидеров, как на отработанный шлак. Тем более, что большинство лидеров выходцы из команды Лукашенко. Этим людям никто и никогда не поверит. Я возвращаюсь не только в среде журналистов, а и простых людей, Знаете ли, профессия такая...

Карпенко с интересом рассматривал его. Кто его послал, зачем? Или, в самом деле, сам пришел?

– Полностью с вами согласен, – сказал Карпенко. – Нужен сегодня, как бы это получше сказать, третий путь в борьбе с режимом. Людей от слова «оппозиция» в том виде, как она есть, воротит. Поэтому мы создали теневой кабинет, еще одну общественную организацию, которая занимается экономикой, поиском путей выхода из экономического кризиса...

Игорь Осинский внимательно слушал его. Когда Карпенко закончил, сказал:

– Вам, Геннадий Дмитриевич, пора думать о создании своего имиджа... Популярность у людей, особенно в городах, велика, но далеко на этом не уедешь... Я готов помочь в разработке такой темы, пускай она не покажется вам, громкой, как идеология Геннадия Карпенко...

– Ради бога, приму все полезное...

– Дайте мне несколько недель. Бумаги предстанут перед вами.

– Условились.

Осинский ушел. Карпенко закрыл за ним дверь, подумал: «Что еще за чертовщина! „Идеология Геннадия Карпенко“! Прав был приятель, скорее всего, прав, кто-то его прислал. Но кто? Надо бы спросить у своих ребят...» Есть кое-кто и в КГБ, и в Совбезе, кто его своевременно информирует...

В тот же день раздался еще один звонок. Звонила журналистка Н.

– Геннадий Дмитриевич, я хотела бы с вами встретиться.

На мгновение он задумался. Какая-то атака этих журналистов... А впрочем, отказывать женщине нельзя...

– Хорошо. Давайте встретимся. Перезвоните завтра... Я назову время и место.

Дома принимать ее не хотелось. Люда, жена его, как-то косо поглядывает на всех этих журналисток... Позвонил Лене Кошелеву, смолевичскому родственнику, имеющему в центре города, недалеко от стадиона «Динамо» собственный пивзаводик, коттедж при нем, где Леня одновременно имел офис и квартиру.

– Ленчик, тут у меня одна встреча должна быть... С дамой... Нет, нет, не из той оперы. Журналистка, интервью... Ты там на среду, часов на одиннадцать, приготовь что-нибудь... Чуток закуски, бутылочку сухого вина, кофе...

– Хорошо, Гена... Все будет как обычно, не подведу...

Он легко перескочил бордюр у гостиницы «Юбилейная», сел в «мерседес».

Карпенко едва не опоздал. Дама с блокнотом уже ждала его у офиса Кошеля.

Он вышел из машины, поцеловал ей руку.

Леня Кошель провел их в огромный зал, обставленный диванами и увешанный картинами.

Журналистка посмотрела по сторонам:

– Очень приятный дом... Чувствуется по всему, есть хозяин, и не только в доме...

– Он делает прекрасное пиво... Не хуже чешского... Только вот не дают человеку развернуться... Налоги, проверки, зависть...

Они сели за стол. Карпенко налил вина, сказал:

– Извините, компанию не составлю... Диета... Она никак не среагировала на его слова, сказала:

– Я пришла помочь вам. Вы победите, но вам нужна собственная партия. Партия деловых людей, совсем не то, чем была «Народная згода». Партия должна быть построена по европейскому типу...

Карпенко с грустью посмотрел на нее. Он уже жалел, что пошел на эту встречу. Дочь Кошеля принесла кофе.

– Секунду, мне надо позвонить. – сказал Карпенко и вышел. Позвонил своему другу:

– Я скоро освобожусь, жди.

Он вернулся в зал. Отпил из чашки кофе.

– Так вы предлагаете мне создать партию, а я-то думал, что это будет интервью...

Она развела руками:

– Речь идет совсем о другом.

Он сделал глоток. Она, внимательно глядя на него, вздрогнула. Кровь ударила в голову. Что она сделала? У Карпенко затуманился взгляд:

– Простите, мне надо выйти...

Оставшись одна, она сжала руки... От боли пальцы омертвели. Через несколько минут он вышел из туалета, опираясь на стены. Взгляда никакого. Хотел что-то сказать, но не смог, рухнул на пол...

Она взяла чашку с кофе и вышла. Вернулась через минут пять, подумала: «Боже, как быстро это действует?!», и закричала во весь голос:

– Скорую, срочно скорую!

«Тонко все делайте, тонко!»

К Шейману приехал Сиваков. Синие прожилки, набряклые мешки под глазами. Явно после очередной попойки. Шейман глянул на него, стараясь скрыть презрение. Не мог терпеть глубоко пьющих и гуляющих людей. Ну да ладно, выбирать не приходится. Чем-то этот тип пришелся по душе Президенту.

– Я надеюсь, задача ясна? – Шейман внимательно глянул на Сивакова.

– Все конкретно до предела... Люди должны быть надежными, особо подобранными... Мы уже работаем над их, извините за выражение, вербовкой. Ничего не поделаешь профессионалов надо вербовать.

– Что сделано конкретно?..

– Во-первых, подобран командир СОБРа... Дима Павличенко. Человек пойдет с нами до конца. Когда у меня служил, во время тренировки себе череп проломал. Две недели без памяти. Пластинку в голову вставили, кровь отсосали и вставили. А на краповый берет сдал. Когда Уродова брали, подстрелил одного синего, не дрогнул...

– Личные дела принесли?

– Принес.

– Оставьте у меня. Аннулируем вместе с...

Из личного дела.

Игнатович Валерий Александрович, 1970 г. р. Гражданин Российской Федерации. Является с первого марта 2002 года разведчиком гранатометчиком 22-й бригады ГРУ МО России.

Малик Максим Михайлович, 1976 г.р. Семьи не имеет. Проживает в общежитии по улице Короля, 65а.

Гуз Алексей Викторович, 1975 г. р. Семьи не имеет. Отчислен из Академии МВД за избиение командира группы.

Саушкин Сергей Николаевич, 1967 г. р. Образование среднее, проживает в Минске в Степанке. Трижды судим...

– Пускай вас не волнует, что Саушкин не из нашей среды... Он был нашим осведомителем. Будет отвечать за всяких щавликов. Он их на себя берет – добавил Сиваков...

Шейман пододвинул к себе одно личное дело...

– А вот этот Игнатович... И на Россию, и на нас... Он надежный?

– Надежный, – уверенно ответил Сиваков. – Игнатович вместе с Маликом выполняют спецзадания Президента. Российский генштаб должен иметь своих осведомителей среди чеченских боевиков. И нам от этого польза... В чеченских горах закопать можно кого угодно... Пять человек мне из России дадут. Спасибо зампреду КГБ Ерину, помог организовать и поездку, и контакты в Москве. Настоящие профи... Не бойцы – головорезы. Слово есть такое, вам известное «киллер». Так вот, все эти кинокиллеры – дети по сравнению с ними. В основном это выходцы из Сибири. Когда алюминий разбирали, в течение года 50 менеджеров и 20 криминальных авторитетов убрали. Ребята прошли Тбилиси, Баку и Вильнюс. Сейчас без работы в Чечне по горам ходят...

– Хорошо, хорошо, своих я под СОБРом держу, – сказал Шейман, – а этих кто будет контролировать?

– Над ними смотрящий, сам Сева Картанов из Красноярска, ближайший человек Быкова. Пусть сидит в Мозыре, вроде как нефтью занимается, а сам за своей братвой наблюдает.

– И вот еще что, Юра... Схема должна быть такая: провели операцию, исчезли, отвалили на отдых. Я обеспечу тебя необходимыми бумагами... И деньги для бойцов передам для морального успокоения. Павлюк сам стрелять не должен. Он – крыша, свое на «синих» взял.

Пусть занимается контролем и учетом. И еще главное наше условие – нет трупа, нет проблем.

* * *

Сидит, уткнувшись в блокнот. Лицо окаменевшее, глаза пустые, водянистые.

– Что с тобой. – спросил Лукашенко, – вроде как обиду какую на меня затаил?

Шейман поднял глаза:

– То даете полномочия, то на Совбезе забираете...

Лукашенко рассмеялся:

– Я тебе что, при всех скажу, того убери, этого. Я жду, а ни хрена не происходит... Криминал уже тюрьмы не боится, скоро ко мне в Дрозды приедут, назад общак требовать. Доигрались... На меня уже российские пацаны выходят, говорят, что за беспредел там у вас. Может, мы подъедем, разберемся с вашей шушерой... Подразделение Сивакову дали, а что оно делает? Баб дрючит, водку пьет... Тренируется. Помните, я не для себя стараюсь. Хватит тренироваться... Начинайте, начинайте, время уходит... Карпенко распоясался, уже его, а не меня, на саммиты приглашают. Захар скоро своим офицерам форму выдаст... Забодали вы все меня, не скажу жестче... Начинайте работать. Понял?!

Шейман оторвал голову от бумаг.

– Понял, понял... Только чтобы потом вопросов не было.

– Каких еще вопросов?! – взвился Лукашенко. – Тонко все делайте, тонко, на синих себя проверьте, и дальше – вперед! Знаешь, как собаку овчарку тренируют – мысли ей в голову вбивают: вперед, вперед? И знай, долго ждать не буду. Кто-то другой, а не ты, команду может дать...

* * *

Шейман вызвал Сивакова:

– Значит так, команда поступила...

Сиваков стиснул кулаки:

– Наконец-то... Но он потом не скажет? Мол, не так, не надо и все прочее...

– Не скажет, начинайте... Как я тебе раньше говорил – Щавлик... Еще пару клиентов. Пускай убедится, что мы можем. Потом дальше пойдём... Сам понимаешь, куда...

– Понимаю, – ответил Сиваков, – понимаю, теперь очень хорошо понимаю...

– Тут есть кое-какой список, лично Президент составил. Это должно последовать после окончания дел с «синими». Можете ознакомиться.

Шейман протянул Сивакову листок. Тот читал: «Гончар, Захаренко, Карпенко...» Всего восемнадцать фамилий. Сиваков такого, честно сказать, не ожидал. Почувствовал, как вспотел у него лоб.

– Работа тонкая, серьезная... Эти люди готовы хоть сегодня пойти на переворот, на что угодно. Возомнили себя лидерами при живом, действующем Президенте. Если проспим, будет поздно... Захаренко собирает союз офицеров, и знаете, много обиженных туда хлынет... А всем насильно мил не будешь. Эти ребята и сам Захаренко на многое способны... Карпенко вконец обнаглел. Теневой кабинет, видите ли создал... Из посольств не вылазит. Гончар альтернативные выборы проводит. Надо сделать так, чтобы комар носа не подточил. Сам понимаешь, кого подставить можем... Версии должны быть разные. Взял деньги – убрали кредиторы... Или вообще плохо стало с сердцем, раз и квас, из жизни в жмурики, прямо на больничной койке... Или вообще – исчез человек и амба...

– Не волнуйтесь, СОБР не подведет.

– И без самодеятельности. Консультируйтесь, все детали должны быть отработаны...

Когда Сиваков вышел, Шейман подошел к окну. Да, подошло время решительных действий. Больше медлить нельзя... Останется оппозиционная мелочевка. Пускай вякают, от них вреда никакого...

Вдали был виден желтый кусок здания КГБ. Он все меньше и меньше доверял Мацкевичу. Честного чекиста из себя корчит, как-то заявил Президенту: «КГБ будет руководствоваться буквой закона...» Чистоплюй сраный. А кто тебе деньги на операцию дал, когда почти от рака загибался?.. А ты подумал – откуда эти деньги? Президент дал. В Германии две операции сделали, с того света вернули... Помни, помни об этом. Ладно, без него обойдемся, только чтобы под ногами не мешал, да не вякал... Надо усилить контроль за ним, пустить наружку... Божелко тоже забыл, откуда его вынули. Клялся Президенту в верности, а тоже вдруг запел об особых функциях прокуратуры по соблюдению закона. Ладно, скоро мы вас всех проверим на вшивость. Всех до единого...

«Именем Президента Республики Беларусь!»

– Ну, ладно, я поехал, пацаны, – сказал Щавлик.– Обо всем договорились. Щемите этого креста, но просьба одна, чтобы беспредела не было... Днями комиссар из Москвы подкатит.

Щавлик сел в машину, дал по газу. Подумал: «Тяжело стало работать. Особенно, когда фуффло во власть пришло. Едва жопы прикрыли, а вид делают такой, как будто они вроде бы и не при чем... Парашу, суки, не нюхали. Из грязи да в князи...»

Только что позвонил Сауш, по кличке «Хряк». Сидели с ним вместе в Витебске. Сейчас, пацаны говорят, крутится возле спецов. Он посредником был, территорию делили... Что-то там начал плести насчет кассы. Надо поговорить.

Он гнал по бетонке вдоль Минского моря.

Ни одной машины. Мрак. Дождь в стекла. Или снег. Хрен разберешь. После встречи к Сатару в кабак заеду, отдохнуть надо.

Не доезжая метров 300 до условленного места, он увидел, как только что обгонявший его черный джип стал перегораживать дорогу. От резкого торможения его машину занесло. Через боковое стекло увидел – сзади тоже машина. И тоже шоссе перегораживает...

Что за херня?! Может, засада? Но откуда? Хотел с ним Серега ехать, отпустил. Да, ладно,

разберемся.

Несколько человек к передней дверце. Он надавил на кнопку сигнализации. Сработала. Нащупал пистолет в кармане, передернул затвор. Боже, у них «Узи» у каждого. Три человека с «Узи»... Тут чертыхаться нечего... Постучали в стекло: «Выходи!».

Вышел.

– Вы что, мужики, что за дела, меня не узнаете?

– Не волнуйся, узнаем-узнаем. Пошли...

Ткнули стволом под ребро.

– А куда ведете?

– Сам увидишь. Недолго идти...

Шел и думал: «Кто они? За что? Если разборка, то не такая...»

Подошли к заброшенному карьеру. Человек с ломом расширял свежewedолбленную яму, в которую змейками стекалась грязная, вперемешку с черным снегом вода. Кто-то сказал:

– Не старайся, и так большая... Влезет... Даже место останется...

Он вдруг понял: ведут убивать. Посмотрел по сторонам: не уйдешь. Сказал:

– Мужики, что за лажа... За что? Не виновный я ни перед кем, вроде...

– Да ладно, ты только не обоссись...

Человек в черной куртке подтолкнул Щавлика к яме, достал пистолет:

– Именем Президента Республики Беларусь!

Это было последнее, что услышал вор в законе Щавлик. Тело его, чужое, бездыханное, рухнуло в холодную болотную воду.

Вечером его жена выглянула в окно. Вздохнула: приехал. Внимательно присмотревшись, увидела распахнутые двери машины. Кабина была пуста. Больше Щавлика, ни живого, ни мертвого никто так и не увидел...

* * *

– Отправь его, – Гончар сидел в парилке и беседовал с Красовским, – пускай едет домой. Сами доберемся...

– Витя, ты неосторожен. – сказал Красовский. – Видел, как машинки за нами крутились...

Гончар рассмеялся:

– Сейчас он не посмеет. Я – Гончар. Сегодня моя фамилия меня охраняет. Завтра у меня встреча с послем США... Не бойся. Я твой выдающийся современник, у всех на виду. Лука под колпаком.

– Когда все может произойти? – спросил Красовский. – Деньги тают, я уже в долги к подчиненным влез...

– Не волнуйся, скоро. Сашок на дыбе, неужели не видишь.

– И вижу, и понимаю... Но все это одни слова...

Они вышли из сауны, выпили.

– Можешь ехать, – сказал Красовский водителю и по совместительству охраннику. – Мы задержимся. Завтра, как всегда, в восемь...

– Хорошо, шеф... Но может?

– Давай, давай, кати, все в порядке...

Водитель вышел.

– Ты, вообще-то, на что рассчитываешь? – спросил Красовский.

Гончар расчесал пробор:

– Я этого дебила придумал, я его и уберу... Только я смогу это сделать. Пойми ты, время слабых, вялых политиков ушло. Фактически сегодня стоит вопрос о том, чтобы взять власть. Верховный Совет должен объявить об этом. Шарецкий как свадебный генерал пускай сидит в Литве, вся полнота власти должна перейти к Президиуму Верховного Совета. Мы уже назначили своего Генерального прокурора, который даст санкцию на арест Луки. Альтернативные выборы показали: за деньги можно купить всех, в том числе даже оппозицию. Эта кампания дала возможность избавиться от балласта... И теперь меня никто и ничто не остановит...

Он с торжественным видом посмотрел на Красовского.

– Спасибо, старик, что помогаешь. Никогда не забуду, никогда, я, сам понимаешь, не Лука...

Они вошли в сауну. Красовский уже в третий раз отпарил шелковое тело Гончара. Приняли душ, оделись.

– Может, завтра главный день, – сказал Гончар. – Утром в посольство США, а потом к тебе. Все расскажу.

Они вышли из бани и направились к джипу Красовского. Несколько человек преградили дорогу. Кто они?

– В чем дело? – прокричал Красовский, как будто его могли слышать.

Ни одного слова в ответ. Или не слышно. Кто-то сказал:

– Молчи, сука... Одно слово...

Со всех сторон откуда-то появились машины. Профессионально завернув руки и накинув наручники, их бросили в разные машины. Не теряя самообладания, Гончар пытался анализировать происходящее: «Люди в масках. Вооружены. Действуют профессионально» И вдруг страшная догадка обожгла его мозг...

До него наконец-то дошло, почему звонил ему Сиваков, звал в баню, говорил, что надо все обсудить... Еще раньше клялся, что все органы на его, Гончара, стороне. Кинут Луку в нужный, им же определенный момент. Позвал и не приехал. Ни звонка, ни извинения... Западня! Самая настоящая западня.

У Гончара похолодело в ногах, пустота в груди. Отсюда ему живым не выйти. Ночь за окнами.

Неужели он пошел на это? Вспомнил, как ворвался Лука после выборов в квартиру с тортом и шампанским в руках, зацеловал его Зину:

– Ты не думай, я знаю, кому я обязан, кто меня сделал Президентом. Конечно же, Витя! Заживем, ребята, да так, что никому не снилось!

– Куда вы нас? – спросил Гончар.

– Не спеши, узнаешь...

Темная даль озера. Ему кажется, что он все видит во сне. Холодная сталь у затылка. Закрывать глаза, закрыть и молчать.

Голос Красовского:

– Мужики, меня-то за что? Я случайно рядом был...

Щелчка он не услышал. Рухнул в темноту...

* * *

Захаренко взяли возле его дома. Рассчитали все правильно. Окликнул его хороший знакомый. Сели в машины. Пикнуть не успел. Психотропный укол... Его посадили на заднее сиденье БМВ 525 госномер 0221 ММ и в сопровождении красной «Ауди 200» со специальным пропуском на стекле повезли в сторону Гомеля. На границе с Россией в лесу его передали специальной группе.

* * *

Музыка... Он не мог выйти из машины, хотя был уже возле дома. Музыка проникала в каждую клетку тела, вздымала душу далеко, за нависшие над городом облака, тащила дальше, дальше. Только человек близкий к космосу мог написать такое...

Как он просился: «Оставьте жить, я ни в чем не виноват... Оставьте, прошу вас, не берите грех на душу». Гончар был молчалив, только побелел, тоже забздел, сволочь, но вида не показывал... Он сам ему позвонил, сказал, войска за тебя, не волнуйся, ты настоящий лидер, а значит, ничего не бойся. Сказал об этой своей уловочке батьке, тот заулыбался: «Я в тебе не ошибся, Юра, хотя разное мне про тебя говорили...»

Он наблюдал за всем из-за кустов... Хотя чего было остерегаться? Им хана, а ему жить, долго жить. Подумал: «Мусор должен гнить в ямах!» Музыка Бетховена уносит его поверх деревьев, облаков... Пока он это чувствует, пока есть батька, который во всем прикроет, он живет нормальной, полнокровной жизнью и никаким подонкам ее не отбить. «Пойми, мы должны это сделать, – говорил ему как-то Лукашенко. – Прав Филарет, мы должны уберечь христианские души от растления...»

– У настоящего человека должна быть настоящая мечта, – с блеском в глазах почти кричал Президент. – А знаешь, какая моя самая главная мечта? Уничтожить всех своих врагов, слышать вопли их баб, бросить им, голодным, кость, наблюдать за их муками... И ты, Юра, поможешь мне это сделать...

Он слушал Бетховена и думал, что какое-то высшее предназначение, высший выбор пал на него... Нет, он не инквизитор, он чистильщик, делающий благое дело... И поэтому сейчас нет

тяжести на груди, а все наоборот...

Уснул он с улыбкой.

* * *

Наумов отчитывался перед Президентом. Отчет оказался коротким. Президент замахал перед его лицом номером БДГ.

– Ты газеты читаешь? Статья Завадского... Сюжет его же по ОРТ прошел. Белорусы служат в Чечне. И кому служат – боевикам?! Какие-то афганские дневники готовят с Шереметом. Ты даешь гарантию, что там не будет наших чеченских друзей, которые сейчас в Пуще сидят?

Выйдя из кабинета, Наумов набрал Сивакова. Тот уже все знал.

– Не волнуйся, я начал оперативные действия... Мои люди поехали к этому киношнику.

– Возьми моего Леоненко.

* * *

Завадский ехал в аэропорт. Приезжает Паша Шеремет. Он готов показать ему много материала.

Боковым зрением он увидел, как его подрезает одна машина, вторая. Впереди возле стоящей машины возникает милиционер, жезлом указал ему остановиться. Подумал: «Наверное, делегацию везут». Команда: «Руки на капот!» Страшный удар. Потерял сознание. Очнулся в машине. Вокруг люди в масках. Один из них протянул ему бумагу... С трудом узнал свою статью из БДГ. Вопрос: «Что ты еще знаешь?» Удар... В глазах поплыло... Чей-то голос как будто из бездны» Куда везти?» Ответ: «Ждем, рация включена!»

«Президент в законе, мать его... Не Беларусь, а Чикаго»

Следователь витебской областной прокуратуры Петров отодвинул штору, глянул в окно. Темень, проливной дождь. Сейчас быть бы совсем в другом месте. Но ему позвонил сам Олег Зильберман, главбух белорусского уголовного общака, тоже витебчанин, знакомы не один год. Попросил о встрече, конечно, не в его кабинете. Петров сам вырос на улицах Витебска, общался с будущей братвой в детстве. Сам, честно говоря, непонятным образом не попал в эту среду... А потом пришлось заниматься по долгу службы. Кое-кому иногда удавалось помогать, ясное дело, не просто так. Иначе жил бы впроголодь. Иногда – отказывать. Он не всесилен, да и дела были такие, что не замаять. А иногда эти ребята вызывали отвращение и он доводил дела до полной катушки. Олег Зильберман человек особый, к нему уважительно относилась не только братва, но и люди из разных солидных учреждений не только Витебска. Зильберман был при покойном воре в законе Щавлике правой рукой, потом стал контролировать весь общак, имеет большое отношение к сибирской нефти. Подобраться к нему никто не мог, а когда делались попытки, чья-то мощная рука останавливала их.

Он позвонил ему. Случилось нечто неординарное, иначе бы этого не произошло. Поэтому он ждал.

Через несколько минут, на него смотрели глаза не уголовного авторитета, а ведущего профессора какого-нибудь НИИ. Взгляд умный, пронзительный, враз раскусывающий человека, улавливающий любое колебание в его поведении. Только бледный цвет лица выдавал волнение.

– Извини, что в такое время... Я пришел дать тебе показания. Не для папки с делом. А для тебя... В свое время папа Володя, видно, чувствуя приближение смерти, советовал это сделать. Запиши все на видео. Магнитофон я принес.

– А почему ты ко мне пришел?

– Живешь по понятиям, поэтому и пришел. А я знаю, почему нашу братву в жмурики переводят. Есть у меня чувство – и меня туда отправят. Поэтому пиши, пиши меня... Я, Зильберман Олег, находясь в полном уме и здравии, даю эти показания и в случае моей смерти даю добро на предание этой записи общественной огласке, демонстрации по телевидению... Так получилось, что я имею непосредственные отношения к сделкам, в которых замешаны высшие должностные лица республики. Мне известны схемы, по которым отмываются деньги в нефтяной теме.

Те, кто крышует эти дела – УД и СБ поручили эти сделки проводить фирмам «Сургутнефтьгаз» (за которой стоят братья Черные) и «Славнефть» (за которой стоят Абрамович и Березовский). Со стороны власти сделку контролировала управделами Галина Журавкова. Она же ведала подготовкой указов и решений. С Журавковой я познакомился в те времена, когда она работала в Нижневартовске на „Сургутнефтьгазе“. Она уехала оттуда по причине возбуждения уголовного дела. В Нижневартовске она имела тесные отношения с братвой и имела кличку Марта. Мы поставляли нефть по завышенной цене, в среднем по двадцать долларов за тонну. Полученные нефтепродукты продавались местным предприятиям на сорок долларов дороже за тонну...

Следователь перебил его:

– Конкретнее, кому продавали?

– Сделок было много... Приведу пример. «Белнефтехим», государственная контора, отправляла мазут за границу за 69 зеленых, а мы впахивали «Белорускалию», горнякам на поддержку штанов, по 98. Я хорошо помню эту сделку, когда я лично передал Марте чемодан зеленых. Я люблю цифры. Приучен их уважать. Еще порасставляли сверху свои, вроде бы мелкие, фирмочки. Попросила железная дорога у «Белнефтехима» дизтопливо продать, а Сережа Мишин четко установил, где им брат: «Белметаллэнерго», «Синтез». Спросишь, почему? «Белметаллэнерго» сынок Заметалина курирует, «Синтез» – московские пацаны во главе с Жуковым, а «Шве-Бел Партнер АБ» – генерал Юркин из КГБ. Ты секи, какая компашка.

– Как делили прибыль?

– Десять процентов мы себе брали на общую кассу, двадцать пять процентов Марта забирала, а остальное участникам распихивали. У нас тоже была своя общаковая фирма «Лада ОМС» (Ваганов). До Вовки все бабки общака, когда новое время пошло, туда засунули. Но после того, как у них два танкера с нефтью в Иране грохнули, отошли они от этого дела. Мы хорошо ладили. Наши люди, их люди. Друг другу дорогу не перебежали. А тут московские пацаны стали все чаще здесь крутиться. ...Есть такой чиновничек Бамбиза, такой тихий, под башкой сидит. Его сын хотел от пирога кусочек отломать, так они его ночью вздернули, прямо на заправке – не отходя от нефтяной кассы.

Неспроста я к тебе пришел. Замазали меня. И схему я их знаю. Если кто в бабках продвинулся, а с ними не делится, мужика замачивают, а бабки забирают. Со мной как было. Перед выборами сказали: отдай общак, надо прессе оплатить. Не волнуйся, вернем. Картинку показали из Сургута. С моим участием. Мы, якобы русские, поддерживаем батьку. Общак не вернули... Братве через своих ментовских шестерок вводят в уши, что я их закопал... По их схеме я должен быть мертвым, но я еще живой... Поэтому я пришел к тебе.

Он затравленно посмотрел вокруг.

– Представляешь, мои люди почти в открытую бабки несут на самый верхняк. Чтобы, например, лом из России на металлургический комбинат завести, через пацана ихнего Клемантовича Тозику «лимон» дали, тому Тозику, что у батьки на контроле сидит. У них везде свои люди. Причем, в основном, беспредельщики. Мозырский нефтеперерабатывающий крышует Сева Картанов из Новосибирска, от Быка смотрящий. Когда Быка Лебедь закрыл, Сева деньги из Беларуси чемоданами возил в Москву для отмазки. Он у Быка главным киллером был, думаю, что и здесь без работы не остался. Не зря его видели у нас в Витебске на базе у этих волков.

Ты подумай, они колесами стали заниматься?! На всех точках их люди. Президент в законе, мать его... Не Беларусь, а Чикаго. А я ведь еще знаю, где они деньги газовые прячут. А там не миллионы – миллиарды...

* * *

После ухода Зильбермана следователь не находил себе места. В какой стране мы живем... На душе у следователя остался странный осадок. Он и сам себе не раз задавал подобный вопрос: как случилось, что за Лукашенко проголосовала большая часть народа? Сон разума рождает чудовищ. Он вспомнил своих родителей. Они тоже, не задумываясь, голосовали за него. Всю жизнь они горбатились на Витебском КИМе, думая о куске хлеба. И они пошли за тем, кто сыграл на их примитивном, рабском мышлении, продекларировал: я им отомщу за вас...

А как быть им, работникам правоохранительных органов? При слове «правоохранительных» его неприятно покоробило. Чье право мы охраняем? Право мерзавцев на убийства, грабежи. Право бесконтрольно управлять и насиловать, право устанавливать свои бандитские законы. Даже такие, как этот Зильберман, которые всю жизнь конфликтовали с законом, понимают, что власть не должна быть такой, иначе все рухнет.

Ему почему-то вспомнилась встреча Лукашенко с Митрополитом Филаретом в церкви. Кривые ухмылки духовного пастыря и вальяжные объятия Президента «в законе», словно братки на сходняке...

* * *

... Спустя месяц в витебской гостинице «Двина» поселилась группа Сивакова, бывшего министра внутренних дел, ныне замглавы администрации Президента. Через сутки они уехали. А еще через день Олег Зильберман был расстрелян в упор возле своего дома. Несмотря на усилия следователей, дело об убийстве так и не было раскрыто...

«Я покажу им, кто в стране хозяин!»

К Генеральному прокурору Божелко вошел руководитель следственного комитета.

– Ну, что у тебя? – спросил Божелко.

– Мы почти завершили расследование и сегодня уже можно назвать убийц Завадского, заказчиков и исполнителей. Нами установлена группа лиц, которые занимались похищениями и убийством людей. Некоторые из них нами уже арестованы – Игнатович, Гуз, Малик и Саушкин. В группу входили еще пять человек, но их мы пока не установили. Руководил всем Павличенко, командир СОБРа. Один из арестованных, Малик, стал давать показания. Вот примерное место, где закопан труп Завадского...

Он протянул Божелко лист бумаги.

– Исследуя почерк похищений Захаренко, Гончара и Красовского, мы пришли к выводу о необходимости объединить все эти преступления в одно дело. Мы просим дать санкцию на арест Павличенко. Из показаний арестованных мы делаем вывод о причастности к организации этих преступлений высших должностных лиц. По нашим данным команды отдавали Шейман и Сиваков. Мы также просим санкцию на их арест...

– Только и всего? – глухо произнес Божелко и стал вышагивать по кабинету. – Я смотрел материалы... Не все. Хорошо поработали, спасибо Я дам ответ через час-два...

Когда Сидорский вышел, Божелко набрал по «тройке» председателя КГБ Мацкевича:

– Володя, надо срочно встретиться... Не надо в кабинете... На повороте на «Крылово». Там, где в прошлый раз, у озера.

– Я сажусь в машину. Через тридцать минут буду на месте.

– Хорошо.

Шли по узкой тропе вдоль озера. Разговор был короткий:

– Ты знаешь, мы взяли Игнатовича и Малика... Доказательства неопровержимые...

– У моих людей тоже.

– Просят санкцию на арест Павличенко. Я дам ее сегодня же...

– Полностью поддерживаю, – сказал Мацкевич. – Время пришло. Сейчас или никогда... Они еще такого натворят!

Божелко крепко пожал ему руку.

– Я не сомневался, что поддержишь... Спасибо. И еще... Главное. Мои просят санкции на арест Шеймана и Сивакова. Как ты думаешь?

Мацкевич ответил не сразу.

– Высшие должностные лица. Не поймешь, кто там чем руководил. Надо советоваться с Президентом... Иначе нас никто не поймет.

– Не знаю, – ответил Божелко. – Я уже ничего не знаю. По ночам одни кошмары снятся. Телевизор смотреть не могу, газет не читаю. Думаю: кто я такой, кому служу и зачем? Водку

глушу, на пару часов забываюсь, а потом все сначала начинается...

Мацкевич ничего не ответил. Некоторое время шли молча.

Потом он сказал:

– Значит так... Я подписываю постановление об аресте.

– Мы санкционируем это задержание, – сказал Божелко. – Брать надо сегодня. Завтра можем не успеть. А потом идем к Президенту. Другого выхода у нас нет. Куда доставим Павличенко?

– Ко мне. В специзолятор КГБ. Лучше места нет... Решили?

– Решили.

– Да, чуть не забыл. Звонил генпрокурору России Устинову. Пускай везут сюда оборудование по поиску трупов. Мои хлопцы примерно определили, где они находятся.

– Ну хорошо, пока не прощаемся, – сказал Мацкевич. – Я думаю, сегодня звонить Президенту не стоит. Ему и так доложат. А ты будь на связи...

Пожали друг другу руки, сели в машины... Буквально через полчаса Божелко вызвал Сидорского.

Сказал:

– Вот ордер на арест Павличенко. С остальными подождем... Я надеюсь, до завтра...

* * *

Через полчаса группа захвата мчала в Уручье, на базу СОБРа.

– Будьте готовы... Может быть оказано вооруженное сопротивление. Сами знаете, куда едем...

Бойцы передернули затворы. Настроение было непонятное... Брать самого Павличенко, командира СОБРа, имя и фамилию которого в спецслужбах произносили по-особому...

Охране показали ордер на арест. Полное спокойствие. Прошли в здание. Ничего, кроме удивленных взглядов. Вошли в кабинет Павличенко... Он поднял красные, напряженные глаза, сказал:

– Я вас ждал. Давно ждал, – и криво усмехнулся.

Надели наручники. Пошатываясь, Павличенко шел мимо подчиненных, стараясь не сталкиваться с их взглядами.

В кабинете сделали обыск. Найти что-то не надеялись. Все было стремительно.

– Что это за кассеты? – спросил старший офицер.

– Посмотришь, будет интересно. Если тебе дадут посмотреть. Тут наша работенка запечатлена... Как кое-кого хлопали.

* * *

Мацкевич был один в кабинете. Ни одного звонка, телефоны будто отрубались. А может, так и есть на самом деле... Поднял трубку. Есть гудок. Набрал номер телефона Божелко.

– Тебе никто не звонил?

– Никто. Полное молчание... А у тебя?

– Тоже. Давай сами не звонить. Позовет.

– Будем ждать... Ничего другого не остается. Сейчас допрашивают Павличенко. Он пьян. Но говорит.

В эти минуты Лукашенко вызвал Шеймана. Заорал:

– Это что – переворот? Куда ты смотрел? Когда они смогли сговориться с Божелко? Это ж полностью наш хлопок. Так я думал до сегодняшнего дня...

Шейману хотелось сказать, что он давно так не думал, но слова вылетели совсем другие:

– Мои источники сообщили, что готовы ордера на арест меня и Сивакова.

Лукашенко побелел:

– А ордер на мой арест еще не готов?! Совсем, подонки, отвязались. Государство в государстве создали... Смычка – прокуратура и КГБ. Кто за этим? Значит так, поднимай спецназ в Марьиной горке, весь СОБР. Срочно в Минск... Вся координация пускай берет на себя Наумов. На завтра – коллегия силовиков, я покажу им кто в стране хозяин! Зарвавшиеся засранцы... Если что, будем отстреливаться до последнего...

Шейман вздрогнул от этих слов. Лицо у Лукашенко красное, истеричное, мокрые руки отирает о штаны...

– Все понял? Все?

– Да. Павличенко надо срочно освободить, иначе...

– А сейчас ко мне Мацкевича и Божелко. Срочно, если еще не смылись, суки... А Павличенко... Сегодня будет свободен.

* * *

Им наконец-то позвонили.

– Едем, – сказал Мацкевич Божелко. – И сразу же, с порога... Согласование санкций на арест Шеймана и Сивакова.

– Согласен, так и сделаем, – ответил Божелко.

Через несколько минут они были в кабинете Лукашенко. Он почти строевым шагом вышагивал по ковру.

– Вы что делаете? – глянул сразу на обоих. – Обосрать меня хотите перед всем миром, страной?!

Оба молчали. Знали, что Лукашенко выпалит дальше. И ждали недолго:

– Хватаете надежных людей. Людей, которые Президенту, в отличие от вас, верно служат!

Он сел за стол.

– Какого хрена молчите?

– Александр Григорьевич, вы всенародно поручили нам заняться расследованием исчезновения людей... Мы занялись. Провели долгое и кропотливое расследование, – спокойно начал Божелко. – Мы уверены, и это подтверждено документами, что исчезнувших убрал СОБР во главе с Павличенко по команде Шеймана и Сивакова. Я прошу у вас как у высшего должностного лица государства дать санкцию на их арест...

– Я поддерживаю эту просьбу, Александр Григорьевич, – сказал Мацкевич. – Мы тоже проводили свое расследование... Разногласий с прокуратурой нет.

Лукашенко подхватился с места:

– Да вы оба спятили... Садить самых верных Президенту людей? А с кем я останусь? С вами?... Ладно, ладно! Так, Мацкевич, дай команду, чтобы Павличенко срочно доставили из изолятора КГБ ко мне в кабинет. Срочно, понял?

– Я этого не сделаю, Александр Григорьевич. Я не могу нарушать закон. Он находится в изоляторе из-за совершенных преступлений, согласно ордеру на арест, подписанному Генеральным прокурором.

Лукашенко побагровел еще больше.

– Вон отсюда! С этой минуты ты больше не председатель КГБ!

Когда Мацкевич с Божелко вышли, набрал номер телефона Ерина, заместителя Мацкевича. Сказал:

– Срочно освободи Павличенко и привези его ко мне...

– Слушаюсь, – ответил Ерин.

Надо срочно разбираться с силовиками. Завтра же... Эти люди должны понимать каждый его взгляд, а не только слово!

Примерно через полчаса Павличенко сидел перед Президентом.

Лукашенко внимательно посмотрел на него.

– Ты там, на нарах, думал, что я сдам тебя?

– Никак нет, Александр Григорьевич. Был уверен, что освободите...

– Скажи мне, о чем тебя спрашивали следователи и что ты говорил?

Павличенко ответил, не задумываясь:

– Спрашивали, какие приказы вы, Александр Григорьевич, мне отдавали.

– Что ты на это ответил?

– Сказал, что никаких приказов от вас не получал...

– Молодец... Ты свободен. И дальше будешь служить. Как прежде. Понял?

– Понял, Александр Григорьевич!

* * *

Ранним утром спецподразделение КГБ «Альфа» было поднято по тревоге. Спецназовцы направлялись на территорию военной части 3214, на место дислокации СОБРа. Совместно с работниками прокуратуры необходимо было произвести осмотр территории. Неожиданно к части подъехала машина с совбезовскими номерами и из нее вышел недавно арестованный Павличенко. Подойдя к растерянным сотрудникам, Павличенко спросил:

– Кто старший?

Протянул трубку:

– Тебя вызывают.

Офицер услышал голос Шеймана.

– У вас есть десять минут на то, чтобы убраться с территории воинской части!

* * *

Перед началом коллегии пригласил Шеймана. Вид у Президента был спокоен.

Сказал:

– Ну что, отстреливаться не пришлось?

– Не дождутся, – ответил Шейман.

– Значит так. Мацкевича и Божелко на х... Ерин председатель КГБ. Сивакова пока в резерв, потом к себе в администрацию заберу. А сейчас пусть посидит на даче. На всякий случай установите наблюдение... Чтобы никуда не смылся. Зачем он тронул Завадского? Я его об этом не просил. Из-за этого такая катавасия... МВД возглавит Наумов. Человек не раз проявил себя.

Он глянул на Шеймана:

– Про себя спросить хочешь?

Шейман промолчал.

– Тебя тоже надо отсюда... Засветился, да еще как. Иди генеральным в Прокуратуру. За законом будешь смотреть. Курировать будешь то же самое, что и курировал – оружие, еще кое-что, что главным является. Только при погонах и лампасах будешь. Ты ж об этом мечтал... Не забудь всю свою группу к себе под крышу взять. Мужики надежные.

«Следствие по делу превратилось в фарс...»

Я, бывший следователь прокуратуры Олег Анатольевич Случек, располагаю информацией о следующем. После референдума 1996 года секретарем Совета Безопасности РБ Шейманом было дано поручение командующему внутренними войсками Сивакову создать команду, которая смогла бы выполнять любые поручения, вплоть до убийств. Сиваков поручил своему подчиненному офицеру бригады специального назначения внутренних войск Дмитрию Павличенко подобрать людей для выполнения спецопераций.

Была создана группа, в которую в разное время входили обвиняемые ныне по уголовному делу о похищениях и убийствах людей – Игнатович, Гуз, Малик, Саушкин, а также 5-6 человек, не установленных следствием. Группу возглавлял Павличенко. Этой группе было приказано отработать схему похищения, убийства, а затем захоронения трупов. При убийствах для исключения опознания в случае обнаружения трупов решили использовать пистолет. Это был пистолет, который невозможно было впоследствии опознать – из него в Республике Беларусь приводятся в исполнение смертные приговоры. Способ убийства выбрали – стрелять в голову. Этот пистолет давался Павличенко на один-два дня, а после выполнения заказа пистолет возвращался на место. Группе было поручено опробовать эту схему на криминальных авторитетах. Первым «пропал» белорусский вор в законе Щавлик. Затем пропадает менее крупный «авторитет» Мамонтенок, а также более-менее крупные криминальные авторитеты, живущие на территории РБ. Тогда же в криминальных кругах стали ходить слухи о том, что властью была создана группа, которая занимается похищениями и убийствами криминальных авторитетов.

После исчезновения вышеуказанных лиц шума никто не поднял. Эту схему посчитали идеальной и стали поручать группе еще более серьезные «заказы» – политические. Пропадает Захаренко, затем пропадают Гончар с Красовским, и последним пропадает журналист Завадский. Все указания на проведение операций поступали к Павличенко непосредственно от Сивакова. Сиваков получал их от Шеймана. После отставки Сивакова группа перешла под полный контроль нового министра внутренних дел Наумова. Всего группой было совершено более 30 убийств. Члены группы были уверены в своей безнаказанности. Но с Завадским у группы вышел прокол. Данные экспертизы доказали причастность Игнатовича к похищению журналиста Завадского. В багажнике машины Игнатовича была найдена лопатка со следами биологических выделений пропавшего.

Возможно, что Завадский действительно знал правду о чеченской «карьере» Игнатовича. Но я думаю, Завадский был похищен и убит из-за того, что он был личным оператором Лукашенко, однако затем ушел от него и перешел на работу к Шеремету и стал в оппозицию к своему Президенту. А как известно, Лукашенко ничего не забывает и не прощает.

Вопрос: Правда ли, что люди, занимающиеся расследованием деятельности этой группы, умирают очень странной смертью?

Ответ: С января месяца по данное время умерли при странных обстоятельствах два оперуполномоченных уголовного розыска, которые занимались раскрытием данных преступлений.

Вопрос: От чего они умерли?

Ответ: Сердечный приступ. Но до этого ничего не предрасполагало к их смерти. Я считаю, что они что-то узнали, и просто власти не хотели, чтобы это вышло наружу. Их подозревали также в сотрудничестве с прессой, в «сливе» информации.

Вопрос: Откуда получена вся эта информация?

Ответ: Эту информацию мне передали действующие сотрудники КГБ и прокуратуры. Как вы

сейчас понимаете, они сделали это с риском не только для карьеры, но и для собственной жизни.

* * *

Я, сотрудник органов прокуратуры РБ Петрушкевич Дмитрий Павлович, работаю в следственной группе прокуратуры РБ по расследованию уголовных дел по факту исчезновения журналиста Дмитрия Завадского, убийства азербайджанской семьи, похищения начальника Контрольно-ревизионного управления Министерства культуры Грачева и других.

Обвиняемыми по этому делу являются один бывший сотрудник спецподразделения «Алмаз» МВД РБ Игнатович Валерий, действующий сотрудник спецподразделения «Алмаз» Малик и еще два человека. Когда я ознакомился со всеми материалами уголовных дел, я решил обратиться к средствам массовой информации и к международным организациям, чтобы сообщить о том, как обстоят дела в РБ с расследованием похищений людей, в том числе известных политиков, которые до настоящего времени не найдены.

Вкратце, как я пришел к этим выводам. В 2000 году бывший сотрудник спецподразделения «Алмаз» Игнатович был задержан на территории Чечни. После задержания с ним общались работники российских спецслужб.

Он рассказал, что по указанию высших должностных лиц силовых министерств РБ выполнял специальное задание. Его продержали под арестом 10 дней и выпустили. После того, как Игнатович вернулся в Беларусь, его задержали. На момент задержания он совершил множество преступлений в составе сформированной преступной группы. Среди них – похищения, убийства политиков. Когда «разрабатывали» Игнатовича, установили, что 13 мая 2000 года он вместе со своими поделщиками под руководством командира спецподразделения МВД РБ СОБР Дмитрия Павличенко участвовал в похищении начальника Контрольного-ревизионного управления Министерства культуры РБ Грачева Александра Викторовича. Его вывезли в район Северного кладбища, где приставляли пистолет к голове, угрожали смертью. Грачев опознал Павличенко, как человека, который участвовал в его похищении.

Павличенко был помещен в изолятор КГБ, где генеральный прокурор Божелко лично с ним беседовал и требовал, чтобы тот сознался, где же все-таки находится журналист Завадский. На тот момент следствие интересовало больше всего Завадский. От Павличенко после того, как с ним побеседовал Божелко, поступила информация, что труп Завадского находится в районе Северного кладбища. Вероятнее всего там же находятся и пропавшие белорусские политики – Гончар, Красовский, Захаренко.

В тот же день было приблизительно установлено место, где он захоронен, где находится его труп, потому, что никто не сомневался, что Завадский действительно убит. И лично Божелко подписал запрос на имя генерального прокурора России Устинова. Он просил предоставить технику, предназначенную для отыскания трупов в земле, а также специалистов, поскольку в Беларуси такая техника на тот момент отсутствовала. Отсутствует она и сейчас. Это письмо было отправлено, по-моему, или 21, или 22 ноября. После этого, 27 ноября указом Президента Лукашенко снимается с должности генеральный прокурор... и председатель КГБ, а на следующий день уже направляется новая бумага на имя Устинова. Указывается, что необходимость проведения работ по отысканию трупов в земле отпала. То есть, тем самым, по-моему, Лукашенко сам и признал, что не хочет, чтобы труп Завадского был найден. После ареста Павличенко был помещен в следственный изолятор КГБ. Но на следующее утро он, как ни в чем ни бывало, вышел из следственного изолятора. Причем выпустили его оттуда сотрудники Совета Безопасности по личному указанию тогдашнего секретаря Совета

Безопасности Шеймана.

На следующий день проводился осмотр на территории военной части № 3214, где работал Павличенко, и которая фактически являлась базой для этой преступной группировки. Но явился лично Павличенко, который в тот момент должен был находиться в следственном изоляторе, и потом раздался телефонный звонок. Звонивший сказал, что он Шейман и что у них есть 10 минут на то, чтобы убраться с территории военной части. То есть Шейман однозначно боялся, что там будут обнаружены какие-то документы, какие-то записи или снимки. Спустя какое-то время и Божелко, и Мацкевич были лишены своих должностей, видимо, за проявленное усердие в отыскании Завадского, а Шейман, не имеющий высшего юридического образования, стал Генеральным прокурором. Также можно добавить, что руководил следственно-оперативной группой министр внутренних дел Наумов, который очень хорошо знаком как с Игнатовичем, так и с Маликом. И Наумов до сих пор их посещает в следственном изоляторе... Без протокола, без какого-либо оформления документов.

То есть документального подтверждения его посещения вы не найдете нигде. Это естественно. Я так думаю, что Наумов снабжает их информацией, потому что преступникам известны данные о почти всех членах следственной группы. Малик и Игнатович постоянно угрожают следователям. Им известны данные о личной жизни, домашние адреса членов следственной группы. То есть тут можно сделать вывод, что этой информацией их снабжает Наумов.

Если говорить о почерке совершения преступления, то тут однозначно прослеживается связь и с похищением Захаренко, и с похищением Гончара и Красовского. Похитители были хорошо организованы, действовали нагло и уверенно... После того, как стараниями Лукашенко Генеральным прокурором назначили Шеймана, следствие по этому делу превратилось в фарс...

Империя под ногами

Звон колоколов пронизывает мозг. Все громче, ближе... Тело становится невесомым, его поднимает и несет. К храму? По какой-то дороге с выбоинами... Он упирается, ему не хочется туда. Он всегда бегал из таких мест, где учат покорности и смирению. Ему становилось там страшно, пусто. Что тянет туда людей? Он не такой как они, он никогда не подчинится никому. У него совсем другая вера. Только в самого себя...

Боль в голове отступает. Звон колоколов становится хрустальным, дорога выравнивается, расстилается перед ним морем огней... Он въезжает в знакомую кремлевскую арку, чувствует холодок в груди, покалывание в ногах. Сейчас он войдет туда, поднимаясь по широкой лестнице все выше и выше, перед ним будут распахиваться все двери... Он пришел не просить. Хватит! Кончено. Империя под его ногами. Да какая империя!

Но что это? Снова мрак! Он упирается во что-то черное, отталкивающее. Его с силой отбрасывает назад. Он схватывается. В голове цепенящая боль. Рука нащупывает таблетку, вода из стакана стекает по подбородку на грудь. Он не включает свет, боясь увидеть себя в зеркале.

Опять этот сон. В который раз. Ему уже трудно бороться с этими галлюцинациями. У него нет больше сил заново, каждую ночь, собирать эту кремлевскую мозаику. Он, Александр Лукашенко, единственный хозяин России с восходом солнца рассыпается в никчемный,

ненужный никому прах. Утро петлей сжимает его шею – он задыхается от бессилия.

...Кто придумал этого Вовочку; задушил бы его собственными руками вместе с его «Единством». Кто он такой? Когда Вовка Собчаку шляпу носил – он уже был Президентом. Горячая обида подступила к горлу. Ну хрен с ним, с Кремлем, губернией он не станет. Он еще покажет, какой он хозяин у себя в стране, в своей собственной стране, где против него никто не пикнет. Он добрался до них, до каждого. Те, кто копал под него, разбросаны по лесам да болотам. Кто-то ушел сам. Где теперь Ванька Титенков, Леня Сеницын? Где «умнейший» премьер Ермошин? У самых ближайших рты на замке, приручил надежно. Мы пойдем дальше. Ему почему-то вспомнился голубой школьный глобус, маленький и податливый. Он возьмет с собой только тех, кто пойдет с ним до конца, до самого конца. У него много денег, он даже не знает, сколько их – а это власть посильнее гвалта и пустой болтовни. Надо их хорошо вложить, вон сколько бесхозной собственности. Никаких лукойлов и дерипасок. У него свои люди есть, надежные и проверенные. Им тоже жить надо. Скоро пуцу заводы с молотка. Деньги должны работать. Передохну и пойду дальше. Мы заставим содрогнуться весь сытый мир – у него есть план, только ему известный план, и никому больше не дано понять его мысли.

Его снова бросило в пот. Огромные, липкие простыни сбились вокруг него как саван. Мрак обступал его со всех сторон. Успокойся, успокойся. У тебя все в полном порядке.

От автора

Дорогой читатель! Согласись, нелегко жить в эпоху перемен. Для нас, живущих в Беларуси, это смутное трагическое время кажется бесконечным. Восемь лет назад на нашу страну началось настоящее нашествие. Нашествие безнравственности, воинственного невежества, хамства и лжи. Именно ложь и несбыточные обещания, облаченные в бесстыжую демагогию, парализовали сознание простых людей, застали врасплох их души. Сон разума рождает чудовищ. Известно, что трагедия повторяется, но только уже как фарс. Уже почти десятилетие мы наблюдаем за доморожденным «диктатором в лаптях», который пытается подмять под себя все и вся: людей, их жизни, целое государство. Он ворует миллиарды долларов, убивает ни в чем не повинных людей, устраивает пиры во время чумы. Заблудившись в мозаичном лабиринте своей психики, чувствуя свой конец, он упивается придуманными им новыми политическими оргиями, шельмуя людей, растаптывает человеческое достоинство и мораль. Все это свидетельствует об одном: дни его сочтены. Никому не дано остановить время, его ждет суд и проклятие поколений. Но как быть нам, как усвоить этот тяжкий и горький урок? Как сделать, чтобы эта трагедия никогда больше не повторилась. Поэтому, дорогой читатель, не спрашивай, по ком звонит колокол, он звонит по тебе.